

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

МУРАТ ЛАУМУЛИН

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
ИСЛАМСКОМ МИРЕ**

(в контексте председательства РК в ОИК)

Алматы 2011

УДК 327(574)
ББК 66.4(5 каз)
Л 28

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте РК*

**Л 28 Лаумулин М.Т. Геополитические процессы в исламском мире
(в контексте председательства РК в ОИК): монография. – Ал-
маты: КИСИ при Президенте РК, 2011. – 176 с.**

ISBN 978-601-7242-32-9

Настоящее издание посвящено председательству Республики Казахстан в Организации Исламская Конференция (ОИК) в 2011–2012 гг. В работе рассматриваются: история создания ОИК, место ислама в современном мире, ислам и экономика, рост политическо-го ислама, геополитические изменения, происходящие на Ближнем Востоке.

Значительное внимание уделяется ситуации в арабском мире и в отдельных арабских государствах (до событий начала 2011 г.). Кроме того, в исследовании рассматриваются ситуация в Афганистане, внут-триполитическая ситуация и международное положение крупней-ших мусульманских стран – Ирана, Турции и Пакистана.

Отдельно рассматривается комплекс вопросов, связанных с отно-шениями государств Центральной Азии и ОИК. В работе также изу-чается вопрос об интересах Казахстана в исламском мире, в том чис-ле – в контексте председательства РК в Организации Исламская Кон-ференция.

Исследование рассчитано на широкий круг читателей: специалистов-международников, востоковедов, аспирантов, студен-тов и журналистов.

ISBN 978-601-7242-32-9

**УДК 327(574)
ББК 66.4(5 каз)**

© КИСИ при Президенте РК, 2011
© Лаумулин М.Т., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ИСЛАМ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	8
1.1. Из истории ОИК.....	8
1.2. Место ислама в современном мире.....	17
1.2.1. Исламизм в Центральной Азии	21
1.3. Ислам и экономика.....	22
1.4. Рост политического ислама.....	27
1.5. Геополитические изменения на Ближнем Востоке	30
2. АРАБСКИЙ МИР И ЕГО ПРОБЛЕМЫ	34
2.1. Ситуация в Палестине	40
2.2. Ирак.....	45
2.3. Йемен	48
2.4. Алжир.....	51
2.5. Тунис	53
2.6. Ливия.....	55
2.7. Марокко.....	57
2.8. Египет.....	59
2.9. Катар.....	62
2.10. Саудовская Аравия.....	64
2.11. Перспективы развития ситуации в Афганистане.....	67
3. ИСЛАМ В ПОЛИТИКЕ КРУПНЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ НЕАРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ	95
3.1. Турция	95
3.1.1. Ислам и внутренняя политика	95
3.1.2. Ислам и внешняя политика	100
3.2. Иран.....	105
3.2.1. Внутриполитическое развитие	105
3.2.2. Внешняя политика	109
3.3. Пакистан	116

3.3.1. Внутриполитическое развитие	117
3.3.2. Внешняя политика	123
4. ОИК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ.....	131
4.1. Казахстан и ОИК.....	132
4.2. Кыргызстан и ОИК.....	135
4.3. Таджикистан и ОИК.....	137
4.4. Узбекистан и ОИК.....	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141
ПРИЛОЖЕНИЕ	145
ЛИТЕРАТУРА	148
ҚСЗИ туралы ақпарат	170
Информация о КИСИ.....	172
Information about the KazISS.....	174

ВВЕДЕНИЕ

В 2011 г. Республика Казахстан приступает к председательству в СМВД Организации Исламская Конференция (ОИК), являющейся крупнейшей организацией такого рода в исламском мире, объединяющей в своем составе 57 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек.

Государства – члены ОИК расположены преимущественно в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, т. е. в регионах со сложной геополитической и военно-политической ситуацией. Действительно, крупнейшие и наиболее затяжные конфликты современного мира развиваются именно в зоне ОИК: в Палестине, Судане, Ираке, Афганистане, Кашмире и т. д.

Эти регионы представляют собой объекты пристального геополитического внимания со стороны США и Запада в целом. В то же время, указанные регионы в течение длительного времени являются источниками международного терроризма и радикального исламизма. Крайне важно, что в этих регионах (включая Каспий) сосредоточены основные мировые запасы углеводородов, что резко повышает геополитическую значимость зоны ОИК.

Зона ОИК является сферой ядерного распространения – рядом государств осуществлялись или осуществляются в настоящее время атомные программы, некоторые из них даже разработали в свое время ядерное оружие (Пакистан, Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Египет, Саудовская Аравия и др.).

В целом для большинства стран ОИК (особенно в Африке), являющихся частью так называемого «глобального Юга», характерен низкий уровень экономического развития. С другой стороны, многие регионы зоны ОИК представляют собой динамично развивающиеся экономики, успешно интегрированные в глобализованную экономику. Многие регионы и стра-

ны зоны ОИК страдают от демографических, экологических и острых социально-экономических проблем, нехватки воды и продовольствия.

Однако за время своего существования (с 1969 г.) ОИК создала собственную структуру специализированных институтов и органов, призванных решать указанные проблемы, а также приняла ряд документов международного характера.

Таким образом, зона ОИК представляет собой нестабильный и турбулентный с точки зрения развивающихся здесь политических процессов мегарегион. В этих условиях председательство Казахстана в СМВД ОИК таит в себе ряд рисков политического характера. Крайне необходимо, чтобы Казахстан не оказался втянутым в процесс конфронтации и противостояния исламского мира с его геополитическими противниками.

В настоящее время такие угрозы и риски могут продуцироваться как существующими и потенциальными конфликтами, так и рядом обстоятельств. Это:

- арабо-израильский конфликт – наиболее длительный и практически не имеющий решения политическими методами;
- кризис в Ираке;
- активность международных террористов;
- возможный конфликт вокруг атомной программы ИРИ;
- конфронтация между Ираном и рядом арабских государств;
- усиление шиитского фактора в исламском мире и рост конфронтации с суннитским миром;
- расширение нестабильности в зоне Аф-Пак;
- потенциальные конфликты в Синьцзяне и Кашмире;
- индийско-пакистанская конфронтация;
- внутренняя дестабилизация ряда государств (Сомали, Ливан, Тунис, Египет, Ливия, Алжир, Йемен, и др.).

Для безопасности Казахстана первоочередной задачей остается сохранение стабильности в непосредственной географической близости и в сфере геополитических интересов РК – в Центральной Азии, Афганистане, СУАР, Иране, Каспийско-Кавказском регионе. Немаловажным фактором является тот факт, что, наряду с Казахстаном, членами ОИК являются и другие республики ЦА и СНГ, и в качестве наблюдателя в ОИК входит Российская Федерация.

Таким образом, задачами председательства РК в СМВД ОИК в 2011 г. является избежание вовлечения в конфликтные политические процессы и решения. В то же время Астана – как председатель СМВД – могла бы сосредоточиться на активизации деятельности по таким направлениям, как экономическое сотрудничество, здравоохранение, культурно-гуманитарное сотрудничество, межконфессиональное и межкультурное взаимодействие.

Задача председательства РК в ОИК, вероятно, осложнится бурными событиями января-февраля 2011 г., имевшими место в арабском мире. Многие арабские страны оказались охвачены социальными и политическими волнениями. В Тунисе был свергнут президент Бен Али, находившийся у власти свыше четверти века. Аналогичная судьба постигла египетского лидера Х. Мубарака, правившего АРЕ с 1981 г.

В это же время социальные и политические волнения охватили другие арабские страны – Йемен, Иорданию, Бахрейн, Алжир, Тунис, Марокко и даже Иран. В ряде случаев перевороты подозрительно напоминали сценарии так называемых «бархатных», или «цветных» революций.

1. ИСЛАМ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1.1. Из истории ОИК

Организация Исламская Конференция была основана в сентябре 1969 г. – после того, как в Иерусалиме была сожжена мечеть Аль-Акса, что вызвало в арабском и мусульманском мире повсеместное возмущение. Официально организация была создана в столице Марокко – Рабате – в 1969 г., в целях обеспечения исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах, охраны святынь ислама, борьбы против колониализма, неоколониализма и расизма, а также поддержки Организации освобождения Палестины. Своим появлением организация обязана драматическим событиям на Ближнем Востоке, связанным с израильско-арабским (израильско-палестинским конфликтом).

На первом саммите ОИК, состоявшемся в Рабате в 1969 г., его участники решили «...проводить консультации с целью укрепления сотрудничества и взаимопомощи в экономической, научной, культурной и духовной областях в соответствии с бессмертными учениями ислама». Первоначально в состав ОИК входили 25 государств Азии и Африки и Организация освобождения Палестины. В основу ОИК был положен принцип, что в нее входят страны, большинство жителей которых исповедуют мусульманство.

Первая встреча глав внешнеполитических ведомств стран – членов ОИК состоялась в 1972 г. На ней была принята Хартия ОИК. ОИК осуществляет тесное сотрудничество с ООН – с 1975 г. имеет статус наблюдателя при ООН; на XXVI сессии ГА ООН была принята резолюция «О сотрудничестве между ООН и ОИК», в которой подчеркивается необходимость создания специального механизма для координации действий сторон.

Цели организации: укрепление сотрудничества между мусульманскими государствами; координация их усилий на международной арене; стабильное развитие стран-участниц. Под эгидой ОИК действует ряд международных исламских организаций, таких, как Парламентский союз стран – членов ОИК, Исламский банк развития, Исламское агентство новостей, Исламская торгово-промышленная палата, Организация исламских столиц, Исламский суд справедливости и др.

За время своего существования ОИК пережила много политических потрясений, которые происходили на территории или касались мусульманского мира. Среди этих событий: перманентный конфликт на Ближнем Востоке; исламская революция в Иране 1979 г. и попытки ее последующего экспорта; появление феномена «исламского фундаментализма»; сплочение исламских стран с целью джихада в Афганистане; рост политического ислама в 1980-е гг. и выход на мировую сцену исламского радикализма в 1990-е гг.; распад СССР и СФРЮ, приведший к появлению новых мусульманских стран; появление в 1998 г. первой мусульманской ядерной державы в лице Пакистана; распространение исламистского международного терроризма в 1990–2000-е гг.; неоднократные вторжения Запада в некоторые мусульманские страны в последние десятилетия.

Хотя ОИК и является важным дискуссионным форумом, для проведения своих решений в жизнь ей не хватает средств, поэтому принятые ею резолюции зачастую остаются всего лишь декларациями. Например, в 1981 г. ОИК призвала удвоить усилия «с целью освобождения Иерусалима и оккупированных территорий», а также объявить экономический бойкот Израилю. Тем не менее, некоторые члены ОИК, включая Индонезию, Египет, Иорданию и страны Персидского залива, поддерживают экономические связи с этим государством. Призывы оказать финансовую помощь членам ОИК или му-

сультманским общинам, страдающим от гражданских войн и стихийных бедствий, нередко получают весьма ограниченный ответ.

Члены ОИК разбросаны по всему миру, поэтому эффективность деятельности этой организации ограничивается тем фактором, что входящие в нее государства придерживаются различной политической ориентации. Иногда между ними возникают острые противоречия, как, например, между Ираком и Ираном, или Ираком и Кувейтом.

Начиная со своего основания в 1969 г., ОИК приняла на своих саммитах около 3200 резолюций по различным вопросам – начиная с «бойкота Израиля» и заканчивая углублением политического, экономического и культурного сотрудничества между странами – членами Организации. Однако очень немногие из них были претворены в жизнь. Один из высших должностных чинов Секретариата ОИК признал, что гласности были преданы менее 10% резолюций, касающихся политического сотрудничества.

На расхождение позиций стран – членов ОИК также влияет сильное различие их политических и идеологических ориентаций. Хотя эти страны формально считаются мусульманскими, но роль и положение ислама в них являются совершенно неоднозначными. Некоторые правительства признают ислам в качестве государственной идеологии, другие имеют светские ориентацию и идеологию, а третьи находят с исламом – как с политической силой и идеологией – в состоянии противоречия. Этот момент отрицательно влияет не только на выработку общих позиций в рамках ОИК, но и на налаживание двусторонних отношений между членами Организации.

Данное положение усиливается и тем, что сегодня у власти в большинстве мусульманских стран находится поколение прозападных лидеров, формирование личностей кото-

рых проходило в западных университетах, или же в официальной среде неисламских ценностей. Это относится к большинству стран Ближнего Востока, Персидского залива, Северной Африки и Центральной Азии. А противостояние светских прозападных элит (лидеров, семей, династий и т. д.) и мусульманского населения является одним из самых острых вопросов ряда мусульманских стран, одной из главных причин отставания этих государств.

На сегодняшний день ОИК успела принять множество резолюций, призывавших страны – члены Организации голосовать в ООН единым блоком. Однако (за исключением резолюции по Боснии) все это не привело ни к каким результатам: каждая страна, несмотря на достигнутую договоренность, голосовала по своему усмотрению. Помимо организационных недостатков, ОИК страдает и от утечки ресурсов, во многом связанной с задержками платежей и невыплатами обязательных взносов. Лишь восемнадцать стран платят свои взносы на регулярной основе.

В последние десятилетия внутри самих мусульманских обществ наблюдаются глубокие преобразования. В исламском мире на уровне общественности вырабатываются общие позиции по многим вопросам, по которым правительства этих стран имеют противоречивые позиции. Этому содействует и процесс глобализации, в том числе – доступ к информации и формирование общего информационного пространства.

Такой процесс также можно наблюдать на примере палестино-израильского конфликта, где, несмотря на позиции властей, в последние годы абсолютное большинство населения мусульманских государств однозначно выражают солидарность с палестинцами, а многие из них готовы выделить средства на их поддержку. Желающих непосредственно попасть на «палестинский фронт» сдерживают только официальные границы.

В такой ситуации прозападные власти мусульманских государств чувствуют себя более отчужденными от своей общности, и, под воздействием ситуации, корректируют свои позиции. Даже в самом Египте, правительство которого считается одним из ближайших союзников Израиля, общественное мнение полностью находится на стороне палестинцев, и такое кардинальное разногласие между властью и населением становится одной из причин ослабления легитимности власти.

В связи с этим можно прогнозировать, что следующее поколение лидеров мусульманского мира займет, или будет вынуждено занимать позиции, более близкие к позициям населения своих стран. Даже в тех мусульманских странах, правительства которых входят в «антитеррористические коалиции» по Афганистану и Ираку, абсолютное большинство населения осуждает действия, происходящие в этих двух странах.

Процесс сближения позиций общественности по всему исламскому миру и выработка «общеисламских» позиций по многим современным вопросам отмечаются и в работах западных мыслителей. Суммируя данный процесс, французский политолог и исследователь Оливье Руа назвал его «возрождением уммы», т. е. ситуацией первых веков ислама, когда мусульманская умма (все последователи ислама) имела общие ценности и позиции.

Проблемы преодоления бедности, повышения уровня образования, прав женщин, и прав человека вообще, совершенствования технологий, экономического сотрудничества, борьбы с такими заболеваниями, как СПИД, малярия и туберкулез, а также миграции, гражданские войны, недостаточное питание – ключевые вопросы, которые страны – члены ОИК на сегодняшний день, как правило, игнорируют. Для того, чтобы заниматься этими проблемами, у Организации

нет специальных программ, предусматривающих бюджетное финансирование, – подобных тем, которые разрабатывают другие международные организации.

Так, внеочередной саммит лидеров ОИК прошел в Мекке в декабре 2005 г. и был связан с «карикатурным скандалом» (одна датская газета опрометчиво поместила на своих страницах карикатуры на пророка Мухаммеда), вызвавшим широкий резонанс в мире и волну протестов среди мусульман.

В перспективе процессу усиления и сближения позиций стран – членов ОИК содействуют позиция и поведение Запада. Возвращение большинства западных стран к своим христианским ценностям, усиление исламофобии, ограничение прав мусульманских меньшинств, односторонняя позиция Запада по палестинскому вопросу, противостояние иранской ядерной программе, продолжение муссированной информационной «антитеррористической» кампании, открытое вторжение западных стран в мусульманские государства, одним словом, обострение межкультурных отношений в перспективе приведут к вынужденному сближению позиций стран – членов ОИК.

В 2000-е гг. такие знаковые события, как объявление Дж. Бушем «крестового похода» против ислама, вторжение западных стран в Ирак и Афганистан, непризнание Западом демократической победы «Хамаса» в Палестине, издание на Западе карикатур на пророка Мухаммеда, громкие кампании против ношения исламского хиджаба в Европе, запрещение строительства мечетей и минаретов в ряде европейских стран, ужесточение иммиграционных процедур для мусульман, и т. д., постепенно содействовали формированию общих исламских позиций по всему исламскому миру и сближению позиций стран – членов ОИК. Известный американский ученый, автор концепции «столкновения цивилизаций» – С. Хантингтон – в своем последнем интервью прогнозиро-

вал, что в будущем исламские страны могут объединиться в организацию типа «исламский Евросоюз».

Таким образом, на сегодня Организация Исламская Конференция является самой крупной и наиболее влиятельной официальной правительственной мусульманской международной организацией. ОИК объединяет 57 стран с населением 1,5 млрд. человек. На правах постоянного члена в ОИК входит Палестина. В 2005 г. статус наблюдателя получила Россия. Статус наблюдателей имеют также Босния и Герцеговина, Центрально-Африканская Республика, Национально-освободительный фронт Филиппин Моро и ряд организаций (ООН, Движение неприсоединения и др.). Политический орган ОИК – конференция министров иностранных дел, исполнительный орган – Генеральный секретариат, штаб-квартира которого «временно» («до освобождения Иерусалима») находится в Джидде (Саудовская Аравия).

Руководящие органы ОИК: встреча королей, глав государств и правительств (саммит), конференция министров иностранных дел, генеральный секретариат и вспомогательные органы (ст. 3 Устава ОИК).

Встреча королей, глав государств и правительств (саммит) определяет общую политику мусульманских государств. Подобные встречи проводятся раз в три года. Конференция министров иностранных дел проводится ежегодно. При необходимости созываются внеочередные конференции. Генеральный секретариат является исполнительным органом ОИК. Председатель организации меняется один раз в четыре года по принципу ротации (так, чтобы каждый раз была представлена новая страна).

Повседневное руководство ОИК осуществляется секретариатом, в который входят Генеральный секретарь ОИК и четыре его заместителя. Главой секретариата является Генеральный секретарь, который избирается конференцией Ми-

нистров иностранных дел на четырёхлетний срок. Полномочия Генерального секретаря могут быть продлены только один раз. У Генерального секретаря – четыре заместителя: по политическим вопросам; по науке и технологиям; по экономическим вопросам; по социальным, культурным и информационным вопросам. Помимо заместителей, есть директор кабинета, который организует чисто техническую работу секретариата.

В составе Генерального секретариата функционирует ряд отделов: социально-экономический; по науке и технике; по делам Азии; по делам Африки; по международным вопросам; информации; по правам человека и делам религиозных меньшинств; по делам мусульманских неправительственных организаций, и др.

При ОИК действует и ряд самостоятельных организаций, созданных по решениям ее конференций, деятельность которых координируется Генеральным секретариатом.*

Более 90% своего годового бюджета (около 8–9 млн. долл. в год) Генеральный секретариат расходует на содержание своих сотрудников. Средств на проекты развития у него нет. Большую часть взносов в ОИК платит Саудовская Аравия.

Международным финансовым институтом ОИК является Исламский банк развития (ИБР). Идея образования банка появилась во время 2-го СМВД ОИК, проходившего в Карачи в 1970 г. 20 октября 1975 г. ИБР был учрежден.

* Исламский банк развития, Исламское агентство новостей, Организация радиовещательной и телевизионной службы исламских государств, Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам, Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям, Исламский фонд научно-технического развития, Центр по исследованию исламского искусства и культуры, Фонд Иерусалима, Комитет по Иерусалиму, Исламская торгово-промышленная палата, Организация исламских столиц, Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям, Комитет исламской солидарности с мусульманскими африканскими странами зоны Сахеля, Исламская ассоциация судовладельцев, Исламский центр развития торговли, Исламский фонд развития, Исламский суд справедливости, Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры.

Задача Банка – содействие экономическому и социальному развитию государств-членов и мусульманских общин в соответствии с принципами шариата, обеспечение финансовой помощи государствам – членам ОИК в развитии экономики, социальной сферы, а также поддержка международной торговли между странами-членами.

Исламская организация по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО) была образована решением 10-го СМВД, проходившего в Мекке в 1981 г.

Основные цели ИСЕСКО: усиление сотрудничества между странами-членами в области образования, науки и культуры; укрепление исламской солидарности путем координации усилий институтов ОИК в сфере образования, науки и культуры; консолидация подлинной исламской культуры и защита ее от факторов, искажающих ее значение; укрепление взаимопонимания среди людей и вклад в достижение мира и безопасности путем развития связей в области образования, науки и культуры; развитие прикладных наук и высоких технологий в рамках исламских ценностей и идеалов.

В настоящее время ОИК переживает период модернизации. В этой связи, в марте 2008 г., на очередном саммите ОИК в Дакаре (Сенегал), был принят новый Устав Организации.

Состав ОИК постоянно менялся в сторону расширения, но случались и исключения из состава Организации. Так, временному исключению из ОИК подвергались Афганистан (в 1980–1989 гг., в годы присутствия на его территории советских войск и нахождения у власти марксистского правительства) и Египет (в 1979–1984 гг., в связи с заключением сепаратных Кэмп-дэвидских договоренностей с Израилем).

Войти в ОИК в качестве наблюдателя стремится Индия, третья страна мира по численности мусульман. Кандидатуру Индии поддерживают такие влиятельные страны, как Са-

удовская Аравия, Малайзия, Иран и Египет, но вступлению препятствует Пакистан, увязывающий этот вопрос с решением территориального конфликта в Кашмире. Намерение стать членом ОИК имеют и Филиппины.

Исламофобия и осквернение исламских святынь на Западе – из числа актуальных вопросов, которым исламские государства всегда уделяют особое внимание. Касаясь перспектив ОИК, нельзя исключать, что в будущем членство в ОИК может стать для мусульманских стран более важным и приоритетным, чем их членство в ООН. Например, если в ближайшие годы ООН не удастся реформировать, и если эта организация и дальше будет служить инструментом или механизмом обеспечения интересов только западных стран, то мусульманские страны постепенно потеряют к ней доверие, и она будет становиться для них все менее привлекательной. Такая ситуация вполне может вынудить их сплотиться в свой «исламский ООН», т. е. в ОИК.

1.2. Место ислама в современном мире

Как отмечают ведущие эксперты, ислам можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности. По наблюдениям социологов, ни в одной другой религии нет такого большого числа верующих, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников. Простота и непротиворечивость устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических конструкций, способность дать целостную и понятную картину мира и общества – все это привлекает к исламу новые массы людей.

В политическом плане исламские государства играют в мире большую и все возрастающую роль. Уже давно вошли в обиход термины «исламский фундаментализм», «исланизм»,

«политический ислам», все чаще говорят и об «исламском терроризме», что совершенно некорректно. Исламский радикализм берет свою силу в жгучем ощущении несправедливости, которое испытывают люди, живущие в Азии и Африке, особенно в арабском мире. Отсталость, низкий жизненный уровень, нищета, безработица – это фон, на котором процветает экстремизм.

По данным Международного банка, общий экспорт арабских стран, если исключить из него нефть и газ, уступает экспорту Финляндии. По такому показателю, как продукция обрабатывающей промышленности, передовая арабская страна – Египет – занимает в мире 35-е место, наряду с Норвегией. В течение последних 20 лет XX в. рост дохода на душу населения в 22 арабских странах составлял 0,5% в год, что ниже, чем где-либо, за исключением Африки южнее Сахары. Среди ученых в мире всего 1% мусульман; в одном Израиле больше ученых, чем во всем мусульманском мире.

Насеровские мечты о создании объединенного великого арабского мира («новый великан») так и остались мечтами, хотя нескольким арабским странам – благодаря нефтяным богатствам – удалось прорваться к процветанию. Все светские системы правления, от западной парламентской демократии до насеровско-баасистского «социализма», были испробованы и закончились провалом.

В мусульманском мире имеется и важнейшая специфическая проблема глобального характера. Это – Иерусалим (по-арабски Аль-Кудс – «священный»), третий из священных городов ислама – после Мекки и Медины, место, где находятся две великие и глубоко почитаемые мечети – Масджид аль-Акса («отдаленная») и Купол скалы.

Сейчас эти святыне места находятся в руках израильтян, которых мусульмане считают злейшими врагами ислама. Израиль для них – представитель и форпост Запада, прежде все-

го, США. Американцев обвиняют в том, что по их воле евреи захватили святую землю. Практически единодушно мусульмане всего мира видят в этом трагедию и позор ислама, а преступниками называют Израиль и США. Это – важнейший из аргументов, обосновывающих необходимость «борьбы против Америки».

В принципе, мусульмане никогда не объявляли своим врагом христианство как религию. Ненависть фанатиков-террористов к Западу, в первую очередь, к Америке, имеет в качестве первопричины отнюдь не религиозные факторы. Объяснение следует искать не в религиозной сфере, а в тех исторических и социальных обстоятельствах, которые определяют жизнь сотен миллионов людей не только в мусульманском мире, а в «третьем мире» в целом.

Главной опасностью объявляется угроза исламской культуре, духовным ценностям, всему образу жизни мусульман – угроза, исходящая от «безбожного, погрязшего в материализме и разврате Запада», а не от христианской религии как таковой. Радикалы-исламисты внушают людям мысль, что, поскольку бороться на равных против технологически неизмеримо превосходящего их противника – невозможно, единственно эффективным оружием является террор.

Особенность ислама – в том, что, будучи основан на строжайшем единомыслии в том, что касается ядра учения пророка, устоев веры, он совершенно децентрализован в плане организации и структуры. Пагубную для самого ислама роль играет – как это ни парадоксально – то обстоятельство, что в нем отсутствует такой институт, как церковь, с ее иерархической структурой, увенчанной наверху непререкаемым авторитетом.

По существу, речь идет о состоянии перманентной войны, в котором держат исламский мир его духовные авторитеты; краеугольным камнем их идеологии остается, как и тысячу

лет тому назад, концепция противостояния «Дар аль-ислам и Дар аль-харб» (мира ислама и мира войны), т. е. вечной конфронтации. Это и есть то поле, на котором так удобно произрастает идея джихада в его воинственной интерпретации – идея, логически ведущей к оправданию террора.

Джихадисты спекулируют на таком феномене, как мусульманская солидарность. Именно поэтому идея джихада в воинственной интерпретации воспринимается многими мусульманами как вполне закономерная, отвечающая самому духу их религии и, в принципе, направленная на защиту ислама.

Исламизм стал мировым явлением, фактически он сейчас более заметен, чем ислам как таковой, как религия. Исламизм можно было бы назвать исламом, превращенным в современную идеологию, которая воспринимается ее адептами как ответ на вызов, брошенный мусульманскому миру западными идеологиями и общественными системами.

Важно отметить, что ландшафт мирового исламского общества уже существенно изменило новое глобальное джихадистское движение, оперирующее под брендом «Аль-Каиды». Во-первых, оно фактически разрушает традиционные исламские авторитетные структуры. Во-вторых, новые джихадисты делают упор не столько на решении локальных и региональных дел и проблем, имеющих место в исламских странах, сколько на создании глобального фронта, для чего вовлекают в свои сети живущих в западных государствах выходцев из мусульманских стран.

В мусульманском мире почти повсеместно делается гораздо больший, чем прежде, упор на возрождение исламского культурного наследия. Это заметно во всем, включая масштабное строительство мечетей, рост числа паломников, интерес к ношению традиционной одежды, в том числе – чадры для женщин.

Во внутреннем развитии, в своих основах ислам остается таким же, каким он был всегда: Аллах остается единственным сувереном и единственным источником закона. Нет разделения на светскую и духовную сферы жизни. Однако это не означает, что мусульманское сообщество склонно к воспроизводству окостеневших средневековых форм общественного устройства и оказалось неспособно к модернизации.

Следует отметить, что уже некоторое время назад притягательная сила идей наиболее насильственной части исламистского радикализма стала ослабевать. Идеология глобального джихада отстывает.

Имеющее хождение на Западе представление о том, что ислам по определению несовместим с демократией – это такой же миф, как давнее мнение о неспособности мусульманского общества – в силу его приверженности исламским догмам – приобщиться к системе свободного предпринимательства, к рыночной экономике.

1.2.1. Исламизм в Центральной Азии

Большинство исламистских организаций Центральной Азии являются малочисленными группами, даже кружками. Реальную силу представляет Хизб ат-Тахрир аль-Ислямий (ХТИ), а с относительно недавнего времени – Исламское движение Узбекистана (Исламское движение Туркестана).

ХТИ состоит из ячеек, в каждой из которых – три-пять человек. Средний возраст членов составляет около 30 лет. Территория деятельности ХТИ постепенно расширяется. Так, в Киргизии ХТИ уже проникла в северные районы республики, где ранее ее присутствие не отмечалось. Одной из главных (уже решаемых) задач ХТИ остается проникновение в госаппарат, в том числе – в службы безопасности.

В целом ислам в Центральной Азии остается достаточно политизированным. Однако, оценивая его роль, следует быть предельно осторожными и избегать крайностей. Никакой «зеленой революции», в том числе в Узбекистане, ожидать не приходится. В ближайшее время власть останется в руках тех, кто стоит на светских позициях. Но при всем при этом исланизм – как политический и религиозный феномен – останется и может усиливаться.

1.3. Ислам и экономика

В последние десятилетия в мусульманском мире наблюдается феномен вторжения исламских принципов в экономическую жизнь, особенно – в финансовую и банковскую сферы. В ходе своего председательства в ОИК Казахстан неизбежно столкнется с вопросами экономического сотрудничества на исламских принципах.

Несмотря на то, что мусульманство существует уже второе тысячелетие, его основные экономические идеи, опирающиеся на неизменный текст Корана и хадисы (рассказы о жизни и изречениях пророка Мухаммеда), почти не меняются – ни в связи с течением времени, ни в зависимости от национальных особенностей народов. Более того, несмотря на раскол мусульманства на секты, каждая из них исповедует одни и те же экономические принципы. Это обеспечивает единообразие экономического пространства на огромной территории, позволяет проводить единую экономическую политику по отношению к немусульманским странам, выступать мощным фронтом в мировом хозяйственном соревновании.

Основные экономические принципы Корана можно найти почти в каждой из 114 сур Корана. Часто они даже описываются одними и теми же словами. К тому же все принципы

настолько связаны друг с другом, что из любого можно вывести все остальные:

1. Помощь бедным.
2. Обязательность мусульманских налогов.
3. Честная торговля.
4. Трудолюбие.
5. Всякая собственность – Аллаха.
6. Общность пользования экономическими благами.
7. Экономика – это служение.
8. Богатство – испытание и награда.
9. Отрицание ростовщичества.
10. Отказ от роскоши.

Сугубо экономические категории, типа: «цена», «выгода», «убыток» – разбросаны по всему тексту Корана. Пророк Мухаммед был торговцем, и потому даже приходящие к нему откровения он излагал экономическим языком.

Община принимает милостыню – как от своих членов, так и от мусульман со всего мира. Община может принять пожертвование и от немусульманской организации.

Традиционная исламская налоговая система основывается на нескольких налогах. Современный ислам очень точно определяет рубез, за которым должен выплачиваться закят. При годовом доходе, превышающем стоимость 80 г золота, мусульманин обязан отдавать обществу 1/40 его часть.

Для современного ислама закят стал обязательным налогом. Выплачивается он ежегодно, сразу или по частям. В течение года средства распределяются среди нуждающихся.

В налоговой политике современных исламских стран закят сочетается с рыночными налогами типа подоходного, НДС, налога на топливо. Для мусульманского экономического мышления подоходный налог – это одна из разновидностей закята и анфаки – милостыни обществу и государству.

Коран предписывает: в торговле – отмеривать по справедливости и отвешивать сполна, и причинение убытков другим считает прямым нечестьем. Надо сказать, что и современными мусульманами это указание соблюдается очень строго.

Ислам, объединив множество народов, способствовал бурному развитию торговых отношений между ними, превращению исламских стран в зону свободной торговли. В современных исламских государствах, например, в Саудовской Аравии, торговля жестко контролируется законом. Так, за контрабанду полагается наказание в виде ампутации конечностей.

Следование исламским принципам и в наши дни никак не означает изоляции в торговой жизни: в 2005 г. Саудовская Аравия вступила в ВТО, обсуждается вопрос об освобождении иностранных инвестиций от подоходного налога на 15 лет.

Каждый современный приверженец ислама обязан заниматься какой-либо работой, позволяющей зарабатывать средства на жизнь, постоянно повышать усердие в работе, проявлять настойчивость, работать даже при наличии большого достатка, добиваться совершенного исполнения, не обманывая и не нарушая сроков.

В современных мусульманских государствах исламское понятие о собственности сочетается со значительными элементами рыночных отношений. Так, в Иране признается право частной собственности, и в сельском хозяйстве, розничной торговле, транспорте и строительстве доминируют частные предприятия. Однако не прекращаются дебаты о допустимых масштабах и сферах деятельности таковых, а в межклисе преобладают сторонники всемерного укрепления государственного сектора, подчиненного, в свою очередь, духовному авторитету.

Стремление к восстановлению общности пользования материальными благами прослеживается и в наше время. Безусловным достижением исламского режима стала его деятельность по сближению уровней жизни на селе и в городе, в центре и в отдаленных районах. В сельской местности строились дороги, новые дома, аэропорты, проводились электрификация и газификация, развивались средства связи, широко финансировались геологоразведочные работы, позволившие за счет природных факторов ускорить развитие ранее отсталых районов.

Этим же целям служит и широкое вмешательство государства в экономику: пятилетние планы, государственное ценообразование и государственные предприятия, национализация нефтяной промышленности и лесов, беспорядочная вырубка которых сильно истощила запасы деловой древесины.

Для мусульманина религиозная вера – превыше всего, экономическая деятельность должна либо подчиняться вере, либо быть отменена, если противоречит ей.

Современный ислам не отрицает банки и другие кредитные учреждения. Ведущие исламские ученые не считают банковское дело ростовщичеством. Однако Коран очень точно описывает ту операцию, которую считает несовместимой с исламом: умножение денег путем роста процентов по долгу. А в этой операции одинаково заключаются как древнее примитивное ростовщичество, так и современная сложная банковская система. Многие мусульманские ученые по-прежнему придерживаются точки зрения, согласно которой, любой ссудный процент – запрещен. Исламские государства стремятся поставить банковскую систему на службу таким ценностям, как общность владения, помощь нуждающимся.

Таким образом, фундаментальное отличие исламского финансирования от традиционного заключается в запрете всех форм процентных выплат.

Помимо этого, необходимо упомянуть иную основу распределения рисков, а именно: клиент и банк совместно несут риски по любой инвестиции на ранее оговоренных условиях, а также делят между собой как прибыли, так и убытки. Исламскому банку запрещается давать ссуды другим банкам под процент, а инвестиционная деятельность должна соответствовать требованиям шариата.

По данным Всемирного банка, во всем мире исламские услуги уже предлагают свыше 300 финансовых учреждений. В банковских сегментах экономик стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) исламские банки имеют достаточно большое значение. По различным оценкам, на них приходится от 13 до 26% активов, вкладов, а также кредитов.

С каждым годом влияние исламских финансовых институтов на мировую экономику усиливается. По расчетам всемирно известного рейтингового агентства «Стэндард энд Пурс», в начале 2008 г. в соответствии с шариатом управлялись около 750 млрд. долл. Особенно интересно наблюдать это на примере США и Великобритании, внедряющих в свои экономические модели отдельные исламские принципы. Таким образом, исламские финансовые институты становятся все более значимой составляющей мировой экономической системы.

Однако, по мнению ряда экспертов, более широкое кредитование по шариату – невозможно, ввиду наличия некоторых политических факторов. Повышенному привлечению исламских инвестиций мешает политическая нестабильность, существующая на Ближнем Востоке. Все это затрудняет привлечение кредитов из мусульманских финансовых институтов европейским бизнесом.

В настоящее время изучение опыта исламской банковской системы представляется крайне необходимым. Важно заме-

тить, что, если бы традиционные западные банки предупреждали друг друга обо всех рисках, как того требуют законы шариата, то вполне вероятно, что процент «плохих» кредитов был бы значительно ниже.

Примечательно, что в современных условиях этические нормы начинают приобретать значение, особенно в корпоративной среде. Таким образом, есть основания полагать, что в ближайшей перспективе продолжится расширение и распространение по всему миру исламских финансовых институтов, основанных на принципах шариата.

1.4. Рост политического ислама

В последние годы под влиянием процессов глобализации и модернизации население ближневосточных государств становится все более политизированным. Вместе с тем, актуализируются групповые интересы. Внутренние противоречия ярче всего проявляются в углубляющихся этноконфессиональных конфликтах, идейной основой которых нередко становится религия.

Последнее обстоятельство обусловлено ростом влияния на процессы, происходящие в регионе, внешних факторов. Столкновения на этнической или религиозной почве представляют серьезную угрозу безопасности и целостности ближневосточных стран, что предопределяет необходимость задействования армии в урегулировании этноконфессиональных конфликтов.

Сейчас во многих государствах Ближнего Востока религия и религиозные деятели заметно влияют на формирование идентичности, характер власти, межобщинные отношения, решение проблемы прав человека и роли женщины в обществе и расширяют правоприменительную практику религиозного законодательства в ущерб светскому судопроизводству.

В то же время, значительное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государств и жизнь общества в арабo-мусульманских странах Ближнего Востока продолжает оказывать армия.

Характер отношений власти и религии, армии и власти определяет роль религиозных институтов в вооруженных силах. Именно армия, в конечном счете, используется властью для разрешения этно-конфессиональных конфликтов.

В условиях расширяющегося применения вооруженных сил против террористических и экстремистских элементов роль армии в обществе возрастает. Недавний опыт ряда арабских стран показывает, что, лишь обладая дееспособными вооруженными силами и органами безопасности, а также решимостью применить их в гражданском конфликте, государство может приостановить политическую экспансию исламизма.

Этнический национализм и религиозный экстремизм разрушительны и для самой армии. Проникая через организационные структуры в воинские формирования, они способны нарушить сплоченность армейских рядов, ведь, подпав под влияние идей радикального ислама, некоторые командиры боевых подразделений могут направить боевую технику против собственного командования, властей и соседних народов.

В нынешних условиях активизации исламской идеологии на Ближнем Востоке прежнее понятие светского национально ориентированного офицера эволюционировало и носит, скорее, условный характер. Светское мировоззрение и чувство общенациональной самоидентификации, с одной стороны, и приверженность традиционным ценностям – с другой, мирно сосуществуют в военной среде – но лишь до тех пор, пока этнические и религиозные различия не перерастают в острые конфликты. Вероятность того, что военные по-

прежнему будут привержены исключительно светской идеологии и национальным идеалам и с этих позиций выступают в роли непредвзятого посредника или арбитра, серьезно снижается.

В условиях нарастающей исламизации арабских стран – с одной стороны, и усиливающегося стремления различных политических сил к переустройству общества с использованием элементов либерализма и демократии – с другой, действия военных во многом будут определяться характером правящего режима и его отношением к присутствию религиозных институтов в армии.

В последние десятилетия отношение властей к исламским организациям в большинстве современных арабo-мусульманских странах Ближнего Востока было неоднозначным. Сегодня политические элиты многих государств региона трансформируют авторитарную модель государственного управления, делая ее более либеральной, поскольку обеспечить без этого стабильность существующих режимов – достаточно сложно, особенно в условиях мирового финансового кризиса и падения цен на нефть.

Правительства большинства стран региона признали актуальность фактора политического ислама и пытаются адаптировать его умеренное крыло к действующей государственной системе (преимущественно, в социальной и интеллектуальной сфере), жестко противодействуя любым попыткам исламистов влиять на политические решения.

Сегодня многие режимы в арабo-мусульманских странах Ближнего Востока оказываются в непростом положении. Во вне они поддерживают палестинское движение «Хамас», ливанскую партию «Хизбалла», отряды исламского сопротивления Ирака и Афганистана, однако внутри собственных стран нередко проводят жесткие репрессии против исламской оппозиции (даже умеренной).

Естественно, такое двойственное отношение к исламу оказывает определенное воздействие на умонастроения в армиях, многие офицеры в которых относятся к действиям исламского сопротивления в Палестине, Ливане, Ираке и Афганистане весьма сочувственно, и даже завидуют его победам – в условиях полного бездействия своих армий перед лицом внешних угроз.

Подобное положение вряд ли удастся поддерживать долго. Возросшая в последнее время религиозность многих солдат и офицеров со временем может из «частного дела» превратиться в политическую идею и дать импульс к поиску новой коллективной идентичности, сделав их союзниками исламской оппозиции действующей власти. Нельзя исключать и возможности того, что власти, стремясь сохранить свои позиции, спровоцируют столкновение с умеренными исламистами армии и спецслужб.

1.5. Геополитические изменения на Ближнем Востоке

Ближневосточный конфликт генерируется в течение десятилетий политикой Израиля и его старшего союзника – Соединенных Штатов.

Доминирующая роль Соединенных Штатов, опирающихся на масштабное военное присутствие (оккупационные силы в Ираке, военные базы в Кувейте, база ВВС и Пятого флота ВМС в Бахрейне, передовой командный пункт СЕНТКОМа в Катаре, базы ВВС и ВМС в Омане и ОАЭ), вызывает неприятие Ирана, провоцирует далеко выходящее за рамки субрегиона распространение экстремизма – как реакцию на американское господство.

Напряженная ситуация вокруг Ирана в любой момент может вылиться в новый крупномасштабный конфликт с не-

предсказуемыми последствиями для всего Ближневосточного региона, но, особенно, для зоны Персидского залива.

Оккупация Ирака привела к тяжелейшим последствиям для этой страны, включая угрозу ее распада, а также к многократному усилению террористической активности.

Союзники США из числа членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) не могут чувствовать себя в безопасности – перед угрозой возникновения новых кризисных ситуаций.

Разочаровавшись в перспективах мирного урегулирования, Тель-Авив после прихода к власти правительства Нетаньяху – Либермана вернулся к успешной ранее политике односторонних силовых акций. Администрация Буша, пытавшаяся продолжать в регионе традиционную американскую политику, ушла, и на ее место пришла команда Б. Обамы, стремящаяся улучшить отношения с миром ислама. И в этой ситуации односторонняя силовая политика Израиля стала для международного имиджа страны серьезной проблемой.

Важным фактором, который упустило израильское руководство, стало серьезное изменение расклада сил в регионе. Причем изменение – явно не в пользу Израиля. До конца 1990-х гг. существовавший расклад израильтян полностью устраивал. В регионе доминировали американцы, прикрывавшие действия Израиля. Наиболее радикальный режим в регионе – исламистский Иран – находился в полной изоляции, а крупнейшая региональная держава – Турция – была ближайшим союзником Тель-Авива.

Однако затем ситуация начала меняться – Турция и Иран перешли в разряд главных угроз. Используя свои внутренние ресурсы и ошибки американцев (в частности, смещение режима Саддама Хусейна в Ираке), Иран превратился в одну из главных фигур на ближневосточной шахматной доске и лидера «антиизраильского фронта». Произошел разрыв в от-

ношениях с Турцией – отчасти по вине Тель-Авива, поскольку израильские власти всячески препятствовали желанию Анкары выйти из-под крыла американцев и занять место лидера арабского мира. Турецкий лидер Эрдоган не смог удержаться на оптимальной политической линии и «...взял курс на улучшение своего имиджа на арабской улице за счет публичного обострения отношений с Израилем».

Последствия выпадения Ирана и Турции из прежней системы несут Израилю серьезную угрозу. Сейчас Анкара и Тегеран – на фоне ухода американцев – фактически делят Большой Ближний Восток между собой. Причем делят не путем конфликта, а мирно, в рамках стратегического партнерства, вовлекая в строящуюся ими систему Сирию и другие мелкие государства региона. В какой-то степени ирано-турецкое сближение зиждется на антиизраильских настроениях элит обеих стран. Складывающаяся таким образом новая, пост-американская конфигурация региона для Израиля крайне невыгодна, поскольку объединяет его врагов и лишает Тель-Авив пространства для маневра.

Осенью 2010 г. администрация Б. Обамы подготовила оружейную сделку с Саудовской Аравией. Согласно планам Белого дома, Саудовской Аравии могут быть поставлены 84 самолета, 178 вертолетов, а также боевые корабли, радиолокационные станции и системы противоракетной обороны на сумму 60 млрд. долл. В администрации Обамы не скрывают, что главной целью перевооружения Саудовской Аравии и других ближневосточных союзников США является изоляция Ирана.

За последнее время сразу несколько участников Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Кувейт, Оман и Катар) заключили с США крупные оружейные контракты. При этом на сей раз ни одна из этих сделок не вызвала возражений Израиля, ранее опасавшегося, что во-

оружение арабских государств может нарушить стратегический баланс сил на Ближнем Востоке.

Продажа новейшего вооружения странам Персидского залива преследует еще одну цель – заставить ближневосточные государства отказаться от того, чтобы начать собственные ядерные исследования. Наличие американского оружия в соседних с Ираном странах позволит подразделениям вооруженных сил США в случае необходимости действовать, не прибегая к переброске необходимой техники в район предполагаемого театра военных действий.

2. АРАБСКИЙ МИР И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

В начале XXI в. социально-политическое развитие большинства арабских стран характеризовалось двумя важными тенденциями: известной либерализацией и демократизацией государственной и общественно-политической сферы и подъемом исламизма, или политического ислама, в том числе – радикального его направления. На эволюцию арабского мира влияют как внутренние, специфические для каждой страны явления, так и внешние факторы, обусловленные глобализацией и изменениями в расстановке сил на мировой арене.

Исламизм как явление арабо-мусульманской общественной мысли отражает настроение той части мусульман, которая считает сохранение исламской религии, культуры и исторических традиций непременным условием дальнейшего успешного развития общества. Необходимо отметить, что с начала 2000-х гг. в арабских странах наблюдается усиление внимания к мусульманской идентификации и политизации ислама, особенно в молодежной среде. Причем данный процесс имеет не только религиозный, но также культурологический и социально-политический характер.

В настоящее время светские политики арабских стран осознают историческую потребность в построении гражданского общества. Вместе с тем, отсутствие необходимых экономических институтов и особенности исторического развития на Востоке делают невозможным создание такого общества по западному образцу. В некоторых мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока исламский фундаментализм видится политикам и обществу как единственный доступный путь к построению гражданского общества, альтернативного западному.

90-е гг. XX в. и начало XXI в. в арабском мире были отмечены растущим динамизмом конституционного развития. Во

многих странах в этот период были приняты новые конституции: в 1991 г. – в Йемене, в 1996 г. – в Алжире и Омане, в 1998 г. – в Судане, в 2002 г. – в Бахрейне, в 2003 г. – в Катаре, в 2005 г. – в Ираке. В действующие основные законы некоторых других стран были внесены существенные поправки: поправки 1990 г. в конституцию Ливана, 1996 г. – в конституцию Марокко, 2003 г. – в конституцию ОАЭ и др.

Одним из главных факторов, определяющих современное политическое развитие арабских стран, является особая роль государства, которое во многом продолжает оставаться единственной силой, формулирующей задачи и направления эволюции политической и экономической сфер жизни общества.

Следует отметить, что ни одна из арабских стран не может рассматриваться как гомогенное политическое образование. Национально-этнические и религиозно-общинные отношения, взятые в их историческом разрезе, также являются одним из структурных элементов современного политического процесса в регионе. Это позволяет разнородным политическим силам – при умелом обращении с этноконфессиональным фактором – манипулировать сознанием приверженцев одной веры или представителей той или иной национально-этнической группы, создавая трудноразрешимые политические ситуации.

В этой связи можно констатировать, что в арабском мире начался и медленно идет процесс размывания элиты новыми слоями общества, представленными, во-первых, новой бизнес-элитой, и, во-вторых, выходцами не из столицы, а из других районов, или же представителями иных конфессий, отличных от тех, к которым принадлежат традиционно правившие группы.

Многopатийная система в арабских странах по-прежнему отражает социально-экономическую мозаичность общества; при этом она учитывает изменения в расстановке по-

литических сил, но еще не создает реальной плюралистической основы общества. Многочисленные партии направляют свои усилия, главным образом, на укрепление своих позиций в структуре власти, ради чего зачастую идут на соглашения и компромиссы с правящей партией. В результате, на фоне множественности партий, разнородности их политических взглядов и слабости социальной базы, только исламские движения выступают в настоящее время действительно серьезной и организованной силой, способной повлиять на динамику внутривнутриполитического процесса.

Арабский мир – неоднороден. Во-первых, существуют два субрегиона: Магриб и Машрик. Связующим звеном между ними является Египет. Во-вторых, некоторые страны традиционно ориентируются на Запад, а в других сильны антизападные и антиамериканские настроения. Следовательно, о единой сбалансированной «арабской» региональной политике можно говорить с определенной долей условности.

Тем не менее, можно отметить близость позиций руководства всех арабских стран по ключевым региональным проблемам. Однако в случае замены в ряде арабских стран прозападно ориентированных правящих элит исламистскими, в среднесрочной перспективе с большой долей вероятности можно ожидать радикализации внешней политики не только на национальном, но и на региональном уровне.

Мировой финансовый кризис отразился на большинстве арабских государств, оказав значительное влияние на их экономику. Причем степень его воздействия была прямо пропорциональна объему финансово-экономических связей того или иного арабского государства с внешним миром.

В арабском мире государство очень активно вмешивается и в экономику. Во-первых, проявляется стремление к созданию государственного сектора, где сгруппированы особые направления экономики, имеющие стратегическое значение.

Кроме того, государство рассматривается как гарант соблюдения интересов различных экономических групп и «контролер» хозяйственно-экономических отношений.

Понятно, что арабские страны, особенно – крупные экспортеры нефти, усиленно интегрируясь в мировую финансовую систему, не могли не оказаться в зависимости от мирового финансового рынка и присущих ему перепадов, не говоря уже о меняющейся конъюнктуре цен на жидкое топливо. Так, по заявлению Организации арабских стран – экспортеров нефти, снижение мировых цен на нефть всего лишь на 1 долл. США уменьшает экспортные доходы арабов на сумму от 4,0 до 10,0 млрд. долл.

На Арабском экономическом саммите, состоявшемся в январе 2009 г. в Кувейте, было заявлено, что из-за падения стоимости пакетов акций иностранных компаний арабские нефтеэкспортирующие государства лишились, по меньшей мере, 600 млрд. долл. США, а всего из-за мирового финансового кризиса арабский регион потерял, как минимум, 40% своих зарубежных капиталовложений.

Характерно, что к настоящему времени арабские нефтеэкспортирующие страны настолько глубоко интегрировались в мировое хозяйство, что, в свою очередь, стали оказывать на него заметное воздействие. Что же касается арабских стран, прежде всего, крупных экспортеров нефти, то им придется осознать тот неприятный факт, что их сравнительно длительный период бескризисного развития, видимо, завершился, а, следовательно, циклические кризисы, поражающие время от времени мировое хозяйство, будут и в дальнейшем в той или иной степени затрагивать экономики как отдельных арабских стран, так и всего региона в целом.

Другая группа проблем экономического, социального, экологического и международного характера, существующих в арабском мире, связана с дефицитом водных ресурсов.

Напряженная ситуация с водой в арабском регионе не ослабевает на протяжении многих лет, чему способствуют объективные обстоятельства. С одной стороны, потребление воды растет в связи с экономическим развитием стран, контролирующих истоки рек или подземные водосборы. С другой – арабские проекты освоения стоков рек и подземных источников направлены в основном на расширение масштабов использования воды из этих источников при ограниченных возможностях доступа к ней. В этих условиях возможность применения военной силы для получения дополнительных водных ресурсов не выглядит столь уж нереальной.

На неизбежность «водного кризиса» в этом регионе невольно указывает простое сопоставление нескольких цифр. Арабский мир занимает 9% суши, вмещает 5% населения Земли, которое имеет доступ всего к 0,7–1% мировых запасов чистой воды. Возобновляемый – за счет поверхностного стока и подземных источников – объем водных ресурсов не превышает здесь 355 млрд. куб. м – это гораздо меньше, чем в Азии (около 10 трлн. куб. м) или Северной Америке (5,4 трлн. куб. м). Из них реально используются всего 180 млрд. куб. м.

С течением времени дефицит воды не исчезает, но накапливается, а способы корректировки арабского водного хозяйства еще далеки от совершенства, регулярности и гибкости. Из-за нехватки воды сохранение аграрного потенциала ряда арабских стран становится, по меньшей мере, проблематичным.

По существу, благополучие арабского региона и даже уверенность его наиболее уязвимых государств подвергаются большой потенциальной угрозе. Пропорционально этому усиливается и возможность доведения ситуации до критической точки. Эта проблема обрела взрывной потенциал и, по мнению наиболее встревоженных наблюдателей, может ини-

циировать большие потрясения на Ближнем Востоке. Отсюда – попытки представить ситуацию как канун новой региональной и даже мировой войны за воду.

Драматизм проблемы усиливается застарелой враждой между Израилем и арабами, в том числе, и по поводу воды, и это порождает убеждение, что решение любых спорных вопросов возможно лишь через вооруженное противостояние.

Характер и методы эксплуатации водоносных слоев (например, огромной водоносной линзы, расположенной между Западным берегом реки Иордан и сектором Газа) служат объектом спора в рамках водных аспектов арабо-израильского противостояния. Известны также арабо-турецкие трения по поводу ухудшения качества подземных вод, поступающих в Сирию. Тлеет недовольство в отношениях между самими арабскими странами, в частности, между Иорданией и Саудовской Аравией, по вопросу чрезмерной интенсивности использования подземного водосбора Рум Сак (Ка Дизи).

Тем не менее, в целях подведения некоей организационной и информационной базы под проблему воды арабский мир предпринял конкретные шаги. Был не только создан ряд собственных специализированных структур, но и задействованы различные фонды и банки, причем весь этот институциональный блок был подключен к проектам международного сотрудничества в области теоретического и практического осмысления путей урегулирования водной проблемы региона.

Эти и другие организационные шаги обеспечили арабскому миру доступ к современным способам изучения природного кругооборота воды и исследовательским методикам, уверенное присутствие в сообществе соответствующих международных организаций и привлекли внимание мировой общественности к неотложным проблемам региона в области водообеспечения и водопользования.

Таким образом, в рейтинге арабских национальных приоритетов вода стоит высоко. Сообразно с этим обстоятельством, в каждой арабской стране не прекращается практическая работа, интенсивность которой, однако, не везде одинакова. Фактически, в экономике вода уже приобретает чрезвычайный статус. Это прямо следует из того факта, что в арабской практике ее дефицит при достижении своей низшей точки немедленно становится безусловным физическим ограничителем экономического роста, и, к тому же, и генератором социального недовольства.

В изменяющихся условиях арабские режимы будут стремиться к выбору, по возможности, наименее рискованного варианта развития. В рамках такого продвижения правящие силы постараются обезопасить себя от любых, прежде всего, политических и социальных потрясений, и найти такой путь, чтобы в регионе не приходилось выбирать между водой и войной – как внутри стран, так и между ними.

2.1. Ситуация в Палестине

В течение 2010 г. ситуация вокруг Палестинской автономии фактически зашла в тупик. Израиль игнорировал позицию США и продолжал строительство поселений на оккупированных территориях. Палестина (М. Аббас) пыталась привлечь к решению конфликта Россию. Сегодня многие аналитики полагают, что США теряют свою роль ведущего игрока-посредника в Ближневосточном регионе.

Израиль намерен сохранить за собой 6,5% территории Западного берега – там, где расположены крупнейшие районы еврейских поселений. Однако ПНА готова уступить лишь 3% Западного берега и намерена объявить столицей Восточный Иерусалим. Палестинский лидер рассчитывал, что Москва использует свои хорошие отношения с Израилем и убе-

дит его руководство пойти на уступки палестинцам, что могло бы разблокировать переговорный процесс. Однако эксперты считают, что убеждать в чем-либо Израиль – бесполезно: США и Египет настаивают на возобновлении переговоров без всяких предварительных условий

В начале года спецпредставитель США на Ближнем Востоке Джордж Митчелл презентовал в регионе свой план по урегулированию ситуации в нем. Суть предложений такова: прекращение превентивной антитеррористической деятельности ЦАХАЛ на переданных под контроль ПА территориях Иудеи и Самарии («зона А»); отступление израильской армии с нескольких блокпостов в Иудее и Самарии; разрешение на проезд палестинских полицейских в «зону С», находящуюся под контролем Израиля; передача части территорий «зоны В» под контроль Палестины (в категорию «зона А»); освобождение ряда арабских заключенных из израильских тюрем.

У США создалось впечатление, что механизмов эффективного воздействия на нынешнее израильское руководство вообще не существует. Однако в Белом доме есть мнение, что Израиль все же можно снова ввести в дипломатический процесс. Для этого на международную арену в качестве полноценных политических игроков должны быть выведены его враги – Иран, Сирия и «Хамас».

Если Израиль осознает, что более не является единственной стороной в ближневосточных процессах, с мнением которой считается мир, то это вынудит его стать сговорчивее. Однако проблема – в том, что у США и Евросоюза, в силу ряда причин, нет возможности пребывать в тесном контакте с так называемыми изгоями. Полный карт-бланш на связь со всеми силами, задействованными в ближневосточном конфликте, пока есть только у России.

Россия – вместо организации бессмысленного международного форума в Москве (по типу того, как это делали

США) – решила провести многосторонний диалог в новом формате. Суть его в том, что, поскольку собрать в одном месте всех представителей сторон, участвующих в урегулировании ближневосточного конфликта, не представляется реальным и целесообразным, можно приглашать их по отдельности для регулярных консультаций.

Новый подход России к решению ближневосточного конфликта проявился и в изменении той роли, которую она намерена играть в регионе. Видя, что посреднические миссии оказываются неэффективными, Москва решила выступить не медиатором, а модератором так называемой переходной конференции, посвященной всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке. Первый вынужден вмешиваться в дела противоборствующих сторон и оказывать на них давление. Он же по умолчанию несет ответственность за результаты переговорного процесса, в том числе и за его провал. Последний в ответе лишь за сам процесс.

Летом 2010 г. ситуация вновь обострилась – вследствие блокады сектора Газа и нападения израильских военных на турецкую флотилию с гуманитарной помощью. Силовой захват «флотилии свободы» инициировал мощную дипломатическую атаку на Тель-Авив – причем со всех сторон. ООН и Евросоюз обвинили израильских военных в расстреле мирных правозащитников и потребовали немедленного международного расследования инцидента, а также снятия блокады сектора Газа. США также встали на сторону палестинцев: Б. Обама принял решение выделить блокированной Газе 400 млн. долл. Представители Лиги арабских государств призвали Палестину прервать мирные переговоры с Тель-Авивом – по причине их бесперспективности, а сами арабские государства – порвать с Израилем все отношения.

В результате Израиль оказался в полной изоляции. Мировое (прежде всего, западное) общественное мнение – всеце-

ло на стороне палестинцев, считая их жертвами агрессивного поведения Израиля. Прежде всего, израильтяне проиграли арабам «имиджевую войну».

В сентябре 2010 г. в Шарм-эш-Шейхе и Иерусалиме прошел второй раунд прямых переговоров между главами Израиля и Палестины при посредничестве США, которые не привели к прогрессу. На фоне очевидного провала мирного процесса США пытаются мотивировать Израиль к возобновлению переговоров с Палестиной. Однако Вашингтону не удалось убедить своего союзника прекратить или заморозить поселенческую деятельность.

Если США не сумеют мотивировать Израиль к прекращению строительства в Восточном Иерусалиме, то ПНА обратится к Вашингтону и СБ ООН с просьбой признать независимую Палестину в границах 1967 г. Вашингтон решил расширить помощь Рамалле. В дополнение к 1 млрд. долл., который должен покрыть дефицит бюджета на 2010–2011 гг., Вашингтон безвозмездно выделит национальной администрации еще 150 млн. долл. Эти деньги пойдут на выплату долгов, помощь населению, обеспечение безопасности, включая работу полицейских и судов.

Ряд экспертов полагают, что на самом деле палестинское руководство вовсе не стремится к созданию этого самого палестинского государства. Фактически, М. Аббас и его коллеги не способны самостоятельно обеспечивать функционирование государственных институтов и исполнение положенных государству обязательств. Палестинских лидеров полностью устраивает нынешняя ситуация, когда палестинская администрация является получателем международной помощи и при этом не несет ответственности за благосостояние собственных граждан.

По некоторым данным, на сегодняшний день бюджет автономии составляет порядка двух миллиардов долларов. Три

четверти бюджета – донорская помощь от западных стран (большей частью, государств Евросоюза). А четверть – это налоговые поступления (прежде всего, от экспорта-импорта товаров в Палестину), которые, вместо палестинских чиновников, собирают израильские налоговые органы. И это – не считая сотен миллионов долларов, которые направляют в Палестину исламские благотворительные фонды.

В итоге, по данным израильских властей, доля ВВП на душу населения в автономии больше, чем в любом не нефтяном арабском государстве.

Приходящие в автономию деньги до большинства палестинцев не доходят. Они не вкладываются в создание действенных государственных институтов и инфраструктуры, необходимой для поддержания жизни собственного народонаселения.

Как это ни парадоксально, но реальное разрешение арабо-израильского конфликта нужно лишь одной стороне – Израилю. В отсутствие встречной заинтересованности Тель-Авив не видит смысла продолжать переговоры в традиционном формате. Чем дольше длится конфликт, тем больше теряет Израиль – как в материально-психологическом, так и в репутационном плане.

Даже отказавшись от попыток решить проблему силой, Израиль окажется в ситуации, когда достичь мира почти невозможно – прежде всего, потому, что вести переговоры о реальном мире не с кем: в Палестине нет лидера калибра Ясира Арафата, который мог бы говорить от имени всех палестинцев.

Другим серьезным препятствием на пути к миру стали израильские поселенцы – сейчас на Западном берегу их живет около 380 тыс. Эти люди являются одной из самых непримиримых в отношении арабов групп израильского общества.

Именно из-за наличия этих двух препятствий нынешний кабинет Израиля и не считает нужным форсировать переговорный процесс.

Однако, параллельно с приостановкой переговорного процесса, Израиль начал реализовывать новую, нестандартную схему решения конфликта. Прежде всего, Израиль тайно скупает у палестинцев землю. На сегодняшний день более 50% Палестины составляют так называемые «территории С» – земли, которые находятся под полным израильским контролем (в основном это территории поселений и зоны безопасности вокруг них). Использовать их палестинцам запрещено. Однако основной элемент израильской стратегии – это продолжение строительства стены, которая отгородит территорию Израиля от Западного берега.

Конфигурация стены такова, что она не только отделяет Западный берег от Израиля, но и делит саму палестинскую территорию на несколько анклавов, не соединенных между собой. В этой ситуации централизованное управление будущим палестинским государством из Рамаллы будет затруднительно, и в каждом анклаве будет возникать собственная лидерская прослойка, с которой Израиль сможет вести переговоры напрямую.

Есть вероятность, что в перспективе стена между лояльными анклавами и Израилем будет разрушена, и они по частям будут интегрированы назад в Израиль.

2.2. Ирак

Парламентские выборы, прошедшие в Ираке в 2010 г., показали, что ведущие политические силы близки к пониманию неизбежности сотрудничества на благо единства Ирака. На фоне сложившегося нового хрупкого баланса между шиитами, суннитами и курдами задачей номер один становится

восстановление экономики. В сегодняшнем Ираке действует карточная система, разрушены промышленность и сельское хозяйство.

Налицо – намерение новой администрации США закрепить контроль над крупнейшими месторождениями, к чему до этого стремилась прежняя администрация Буша.

Итоги выборов в Ираке показали, что по мере ухода американцев он постепенно переходит под контроль Тегерана. Остановить этот процесс может лишь расчленение страны. Возвращение в иракскую политическую власть суннитских партий и ослабление позиций курдов может побудить последних к созданию независимого государства, что приведет к серьезной дестабилизации всего Ближнего Востока. В настоящее время процесс разделения Ирака по этноконфессиональному признаку продолжает нарастать.

Пытаясь расширить свою социальную базу и привлечь в качестве сторонников другие шиитские партии, лидеры «Аль-Иракии» стали делать упор на арабский национализм. «Аль-Иракия» – коалиция суннитских и шиитских политических сил, выступающих за светское государство и защиту страны от влияния Ирана. Отсутствие в Ираке дееспособной общенациональной власти позволяет его восточному соседу – Ирану планомерно усиливать свое присутствие в этой стране. Фактически Иран создал в Ираке управляемый хаос и научился извлекать для себя выгоды из любой ситуации.

В течение долгого периода американской оккупации Тегеран осторожно укреплял свои позиции в среде иракских шиитов – скупал активы, обучал и вооружал шиитское ополчение, организовывал селективный отстрел антиирански настроенных лидеров и проводил разъяснительную работу со своими сторонниками. Аналитики предсказывают, что в дальнейшем влияние Ирана на иракские дела будет лишь усиливаться – в том числе, благодаря иранским инвестици-

ям, которые так нужны Багдаду для реализации его амбициозной программы увеличения добычи нефти с нынешних 2,5 млн. баррелей в день до 10–12 млн. (за семь лет).

За столь быстрым усилением иранского влияния в Ираке с беспокойством следят из Вашингтона. В США уверены, что, укрепившись в Ираке, Иран пойдет дальше – на запад и юго-запад, распространяя свое влияние на весь Ближний Восток. При этом в США понимают, что в свете ухода из Ирака их возможности противостоять иранской экспансии весьма ограничены. С августа 2010 г. из 97 тыс. американских солдат, дислоцированных в Ираке, осталось лишь 50 тыс., а из 290 баз – 10. В соответствии с соглашением, подписанным между Ираком и США в конце 2009 г., американские войска должны быть выведены из Ирака до 31 декабря 2011 г.

Попытка США воспрепятствовать распространению влияния Тегерана через поддержку на выборах антииранских сил в Ираке (прежде всего – антииранского светского блока «Аль-Иракия») также к успеху не привела.

В этой ситуации возможностью сдержать Иран для США может оказаться расчленение Ирака. Первым шагом станет отделение Курдистана. Сейчас позиции курдов резко ослабли: на выборах курдские партии шли отдельно и потеряли на этом много потенциальных мандатов. Курдские лидеры опасаются, что сунниты-баасисты займут их место во власти и смогут законодательно отнять у курдов единственный источник дохода – нефтяные поля Киркука (эта территория имеет спорный статус). Создание независимого курдского государства на иракской территории может стать причиной усиления сепаратизма и среди иранских курдов.

Вторым шагом станет дальнейший распад Ирака на суннитскую и шиитскую части. Созданному в южных провинциях Ирака независимому шиитско-арабскому государству,

способному обеспечить собственное благополучие за счет разработки нефтяных полей в районе Басры, помощь Ирана больше нужна не будет. Более того, это государство станет центром притяжения для иранских арабов-шиитов, на чьих территориях находятся основные углеводородные запасы Ирана. В этой ситуации двойной угрозы территориальной целостности Ирана Тегерану будет не до внешней экспансии.

Кроме того, создание независимого Курдистана позволит США решить и ряд других задач – прежде всего, сохранить свое военное присутствие в самом центре Ближнего Востока. Абсолютное большинство курдов поддерживают американцев и не против размещения американских военных баз на своей территории.

До конца 2011 г. на территории страны будут находиться шесть бригад вооруженных сил США численностью около 50 тыс. человек. В основном они будут консультировать иракских военных. Использовать оружие американцы смогут лишь в целях самообороны или по прямому приказу иракского правительства. Кроме того, в Ираке останется спецназ США, который будет заниматься точечной ликвидацией экстремистов.

2.3. Йемен

Йемен – одна из беднейших арабских стран, пораженная, несмотря на наличие природных ресурсов, острыми социально-экономическими проблемами. Для Йемена характерно сочетание этно-религиозного сепаратизма, катастрофически сократившейся нефтедобычи и быстро растущего населения – с нищетой и тотальной безработицей, что стремительно приближает страну к статусу «развалившегося государства».

В последние годы уровень жизни в этой стране Аравийского полуострова стремительно падает – параллельно с сокращением нефтедобычи. В 2002 г. Йемен производил 460 тыс. т нефти в год, в 2007 г., по разным оценкам, от 300 до 350 тыс. т, в 2009 г. – менее 286 тыс. т, а в 2017 г. добыча будет равняться нулю. В результате в Йемене за последние годы сильно возросло социальное напряжение. Уровень безработицы составляет почти 40%, около 45% населения живет меньше, чем на два доллара в день.

По прогнозам экспертов, в ближайшие годы ситуация станет еще тяжелее – из-за высокой рождаемости. По некоторым подсчетам, через 20 лет население страны практически удвоится и составит 40 млн. человек. Уже сегодня ощущается серьезная нехватка ресурсов, прежде всего, водных.

Фактически на всей территории страны идет непрекращающаяся гражданская война всех против всех. На севере, в горах, продолжается мятеж хути, исповедующих зейдизм (одно из ответвлений шиизма). На юге же до сих пор сильно сепаратистское движение местных элит, выступающих за восстановление независимости Южного Йемена. Они недовольны тем, что после объединения страны в начале 1990-х гг. всю власть в государстве прибрали к рукам северяне.

Слабость центрального правительства в Йемене, его неспособность проникнуть на контролируемые племенами территории, гористый рельеф страны, а также неопределенная позиция йеменского руководства в отношении местных джихадистов способствуют тому, что Йемен становится все более привлекательным местом для боевиков «Аль-Каиды». По некоторым данным, на территории страны действуют от 200 до 300 членов «Аль-Каиды»; по другим данным, численность ее отрядов составляет 500–600 человек.

Администрация Обамы уже давно осознает серьезность террористической угрозы, исходящей от Йемена, и с самого

начала своей работы проводит в этой стране операции, причем проводит очень осторожно, не привлекая лишнего внимания. В 2009 г. ЦРУ послало в Йемен группу лучших полевых оперативников, специализирующихся на контртеррористических операциях. В стране работают несколько подразделений американского спецназа, которые занимаются не только обучением местных спецслужб, но и самостоятельно проводят операции против боевиков. Американские самолеты под видом йеменских ВВС регулярно наносят авиаудары по позициям исламистов. В целом по линии Пентагона за последние полтора года на Йемен было потрачено почти 70 млн. долларов.

Администрация Обамы, по существу, раскололась по йеменскому вопросу: чиновники госдепартамента выступают за то, чтобы американская интервенция носила ограниченный характер, в то время как Пентагон стремится к наращиванию американского военного присутствия.

В 2010 г. обстоятельства и стремления некоторых политических кругов подталкивали администрацию Барака Обамы к вторжению в Йемен. Если бы американский президент пошел на этот шаг, США получили бы еще один Афганистан.

Для проведения масштабной антитеррористической операции в Йемене Америке понадобились бы слишком большие ресурсы. Очевидно, что кампания оказалась бы кровопролитной: в Йемене на 21 млн. жителей приходится около 60 млн. единиц ручного огнестрельного оружия. Высока вероятность того, что неизбежные жертвы среди мирного населения и открытое противостояние США приведут к резкому росту радикального исламизма в стране.

Администрация Обамы пообещала вдвое увеличить контртеррористическую помощь правительству Йемена (150 млн. долл., дополнительно на экономическое развитие — еще 63 млн.). В сентябре 2010 г. Центральное командование

США предложило предоставить Йемену военную помощь на 1,2 млрд. долл. в течение ближайших шести лет.

Однако, помимо борьбы с терроризмом, США преследуют в Йемене и более прагматичную цель. Усиление американского присутствия в этой стране мыслилось как один из элементов политики сдерживания быстро растущего влияния Китая. Если США, уже контролирующие Малаккский пролив, получают контроль еще и над йеменским портом Аден (британцы называли его Вратами в Азию), то они фактически закроют с двух сторон Индийский океан, по которому идут важнейшие китайские торговые пути. Кроме того, США хотят обеспечить свое военное присутствие на всем западном побережье океана — от Йемена до Кении, отрезав Китай от ресурсной базы в Африке.

Более активное вовлечение США в дела Йемена на стороне йеменского правительства выгодно и крупнейшему региональному игроку — Саудовской Аравии. В Эр-Рияде опасаются, что, если шииты-хути одержат верх в своей войне за независимость, то вкупе с шиитским Оманом они создадут мощный центр притяжения для шиитов из восточных провинций Саудовской Аравии.

Ситуацию для Б. Обамы осложняет то обстоятельство, что йеменские власти подыгрывают американским алармистам. Президент Салех и его окружение надеются руками американцев справиться со всеми своими внутренними врагами, объявив их боевиками «Аль-Каиды», или, как в случае с шиитами-хути, террористическими агентами Ирана.

2.4. Алжир

В Алжире — после отказа его руководства в конце 1980-х гг. от «национального социализма» и однопартийной тоталитарной системы — была проведена широкая демократизация

общественно-политической жизни, которой не знала ни одна страна арабского мира. Наряду с этим, в условиях нарастания системного кризиса Алжир столкнулся с феноменом широкого распространения исламистского движения, структурировавшегося в самую массовую политическую партию – Исламский фронт спасения (ИФС).

В своей активной форме оно продолжалось с 1992 по 1999 г., в течение которых погибли примерно 150 тыс. алжирцев. Страна стала одним из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор. Тем не менее, руководство Алжира во главе с президентом Абдель Азизом Бутефликой сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм, и, с другой – инициировать процесс восстановления гражданского согласия.

Радикальные исламисты в основном представлены двумя группировками – СГПБ (Салафитской группы для проповеди и борьбы) и ВИГ (Вооруженные исламские группы). Они насчитывают, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. боевиков.

Руководство Алжира во главе с А. Бутефликой, избранным президентом в 1999 г. и переизбранным в 2004 г., в основном подавило экстремистские силы и приступило к восстановлению гражданского согласия в алжирском обществе. В 2005 г. на общенациональном референдуме была одобрена «Хартия за мир и национальное примирение», давшая возможность вернуться к мирной жизни гражданам страны, ранее вовлеченным в террористические группировки.

Что касается алжирской экономики, то рост ВВП составлял 4–6% в год, хотя в 2006–2008 гг. эти темпы несколько замедлились. При этом следует заметить, что, наряду с традиционной нефтегазовой отраслью, достаточно успешно развиваются секторы, связанные с высокими технологиями, такими, как информационные, ядерная энергетика, космические исследования.

Однако необходимо признать, что острота социально-экономических проблем сохраняется. Это, прежде всего, безработица, которая, несмотря на ее существенное снижение по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29%), в 2007 г. достигала 11,8% (это – средняя цифра по Алжиру, есть регионы, где она выше). Продолжающееся расслоение общества спровоцировало демонстрации протеста, прошедшие в крупнейших городах Алжира весной и летом 2008 г.

Несмотря на трудности и противоречия, демократические преобразования продолжают. Бывшие руководители ИФС, распущенного решением судебных властей в 1992 г., публично заявляют о своем стремлении «...внести свой вклад в демократическое развитие Алжира». В свою очередь, в 2009 г. воспользовавшиеся амнистией известные экс-лидеры радикальных исламистов обратились к членам экстремистских группировок, продолжающих террористический «джихад», с призывом «...сложить оружие и внести свою лепту в возрождение Алжира». На президентских выборах 9 апреля 2009 г. А. Бутефлика одержал убедительную победу, завоевав 90,24% голосов.

Умеренное крыло исламистов представлено в алжирском парламенте – Национальной народной ассамблее (ННА) – достаточно полно, тремя политическими партиями, не составляющими при этом единого парламентского блока.

В настоящее время полное восстановление национального согласия и борьба с проявлениями экстремизма являются одними из наиболее важных задач, стоящих перед алжирским руководством.

2.5. Тунис

В Тунисе проходили во многом аналогичные процессы: «управляемая» демократизация и подъем исламистско-

го движения на фоне социально-экономического и политического кризиса конца 1980-х гг.

Тем не менее, здесь не было длительного вооруженного противостояния радикального исламизма с властями. В то же время, секуляризация, не подкрепленная повышением уровня жизни основных социальных групп, вызывала сопротивление части населения, склонявшегося в конце 1980-х гг. к поддержке исламистов.

В настоящее время в Тунисе действуют девять политических партий, шесть из которых – во главе с наиболее массовым и влиятельным Демократическим конституционным объединением (ДКО), которое возглавляет президент Туниса – официально участвуют в выборах исполнительных и законодательных органов власти.

Президент Бен Али являлся убежденным противником исламизма, в связи с чем умеренные исламисты в Тунисе, в отличие от Алжира, были исключены из политической жизни и не имеют политических партий. В то же время, Бен Али подтверждал принадлежность Туниса к арабо-мусульманскому миру. В последние годы в Тунисе, как и в других арабских странах, наблюдается определенное усиление влияния ислама.

Президент Бен Али находился у власти с 1987 г., т. е. четыре мандата, и руководимая им правящая группировка проводила свой политический курс, во многом опираясь на репрессивный аппарат. Ряд политических партий во главе с ДКО выдвинул кандидатуру действующего президента на пятый мандат на предстоящих президентских выборах. Однако массовые волнения и протесты населения в конце 2010 и начале 2011 гг. привели к падению режима Бен Али и его бегству. В настоящее время Тунис находится в состоянии политической дестабилизации.

В последние годы в Тунисе, как и в других арабских странах, наблюдается определенное усиление исламского факто-

ра. Причем это проявляется в самых разных формах (феномен так называемого «спящего» исламизма).

2.6. Ливия

Ливия принадлежит к числу стран, на протяжении нескольких десятилетий доставлявших мировому сообществу изрядную «головную боль». Будучи сравнительно небольшим государством, еще совсем недавно она считалась одним из центров международного терроризма и даже не пыталась снять с себя эти обвинения.

Однако несколько лет назад ливийское руководство неожиданно резко сменило политический курс. Было заявлено, что Ливия отказывается от реализации ряда утопических псевдосоциалистических установок, переводит свою экономику на рыночные рельсы, отказывается от атомной программы, намерена осуществить ряд демократических реформ и помириться с Западом. Сегодняшняя политическая ситуация в стране характеризуется, во-первых, довольно строгими внутренними порядками, и, во-вторых, «сговорчивостью» на международной арене.

К началу 90-х гг. XX в. революционное руководство добилося своих первоочередных целей: было ликвидировано влияние феодалов на власть; преодолена зависимость от местных финансистов, иностранного капитала; сломаны многие социальные барьеры; создана модель общества, опирающегося на государственный капитализм, на привилегированные группы – бюрократию, офицерство, ревкомы, знать лояльных племен.

Ситуация в ливийском нефтегазовом секторе отражает общеполитическую модель государственного устройства страны, где вся полнота власти сосредоточена в руках М. Каддафи. Несмотря на то, что с конца 1970-х гг. он не занимает официальных постов в правительстве, именно им принимаются

основные решения – как на высшем политическом уровне, так и, зачастую, и на уровне среднего звена ливийской бюрократии.

Стиль правления М. Каддафи можно охарактеризовать как контролируемый и культивируемый в государственных структурах хаос, призванный не допускать возникновения политической конкуренции. М. Каддафи произвольно распускает и вновь создает министерства (так, министерство энергетики было расформировано в 2000 г. и восстановлено в 2004 г.), а также регулярно ротирует высшие чины ливийской иерархии.

Примечательно, что в основных сферах политики и экономики Ливии лидер все же стремится сохранять своеобразный баланс, дублируя государственные институты и назначая на руководящие должности людей с противоположными взглядами и разного происхождения.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день главная проблема Ливийской национальной нефтяной компании (ЛННК) заключается в нехватке как материально-технических ресурсов, так и квалифицированных специалистов – для оформления и реализации контрактов. По каждому контракту необходимо создавать управляющую структуру с участием ЛННК и утверждать план работ, отсюда становится понятным, что государственная компания не может справляться со всеми контрактами.

Наряду с ЛННК, в стране действует множество иностранных нефтяных компаний. Следует особо отметить, что присутствие зарубежных компаний в ливийском нефтегазовом секторе стало возможным благодаря отмене режима санкций ООН в 2004 г. и постепенной нормализации отношений Ливии с США и Великобританией.

2.7. Марокко

Марокканский опыт – пример феномена исламизма в арабской монархии. Королевская династия представлена здесь шерифами, т. е. потомками пророка Мухаммеда, почитаемыми во всем мусульманском мире. Тем не менее, данный фактор не помешал возникновению в Марокко исламизма, в том числе – и радикального его направления.

Необходимо отметить, что развитие исламистского движения в стране также происходило на фоне социально-экономического кризиса. В то же время, в отличие от Алжира и Туниса, в Марокко не было ни политического, ни идеологического кризисов.

Король Мухаммед VI, вступивший на престол в 1999 г., после кончины своего отца короля Хасана II, попытался изменить ситуацию и провел ряд достаточно важных политических и административных реформ – с целью подъема экономики и демократизации общественно-политической жизни страны.

Наряду с этим, достаточно серьезную реорганизацию претерпела религиозная сфера. Была проведена регистрация всех мечетей королевства (около 42 тыс.) и закрыты те из них, которые были созданы без официальной санкции министерства по религиозным делам и где проповедовали так называемые самопровозглашенные имамы.

В провинциях были сформированы также утверждаемые министерством по религиозным делам местные советы имамов. В их задачу входил контроль проповедей местных имамов на соответствие классическим догмам ислама – с тем, чтобы предотвратить пропаганду радикального исламизма.

Умеренный исламизм в Марокко, его отношение к властям и проводимой ими либерализации и демократизации

можно определить как конструктивную оппозицию, отражающую, в основном, интересы неимущих слоев населения.

На рубеже 1990-х–2000-х гг. в Марокко насчитывалось около двух десятков исламистских организаций, большинство из которых представляли умеренный исламизм. В 2000-х гг. марокканские умеренные исламисты были представлены, в основном, двумя наиболее значительными организациями – Партией справедливости и развития (ПСР) и движением «Справедливость и благодеяние».

Одной из наиболее известных и многочисленных радикальных группировок является «Салафитский джихад». В начале 2000-х гг. в Марокко также действовали такие группировки, как «Правильный путь», «Обвинение в неверности и хиджра».

Наряду с террористическими группами, на территории Марокко действует организация «Воюющая исламская марокканская группа» (ВИГ-М), созданная в начале 1990-х гг. известными идеологами исламизма. Именно ВИГ-М стала одним из главных организаторов отправки в Ирак марокканских «моджахедов» – для борьбы с оккупационными силами США.

В Марокко не решены многие острые социально-экономические проблемы: безработица; жилищный кризис; низкий образовательный уровень части населения; неразвитость жилищно-коммунальной структуры в бедных городских кварталах.

Руководство Марокко предпринимает меры по ликвидации глубинных причин возникновения экстремизма, т. е. стремится к решению социально-экономических проблем и сокращению числа неимущих. В частности, предполагаются создание социальной инфраструктуры, учебных заведений, открытие новых рабочих мест и постепенная ликвидация бидонвелей.

Стратегические планы марокканских руководителей направлены на модернизацию экономики и страны в целом, в частности, планируется дальнейшее создание «свободных экономических зон».

2.8. Египет

Египет является крупнейшим арабским государством и одним из лидеров арабского мира.

Эксперты отмечают, что в последние годы в стране появились и новые «центры силы». Вспышка в начале 1990-х гг. терроризма, организованного исламскими экстремистами, вынудила режим значительно укрепить спецслужбы. В условиях сохраняющегося с 1981 г., с момента убийства президента Анвара Садата, чрезвычайного положения, их роль значительно возросла. Спецслужбы жестко реагируют на публичные проявления недовольства, нередко действуют вопреки судебным решениям.

Другой «центр силы» – крупный бизнес, роль которого – в связи с быстрым экономическим развитием страны – в последнее время резко возросла. Почти половина избранных в 2005 г. депутатов нынешнего Народного собрания – бизнесмены.

В Египте в 2000-е гг., так же, как и в соседних арабских странах, проводилась определенная либерализация общественно-политической жизни. В сентябре 2005 г. в Египте прошли первые президентские выборы на основе новой системы альтернативности. Однако о реальной демократии в Египте говорить рано, так как вся полнота власти в стране (с 1981 г.) сосредоточена в руках президента Х. Мубарака и возглавляемой им правящей Национально-демократической партии (НДП).

Что касается политических целей исламистской партии «Братьев-мусульман», то, если судить по их официаль-

ной программе, выработанной в 2004 г. и подтвержденной в основных пунктах в 2008 г., они не противоречат общепринятым демократическим нормам. Несмотря на попытки властей ослабить «Братьев-мусульман», они после успеха на парламентских выборах стали реальной и, ввиду слабости других оппозиционных политических сил, единственной оппозицией правящему режиму.

В 2006 г. египетские власти, стремясь продемонстрировать свой демократический «имидж» перед мировым общественным мнением и, прежде всего, перед США, освободили более 450 активистов «Братьев», задержанных, в основном, в ходе парламентских выборов. В то же время, США, со своей стороны, намеревались наладить контакты с «Братьями», как с «новыми членами египетского парламента». Однако последующие события, в частности, израильское вторжение в Ливан летом 2006 г. и военная акция израильской армии в Секторе Газа в декабре 2008 г. – январе 2009 г. привели к радикализации позиции «Братьев», которые резко осудили военные операции Израиля и поддерживавших их США.

Негативным образом сказалось в Египте, так же, как в других арабских странах, повышение в 2007–2008 гг. мировых цен на продовольствие и начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, что спровоцировало демонстрации протеста и забастовки.

Важным событием политической жизни Египта стали IV и V ежегодные съезды правящей Национально-демократической партии, состоявшиеся, соответственно, в ноябре 2007 г. и ноябре 2008 г.

Выступавший на съездах Гамаль Мубарак, младший сын президента Египта, являющийся заместителем генерального секретаря НДП, обнародовал перспективную программу социально-экономического развития Египта на 15 лет, включающую, в частности, развитие ядерной энергетики, и на-

правленную на «...реализацию принципа социальной справедливости». Наряду с этим, Г. Мубарак заявил, что «НДП является партией, представляющей интересы всех египтян, а не только предпринимателей».

Быстрое развитие Египта, экономическим блоком в правительстве которого ведают молодые либералы, заметно увеличило численность нового среднего класса, что, соответственно, привело к росту потребления, а это, в свою очередь, вызвало повышение цен и углубление разрыва между богатыми и бедными.

Большая часть египетского истеблишмента видит в Гамале Мубараке безальтернативного кандидата на пост президента Египта на следующих президентских выборах 2011 года. В марте 2007 г. египетский парламент одобрил 34 поправки к конституции Египта, которые устраняют некоторые, существовавшие ранее, формальные юридические препятствия для официального выдвижения Г. Мубарака на высшую должность.

Также, в соответствии с данными поправками, на смену закону о чрезвычайном положении, действовавшему с 1981 г., войдет в силу новый закон о борьбе с терроризмом, который предполагает, в частности, суровое наказание за принадлежность к террористическим группировкам, распространение и даже хранение исламистской литературы радикального характера.

Одновременно подтверждается запрет на политическую деятельность «Братьев-мусульман», что, несмотря на их достаточную популярность, во многом снижает шансы «Братьев» на участие в президентской кампании 2011 г.

Египет сталкивается с серьезными вызовами – это: периодические вспышки политической нестабильности; необходимость поддерживать на высоком уровне обороноспособность страны – из-за продолжения арабо-израильского кон-

фликта; сложная международная обстановка, требующая искусного дипломатического маневрирования.

В январе 2011 г. Египет столкнулся с серьезным политическим кризисом. По-видимому, под влиянием тунисских событий, страну охватили массовые социальные волнения. В настоящее время вопрос стоит о выживании режима Х. Мубарака.

2.9. Катар

Пример Катара – небольшого полуостровного государства в Персидском заливе – является важным для Казахстана, как потенциально крупного производителя природного газа. В производстве сжиженного природного газа (СПГ) Катар претендует на статус мирового лидера.

Уникальными выглядят относительные показатели, характеризующие газовые ресурсы эмирата. Удельная плотность, т. е. количество газа на единицу площади, составляет 222,7 млн. куб. м на 1 кв. км (в мире – 2,9 млн.). Срок прогнозируемой эксплуатации – 332,4 г. (в мире – 63,1 г.). Запасов газа Катара достаточно, чтобы обеспечивать потребности США в этом энергоносителе на протяжении 30 лет.

Стержнем интенсивного хозяйственного роста является 5-летняя энергетическая программа (2007–2012 гг.) с инвестиционным обеспечением порядка 70–80 млрд. долл. Одним из трех базовых направлений рассматривается развитие новых мощностей по производству сжиженного природного газа (СПГ). Доходы нефтегазового сектора составляют 60% от ВВП.

В нефтегазовом секторе ключевая роль сохраняется за государством – в лице вертикально интегрированной национальной компании Qatar Petroleum. Она реализуется через систему участия в дочерних фирмах и взаимодействие с при-

знанными «грандами» из числа транснациональных энергетических концернов и новыми «игроками» из Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Организационно-правовым фундаментом газовой индустрии являются совместные предприятия-корпорации с привлечением представителей мирового нефтегазового бизнеса, с гибко варьирующимся от проекта к проекту составом участников, при сохранении за государством контрольного пакета акций.

Катар «перевел» мировой энергетический рынок в новую эру, когда 6 апреля 2009 г. запустил первую в истории интегрированную систему по добыче и производству сжиженного газа Qatargas-2 – объект нового поколения стоимостью 13 млрд. долл.

Для Катара характерны оперативность и интенсивность в реализации проектов. Благоприятный инвестиционный климат привлекает в газовую промышленность страны крупные портфельные иностранные инвестиции.

Предполагается, что к концу 2011 г. Катар удвоит имеющиеся мощности по производству сжиженного газа и к 2012 г. выйдет на уровень 77 млн. т (106,3 млрд. куб. м). Однако экспортные возможности страны лимитированы пространственным фактором, исключительно значимым в международной торговле газом, – удаленностью от ведущих центров потребления.

Тем не менее, эмират удачно нашел свою газовую нишу – это возможность организовывать поставки СПГ. Как известно, капиталоемкое производство СПГ экономически оправданно, если потребитель находится на расстоянии свыше 5–6 тыс. км.

Помимо СПГ, Катар начал успешно налаживать и традиционные трубопроводные поставки газа.

2.10. Саудовская Аравия

Среди арабских стран Саудовская Аравия занимает особое место: во-первых, в силу своего авторитета и влияния как центра мусульманского суннитского мира и хранилища мусульманских святынь – городов Мекки и Медины; во-вторых, ввиду своей важной роли в финансово-экономических структурах в арабских странах и мире в целом и значительных инвестиционных и спонсорских возможностях.

В то же время, в Саудовской Аравии на рубеже XX–XXI вв. происходили процессы, во многом аналогичные общим тенденциям, имевшим место в большинстве арабских стран, т. е. либерализация, в той или иной мере, государственно-политической системы, и активизация исламизма.

В отличие от большей части арабо-мусульманского мира, где одной из основных причин возникновения исламистского движения становились социально-экономические факторы, в Саудовской Аравии таковыми явились религиозно-политические и, в какой-то мере, кланово-региональные противоречия.

Исламистское движение, оппозиционное правящей королевской династии, стало формироваться в начале 1990-х гг. За период 2003–2008 гг. саудовские правоохранительные органы в значительной степени подавили радикальную исламистскую оппозицию, хотя о полной победе над исламистским экстремизмом говорить еще рано.

В общественно-политической жизни проводятся реформы – с целью ее демократизации, в частности, выполнена большая часть из предлагавшихся умеренной оппозицией преобразований. В 2005 г., впервые в истории королевства, прошли выборы в местные органы самоуправления – консультативные советы при губернаторах провинций.

Все вышеуказанные реформы и созданные институты действительно можно охарактеризовать как элементы гражданского общества. В то же время, важно отметить, что преобразования в Саудовской Аравии (как и в других монархиях Персидского залива) проводятся строго в рамках Корана и шариата.

По мнению некоторых западных экспертов, с наступлением нового века привычное определение Саудовской Аравии как «нефтяного королевства» уже не в полной мере передает качественное состояние национальной экономики. Уровень добычи в обозримом будущем должен будет, судя по всему, начать снижаться. Вероятность того, что Саудовская Аравия выполнит объемы поставок нефти, запланированные во всех крупных мировых прогнозах добычи и потребления нефти, весьма мала.

Как результат, Саудовская Аравия, наряду с другими нефтяными монархиями Аравии, прикладывает большие усилия для диверсификации своей экономики, для развития нефтепереработки и нефтехимии.

Однако и сейчас саудовская экономика уже не сводится исключительно к нефти. Существующий в стране более десяти лет Высший экономический совет последовательно в пятилетних планах развития ставил целью сокращение зависимости от нефтяного сектора. Десятилетия модернизации принесли свои плоды: созданы новые отрасли промышленности, развивается сельское хозяйство, ускоренно растет сфера услуг.

В 1975–2008 гг. численность населения страны выросла с 7,3 до 28 млн. человек, доля городского населения увеличилась с 58,3 до 81%, продолжительность жизни возросла с 54 до 72 лет. В 2006 г. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составил 22 тыс. долл.

В последние годы большое внимание уделяется развитию ранее отсталых регионов – на севере и юго-западе страны,

где создаются новые промышленные зоны. Однако при этом возник дефицит бюджета. Появились трудности с обеспечением электроэнергией и пресной водой. В сельском хозяйстве уменьшаются посевные площади и сокращаются объемы производимой продукции, так как у государства уже нет средств для закупок зерна у национального производителя, себестоимость которого в 5–7 раз выше уровня мировых цен. Из-за вялости частных инвесторов план по приватизации отдельных промышленных предприятий и организаций реализуется медленными темпами.

Однако правительство прикладывает большие усилия для привлечения частного капитала в добывающую отрасль, не связанную с нефтью. Разрабатываются месторождения золота, серебра, меди, цинка и других полезных ископаемых. Все больше внимания уделяется развитию паломничества, а также созданию индустрии туризма, оказавшей столь прибыльной отраслью экономики в ряде арабских стран.

За десятилетия модернизации в стране вырос новый средний класс. Это – саудовцы, имеющие среднее или высшее образование, опыт ведения самостоятельного дела или работы по найму в частном и государственном секторах, привыкшие к новым, комфортабельным материальным условиям жизни и высокому уровню потребления. Сегодня власть стремится побороть иждивенческие и потребительские настроения, бытующие в молодежной среде, что, по сути, означает возвращение к давним племенным основам, к тому укладу жизни, в котором каждый отвечал за себя и за семью, хотя и опирался на поддержку общины.

Для решения задач социального развития в стране также действуют специально созданные Пенсионное агентство и Агентство социального обеспечения, помогающее больным, инвалидам, сиротам и семьям заключенных. Кроме того, во всех регионах действуют благотворительные учреждения,

крупнейшим из которых стал созданный в 2007 г. Фонд короля Абдаллы.

Исламская составляющая в общественной жизни королевства имеет большое значение. Для решения задачи выхода из кризиса важно не противостояние ислама неисламскому миру, а альтернативность ислама как системы традиционных ценностей – альтернатива переживающей кризис системе ценностей потребительского западного общества.

Исламская составляющая во внешней и внутренней политике королевства важна не столько как показатель «конфликта цивилизаций», сколько как индикатор очевидной тенденции к мировой регионализации, и мировой кризис, видимо, эту тенденцию существенно усилит.

Перспективы Саудовской Аравии на роль регионального лидера не бесспорны, но все объективные предпосылки – налицо. Очевидно и стремление дистанцироваться от Запада. Обращает на себя внимание устойчивая тенденция в королевстве к сокращению доли импорта из США и Великобритании при росте доли КНР и Южной Кореи.

Таким образом, в международном положении Саудовской Аравии наблюдается ослабление степени зависимости от Запада – наряду с возрастанием взаимообусловленности экономического и социального развития внутри субрегиона Аравии и Персидского залива, а, возможно, и всего Ближнего Востока.

2.11. Перспективы развития ситуации в Афганистане

Благодаря своему географическому положению, сложной внутривосточной ситуации, этно-конфессиональной мозаичности и глубокой вовлеченности в теневую часть мировой экономики, Афганистан и в начале XXI в. находится в

центре сложного переплетения интересов многих государств и негосударственных сил.

Ситуация в этой стране оказывает воздействие на безопасность не только ее непосредственных соседей, но и стран сопредельных регионов. Благодаря этому, к Афганистану постоянно приковано внимание Пакистана, Индии, Ирана, постсоветских стран Центральной Азии, КНР и России.

Фактически, Афганистан представляет собой неудавшийся эксперимент централизованной демократии, страна находится на пути к расколу; при этом некоторые районы контролируются талибами, а во многих других существует нестабильное правление неконтролируемых лидеров.

Безусловно, дальнейшее развитие ситуации в Афганистане и вокруг него будет оказывать серьезное влияние на геополитическое положение и безопасность Центральной Азии. С одной стороны, страны региона (как и Россия) заинтересованы в успехе антитеррористической операции, но, с другой, военно-стратегическое присутствие США и НАТО в Афганистане и некоторых государствах региона вызывает геополитическую напряженность со стороны таких стран, как Россия и Китай, что не могут не учитывать центральноазиатские республики.

Стратегия НАТО в Афганистане была и продолжает оставаться зависимой от политической линии США – ключевого члена альянса и главного игрока в этой войне. Принимаемые НАТО документы являются отражением того курса, который проводит в Афганистане Белый дом. Вместе с тем, нельзя однозначно говорить о том, что европейские союзники США беспрекословно следуют в фарватере политики Вашингтона.

Проблема Афганистана по многим порядкам является ключевой для безопасности Центральной Азии и национальной безопасности Казахстана. Чрезвычайно важно знать и понимать стратегию и планы Запада в отношении этой стра-

ны, представляющей собой источник военно-политических, религиозных и наркотической угроз. В геополитическом контексте ситуация в Афганистане затрагивает безопасность более широкого региона, включающего в себя Южную Азию, Средний и Ближний Восток, СНГ и КНР.

Внутриполитическое положение в Афганистане является крайне неустойчивым. Не вызывает сомнений, что режим Карзая практически не способен контролировать ситуацию в стране. Западные союзники также не в состоянии обеспечить контроль на всей территории страны. В то же время, существование режима Карзая полностью зависит от западной помощи.

Однако между Кабулом и западными союзниками существует ряд противоречий. В идеале, Х. Карзай хотел бы максимально расширить свои властные полномочия и взять под контроль финансовые потоки.

Решающую роль в развитии ситуации в Афганистане будет играть позиция США, которые несут основную тяжесть проведения оккупации и военных операций. На словах администрация Б. Обамы заявляет о неизбежном выводе своих войск (начиная с 2011 и до 2014 г.) из Афганистана. Однако на деле в настоящее время Соединенные Штаты расширяют масштаб военных операций и усиливают военное давление на талибов.

Европейские союзники проявляют все больше недовольства затянувшимся военным присутствием в Афганистане и постепенно сворачивают свои контингенты. Это вызывает напряженность между Америкой и Европой. Кроме того, между союзниками существует ряд противоречий относительно сроков и перспектив, методов и принципов осуществления миротворческой операции. Важным цементирующим фактором остается НАТО.

НАТО усиленно продвигает в международной информационной среде тезис о том, что в Афганистане альянс воюет за

интересы России. Возможный провал НАТО в Афганистане, под которым, скорее всего, надо понимать восстановление в этой стране режима талибов – в той форме, в которой он существовал до вторжения американцев, маловероятен. Однако те проблемы и трудности, с которыми НАТО столкнулась в Афганистане, могут существенно скорректировать функциональную и военную трансформацию альянса.

Талибы, обладающие практически неиссякаемым резервом боевиков, в состоянии вести неограниченную борьбу с любым иностранным присутствием в Афганистане.

Обращает на себя внимание и тезис о сложности реальной разработки полезных ископаемых в Афганистане, их эффективной капитализации. С реализацией подобных проектов связывается перспектива нормализации обстановки и экономического развития страны.

Крайне интересной здесь является мысль о том, что другие страны региона (видимо, в случае провала проектов коалиции) могут привести к власти силы, которые дадут им больше шансов воспользоваться природными ресурсами страны. В качестве подобной силы вполне может выступить Китай, который весьма успешно реализует свои экономические проекты в Афганистане, в том числе – развитие месторождений в Айнаке.

Немаловажный аспект афганской проблемы – инфраструктурные проекты. Коалицией предпринимаются усилия по строительству шоссейных дорог, вполне могут реализовываться планы строительства железной дороги, а также трубопроводов. Они могут увеличить связь афганских территорий, поспособствовать концентрации реальной власти правительства Афганистана и очагов развития страны вокруг этих путей, оттеснению от них талибов. Реализация этих проектов потребует времени, но именно они могут внести существенный вклад в укрепление афганской государственности.

Москва в последнее время предпринимает усилия, направленные на укрепление многостороннего и регионального сотрудничества с Пакистаном и Афганистаном. В перспективе могут очень пригодиться и посреднические услуги России, и ее вклад в осуществление различных экономических проектов.

Интересы *России*, связанные с Афганистаном, носят, прежде всего, политический (безопасность), нежели экономический характер. Они завязаны на угрозах, исходящих с территории этой страны, к которым относятся, в первую очередь, радикальный исламизм и транзит наркотиков. В более широком геополитическом контексте опасения России концентрируются вокруг военно-стратегической активности США и их союзников по НАТО в регионе.

В региональном плане Россия – на фоне усиливающейся децентрализации Афганистана – возвращается к поддержке Северного альянса (создание так называемого «пояса безопасности»).

При всех сложностях отношений России с Западом существуют сферы, где их сотрудничество неизбежно будет развиваться и крепнуть. Одно из первых мест в этом отношении, безусловно, занимает Афганистан.

В январе 2009 г. в Брюсселе состоялось первое после окончания войны на Кавказе заседание Совета Россия – НАТО на уровне начальников генштабов, ключевой темой которого стало сотрудничество в Афганистане. Была озвучена готовность России обучать афганских специалистов в российских вузах, восстанавливать объекты народного хозяйства Афганистана.

В частности, Россия выразила готовность помочь Афганистану, восстановив там 142 объекта промышленности и инфраструктуры, построенные еще в советское время. Москва рассчитывала, что все подряды она получит без тенде-

ров, а финансировать эти работы будет мировое сообщество, что поможет российским компаниям легче пережить кризис. Однако данный проект практически не был реализован – вследствие неготовности (или нежелания) Запада его финансировать.

Крупнейшим событием в политике России по отношению к Афганистану стало списание его задолженности из неоплаченных военных кредитов СССР и клиринговых расчетов, оцениваемой в 11,2 млрд. долл. Вместе с тем, следует учитывать, что большинство промышленных предприятий и современных дорог в Афганистане построены с помощью Москвы. Представляется совершенно естественным, что их восстановление или модернизация могут быть проведены с помощью специалистов из России.

Российско-американское соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркоугрозой из Афганистана было подписано в Москве 4 февраля 2010 г. Основная цель совместной работы – сокращение посевов опийного мака в этой стране и пресечение наркотрафика в Россию, а оттуда – в другие страны Европы.

Первая совместная антинаркотическая операция России и США в Афганистане прошла в ночь на 28 октября 2010. В ходе рейда в восточной провинции Нангархар были уничтожены четыре нарколаборатории (три – героиновые, одна – морфиновая). Президент Афганистана Хамид Карзай в жесткой форме раскритиковал первую в истории совместную антинаркотическую операцию России и США.

На встрече в Сочи (2010 г.) с представителями Пакистана, Ирана и Таджикистана Россия конкретно обозначила свою позицию по Афганистану. Российская позиция исходит из того, что процесс вывода иностранных частей и передачи обязанностей афганским армии и правоохрнительным органам растянется на несколько лет. Переходный период создаст

определенные угрозы и для России. Данные угрозы проистекают из возможной активизации талибов и усиления наркотрафика из Афганистана.

Пакистан является одним из крайне важных участников решения афганской проблемы для Вашингтона и НАТО, но он не должен быть единственным. Системная сложность ситуации в Афганистане диктует необходимость комплексных политических подходов и вовлечения многих сторон в трансформацию этой страны, ее общества и экономики.

Для всех политиков, вовлеченных в афганский конфликт, совершенно очевидно, что без тыловой поддержки на территории Пакистана афганские талибы были бы обречены. Таким образом, для решения афганского конфликта фактор Пакистана по многим параметрам является ключевым.

Следует отметить, что Пакистан является одним из ведущих доноров Афганистана в регионе. Особенно интенсивно в последние годы развивается афгано-пакистанская торговля: если в 2002 г. торговый оборот между двумя странами составлял всего 50 млн. долл., то уже к концу 2005 г. он возрос до 1,9 млрд. долл. Из них афганский экспорт (ковры, сухофрукты, драгоценные камни) составлял 700 млн., пакистанский (текстиль, рис и др. продовольствие) – 1,2 млрд.; в 2006 г. – 1,93 млрд. долл.

Основные объекты пакистанской технико-экономической помощи Афганистану включают аэропорты, дороги и автодороги, которые способствуют расширению двусторонней торговли. По некоторым данным, в различных сферах народного хозяйства Афганистана занято около 60 тыс. пакистанцев.

В 2006 г. Пакистан выделил дополнительно 200 млн. долл. на развитие систем образования и здравоохранения, строительство объектов жилищного и социального сектора – всего 20 проектов. Однако сложные двусторонние политические

отношения тормозят реализацию большинства из этих проектов развития.

По мере реализации «новой» стратегии Б. Обамы в Афганистане, наметились изменения в политике Исламабада в отношении Афганистана и присутствия Соединенных Штатов в этой стране. Так, президент Хамид Карзай дал понять пакистанской стороне, что он не верит в победу американцев и по этой причине склоняется к примирению с талибами, для чего стремится заручиться поддержкой Пакистана.

После отставки генерала МакКристалла имела место интенсификация контактов между Пакистаном и Афганистаном. Начальник штаба сухопутных войск Пакистана Ашфак Первез Каяни и руководитель Межведомственной разведки генерал Ахмад Шуджа Паша дважды встречались с Х. Карзаем, а министр иностранных дел Афганистана Залмай Расул провел переговоры с коллегами в Пакистане. Можно было бы предположить, что пакистанцы выступают в качестве посредников в процессе примирения с группировками Джелалуддина Хаккани и Гульбеддина Хекматиара, в результате которого за разрыв связей с «Аль-Каидой» им будет предложено интегрироваться в администрацию Х. Карзая.

В случае успеха переговоров на эту тему следующим шагом стало бы выявление умеренных сил среди руководства талибов на юге Афганистана и вовлечение их в переговорный процесс.

В последнее время верхушка политического истеблишмента Пакистана пришла к выводу, что реальный ход событий в Афганистане (который устраивал бы Исламабад) совершенно не совпадает с планами Вашингтона. В настоящее время среди пакистанских стратегов сформировалась своя «дорожная карта» урегулирования конфликта, которую они навязывают Х. Карзаю. Пакистанский план включает в себя следующие элементы:

- установление четкого срока вывода из Афганистана коалиционных вооруженных сил;

- согласие на определенную децентрализацию управления, причем ряду провинций на юге и востоке Афганистана в порядке самоуправления придется дать возможность ввести в действие элементы шариата;

- наряду с выводом сил международной коалиции, вытеснение из Афганистана всех повстанческих группировок иностранного происхождения, в особенности – остающихся в стране сторонников «Аль-Каиды»;

- реорганизация системы подбора кадров для афганских национальных сил безопасности – с целью обеспечения более равномерного представительства в них различных этнических групп населения Афганистана;

- осуществление мер, способствующих возврату беженцев из Пакистана, и ликвидация всех существующих на данный момент убежищ движения «Талибан» в этой стране;

- пресечение связей между афганскими талибами и пакистанским движением «Техрик-и-талибан Пакистан»;

- налаживание жесткого контроля на афгано-пакистанской границе и, что является необходимым следствием данной меры, безусловное согласие со стороны Афганистана с международно признанной конфигурацией этой границы.

К настоящему времени у военно-политического руководства Пакистана оформились несколько основных претензий к Вашингтону и его политике в Южной Азии и Афганистане. Данные претензии сводятся к следующему:

1. В Исламабаде считают глубоко ошибочным восприятие американской администрацией афганского и пакистанского направлений в качестве единой проблемы. В такой интерпретации Пакистан, по сути, из союзника в решении афганской проблемы превращается в часть этой проблемы.

2. Исламабад настаивает на восприятии Пакистана Соединенными Штатами как равноценного союзника, равно как и на стимулировании его к партнерству на афганском направлении, что потребовало бы (от Вашингтона) решения проблем собственно пакистанской безопасности. В том числе – решения кашмирского вопроса и налаживания индо-пакистанского диалога в целом. Американцы же предпочитают увязывать проблемы безопасности Пакистана, в первую очередь, с террористической угрозой, а не с Кашмиром или иными сложными вопросами индо-пакистанских отношений.

3. Резкое недовольство (как среди военных, политиков, так и в общественном мнении) вызывают атаки, осуществляемые американскими беспилотниками (таковых в 2010 г. насчитывалось около 100).

4. В Исламабаде опасаются, что США будут саботировать выполнение закона (билля) Керри – Лугара, согласно которому, Соединенные Штаты должны были предоставлять Пакистану экономическую помощь в размере 1,5 млрд. долл. в год в течение пяти лет, или увязывать его с выполнением Исламабадом определенных политических требований.

В феврале 2010 г. в Пакистане был арестован влиятельный заместитель лидера талибов, выполнявший обязанности министра обороны, мулла А.Г. Барадар; в марте был захвачен мулла А. Мохтасим, отвечавший за разработку военной стратегии «Талибана». Самым простым объяснением является то, что Пакистан решил, невзирая на риски различного рода националистических и религиозных выступлений в ряде регионов страны, наконец-то полностью искоренить «Талибан» на своей территории, поскольку эта организация стала угрожать самому существованию пакистанского государства, его ядерным объектам, экономическому развитию и общественному спокойствию.

Существует версия, что Исламабад готовит почву для начала новой «игры» на афганском геополитическом поле, которая может начаться в случае вывода американских войск и запуска переговоров о вхождении талибов в официальные органы власти Афганистана. По мнению ряда экспертов, Исламабад, уничтожая верхушку «Талибана», хочет вновь взять это движение под контроль и оказать поддержку «умеренным» лидерам, способным после 2011 г. вести переговоры и достигать компромиссов с Кабулом с учетом интересов Пакистана.

Американское видение ситуации вокруг Пакистана имеет свои отличия. Для Вашингтона не вызывает сомнений, что с началом операции коалиционных сил в Афганистане одним из вызовов для американцев и их союзников стало базирование талибов на территории Пакистана и их террористическая активность в стране.

Проблема имеет несколько измерений.

Во-первых, талибы получают возможность наносить удары с территории Пакистана – суверенного государства, на территории которого коалиционные силы могут действовать весьма ограниченно (до последнего времени – с использованием беспилотной авиации). При этом, судя по сложившейся обстановке, усилий пакистанской армии по противодействию талибам явно не хватает.

Во-вторых, «Талибан» представляет собой угрозу собственно для пакистанского правительства, выступая мощным фактором дестабилизации ситуации в стране: кровавые теракты против гражданских и военных объектов Пакистана давно стали обыденным явлением.

В-третьих, угроза «Талибана» выступает картой во внутриафганской игре, неизбежно усиливая роль военных в политической жизни страны. Военные остаются единственной силой, которая может противодействовать радикальным

группировкам на территории страны или влиять на них тем или иным способом. Де-факто они наращивают возможность первенства в политической жизни, равно как и свои позиции в торге с американской дипломатией.

Очевидно, что США серьезно обеспокоены складывающейся ситуацией. Наряду с ослаблением своих позиций в Пакистане и угрозами операций в Афганистане, американцы опасаются хаотизации внутривнутриполитических процессов в стране. Вашингтон предпринимает попытки сохранить свое влияние путем увязки вопроса о финансовой помощи Пакистану с реальным вкладом в борьбу с талибами, а также сдерживанием роли военных во внутренней политике (согласно биллю Керри – Лугара).

Если Вашингтон удовлетворится тактическими успехами и решит начать вывод войск с 2011 г., то Исламабад ожидают довольно трудные времена, поскольку снижение американского присутствия в регионе может вызвать очередной всплеск активности талибов не только в Афганистане, но и в Пакистане.

Во внешней политике *Ирана* отношения с Афганистаном занимают важнейшее место – и не только потому, что оба государства имеют общую границу, но, в значительной степени, из-за нахождения на афганской территории мощных военных группировок США и НАТО. На официальном уровне Тегеран поддерживает Афганистан, правительство которого официально признано международным сообществом. Иран выступает одним из крупнейших торгово-экономических партнеров Афганистана, а также инвестирует значительные средства в ряд проектов в Западном Афганистане.

В то же время, иранское правительство выступает против каких-либо переговоров с движением «Талибан». Визит иранского президента М. Ахмадинежада в Кабул (март 2010 г.) носил в целом ознакомительный характер и был направлен на выяснение настроений в руководстве Афганистана и преде-

ла полномочий Х. Карзая в условиях американского военного присутствия.

Другой важной стратегической задачей данного визита было предотвращение создания на территории Афганистана военного плацдарма, который мог бы угрожать безопасности иранского государства или использоваться в качестве инструмента силового давления на него. Таким образом, желание Тегерана прояснить суть процессов, запущенных Белым домом, вполне понятно и объяснимо.

Иран занят в осуществлении самых разнообразных проектов в Афганистане. Во-первых, бурно развивается торговля между двумя странами. К концу 2006 г. иранский экспорт (кроме нефтепродуктов) в Афганистан (потребительские товары, продукты питания) достигал 500 млн. долл. ежегодно, а общий товарооборот превысил 1 млрд. долл. Ежедневно афгано-иранскую границу пересекают от 400 до 500 иранских грузовиков. В Кабуле открылся Иранский банк, стимулирующий торговлю между двумя странами.

Тегеран активно участвует в реконструкции и расширении афганской экономической инфраструктуры. Так, обещанная в 2002 г. финансовая помощь в размере 560 млн. долл. в течение 5 лет расходовалась, в том числе, на расширение электросети в Афганистане. В 2005 г. была сдана в эксплуатацию линия электропередачи (ЛЭП) мощностью 132 кВт от иранской границы до Герата, с последующим 10-кратным увеличением мощности для передачи электроэнергии и в другие города.

Иран построил также автотрассу длиной 122 км и стоимостью 68 млн. долл., соединившую его северо-восток с Гератом, и начал строительство дороги, которая соединит Западный Афганистан с иранским портом Чабхехар в Персидском заливе. Она станет выгодной для Афганистана и стран Центральной Азии альтернативой пакистанскому маршруту че-

рез порт Гвадар. Афганистан, таким образом, получит выход к морю.

Иран также строит в Афганистане дамбы, школы, поликлиники и другие социальные объекты. Суммарная экономическая помощь Ирана соседней стране превышает 1 млрд. долл.

Однако, кроме того, режим М. Ахмадинежада использует финансовые рычаги для манипулирования внутренней политикой Афганистана. В октябре 2010 г. появилась информация о том, что Иран ежемесячно переправляет в Кабул крупные суммы денег. Власти Ирана официально признали, что оказывают финансовую помощь соседнему Афганистану. Предположительно, эти средства использовались афганскими властями для обеспечения лояльности членов парламента страны, старейшин и умеренных талибов.

С точки зрения политического прагматизма, менее всего интересам Ирана будет отвечать приход к власти в Кабуле проамериканского правительства, которое юридически закрепит присутствие войск США и НАТО в Афганистане (в результате либо успешно завершеного процесса национального примирения, либо полного разгрома «Талибана»). При таком развитии событий у Ирана не останется весомых политических ресурсов для действенного влияния на развитие ситуации в Афганистане, а если будет сохранено военное присутствие американцев и в Ираке, то страна окажется в геополитических «клещах».

Однако и вывод американских войск до окончательного урегулирования афганского кризиса не принесет Ирану больших дивидендов. В случае разрастания афганского конфликта, если начнется открытое противостояние между Кабулом и «Талибаном», градус напряженности в регионе повысится, на многих проектах региональной интеграции будет поставлен крест. Тегеран, естественно, в стороне не оста-

нется и будет вынужден поддерживать официальные власти Афганистана.

Существует один вариант развития событий, выгодный для ИРИ: после 2011 г. текущая ситуация останется без изменений, т. е. будет происходить дальнейшее противоборство между НАТО и Кабулом, с одной стороны, и талибами – с другой. Этот вариант более или менее выгоден Тегерану, поскольку сохранит его нынешнее положение в регионе.

Несколько лет назад ситуация в Афганистане волновала КНР, прежде всего, с точки зрения безопасности. После начала американской операции «Несокрушимая свобода» Пекин начал проявлять беспокойство уже из-за усилившегося присутствия США и НАТО вблизи своих границ.

После прихода к власти в КНР руководства во главе с председателем Ху Цзиньтао, при котором одной из главных задач внешней политики Пекина стало обеспечение китайской экономики минеральными ресурсами, тактика Поднебесной в Афганистане поменялась: упор был сделан на экономическую экспансию. Пекин решил не направлять в страну своих солдат, а заняться бизнесом, позиционируя это как помощь мировому сообществу.

Вклад КНР в реконструкцию Афганистана в рамках международной программы – 150 млн. долл. – достаточно скромный, например, по сравнению с Японией, которая выделила 900 млн. В основном Пекин финансирует небольшие сельскохозяйственные объекты.

В конце марта 2010 г. президент Афганистана Х. Карзай совершил визит в Китай. В Пекине афганский лидер и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали соглашения, реализация которых позволит Китаю стать крупнейшим инвестором в афганские недра.

Реализация достигнутых соглашений может превратить Китай в крупнейшего игрока в афганской экономике. Со-

гласно данным китайской таможенной статистики, уровень торговли между двумя странами пока незначительный – в 2008 г. ее объем составил всего 155 млн. долл. Однако, это лишь официальные данные, отражающие, прежде всего, передвижение товаров через узкий Ваханский коридор в горах Памира. Между тем, значительная часть китайского ширпотреба, которым завалены все афганские рынки, поступает в страну также через соседей, в особенности, центральноазиатских.

Объем прямой помощи Пекина Афганистану с 2002 г. составил 130 млн. долл., а в прошлом году КНР пообещала предоставить еще 75 млн. долл. в ближайшие пять лет. Наконец, многие китайские фирмы выполняют подрядные работы в рамках проектов по восстановлению афганской инфраструктуры, которые финансирует Запад.

Главным объектом интересов Пекина являются значительные минеральные ресурсы этой страны, в разработку которых из-за войны долгие годы никто не вкладывался. В этом отношении Афганистан может быть крайне интересен для китайских инвесторов.

Например, по данным геологической службы США, в недрах страны залегают 1,6 млрд. баррелей нефти и 440 млрд. куб. м газа (однако рентабельность значительной части этих ресурсов вызывает большие сомнения). Еще интереснее запасы цветных и черных металлов.

Большая часть потенциально рентабельных месторождений сконцентрирована в спокойных провинциях на севере страны. Так, большие запасы железной руды расположены в провинции Герат, золота – в провинциях Бадахшан, Тахар и Газни, меди – в провинции Логар.

В ноябре 2007 г. китайские инвесторы выиграли тендер на освоение крупнейшего неразработанного медного месторождения в мире – Айнаке, расположенного в провинции Логар, в 30 км на юго-восток от Кабула.

Понимая, что время работает на него, Китай не склонен форсировать развитие отношений с Кабулом. Китаю в перспективе пригодятся природные богатства Афганистана – пока не освоенные богатейшие месторождения меди и железной руды. Тем более, что китайские деньги, направляемые в регион по каналам как двусторонних связей, так и Шанхайской организации сотрудничества, в условиях ослабления российского присутствия не первый год эффективно работают, создавая заделы на будущее.

И все же задача китайских стратегов состоит не только в том, чтобы прирастить за счет Афганистана зону Центральной Азии, превращающуюся в сырьевой придаток китайской экономики.

Главный интерес Пекина – стратегический. Активизируя политические связи со странами Среднего Востока и Центральной Азии, Пекин делает капиталовложения не только в экономику, но и в свои стабильность и безопасность. В случае с Афганистаном Китай в итоге сможет превратить эту страну в свой региональный плацдарм.

Индия имеет с Афганистаном традиционные экономические и культурные связи, поддерживаемые достаточно крупной индийской общиной, проживающей в стране. Индия вложила в Афганистан большие средства. Она строит там дороги, содержит – помимо посольства в Кабуле – четыре консульства. Индийские объекты подвергаются атакам со стороны талибов.

В течение почти двадцати лет *Узбекистан* проводит в отношении Афганистана (точнее, его северного анклава, населенного преимущественно узбеками) самостоятельную политику. После оккупации этой страны силами США и НАТО основными целями Ташкента являются: в сфере безопасности – создание и поддержание так называемого «пояса безопасности»; в экономической области – развитие интенсив-

ных экономических связей с целью интеграции региона с Узбекистаном. Узбекистан поставляет в северные районы Афганистана электроэнергию и нефтепродукты.

На практике действия Узбекистана ведут к росту сепаратистских тенденций в Афганистане и отколу узбекской (или узбекско-таджикской) части страны. Ташкент активно поддерживает идею России о создании на севере Афганистана «пояса безопасности».

В сфере экономики Узбекистан и Афганистан вынашивают весьма амбициозный проект. В ноябре 2008 г. они подписали Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий строительство железнодорожной линии, которая пойдет от г. Термеза в Узбекистане – через северную столицу Афганистана – г. Мазари-Шариф, и далее – через северные провинции страны – до Герата. Оттуда она пройдет до иранской границы, к которой уже подтягивается ветка железной дороги от иранского г. Мешхеда.

Таким образом, центральноазиатская железнодорожная сеть окажется связанной с иранской, и страны Центральной Азии получат выход к Персидскому заливу. Кабул и Ташкент обратились к АБР – с просьбой обеспечить разработку технико-экономического обоснования проекта.

Еще в апреле 2008 г. президент Узбекистана И. Каримов на саммите НАТО/СЕАП в Бухаресте четко определил позиции своего государства по вопросу решения данной проблемы. На саммите ШОС в августе 2009 г. в Душанбе он вновь подтвердил свою точку зрения.

Суть предложений Узбекистана по решению проблемы урегулирования ситуации в Афганистане заключается в следующем:

1. Военное решение афганской проблемы полностью исключается. Эта позиция находит все большую поддержку иностранных государств.

2. Необходимо обратить серьезное внимание на решение острых социальных проблем (обнищание населения и безработица). Сегодня различные слои населения Афганистана, прежде всего, молодежь, вынуждены искать источники средств к существованию, а это создает благоприятную почву для рекрутирования их в ряды боевиков, вовлечения в незаконный оборот наркотиков и т. п.

3. Решать проблему урегулирования необходимо с учетом конфессиональных и национальных особенностей афганского народа, о чем свидетельствует исторический опыт различных войн в этой стране с участием внешних сил.

Что касается возобновления деятельности функционировавшей в 1999–2001 гг. под эгидой ООН Контактной группы «6+2» по Афганистану, то эту группу, по мнению Ташкента, необходимо расширить, включив в нее НАТО – активного участника процесса урегулирования ситуации в Афганистане.

На неофициальном уровне Ташкент придерживается собственной точки зрения по ряду принципиальных моментов афганской политики. Во-первых, компромисс по принципиальным вопросам с талибами невозможен. Во-вторых, надо закрепить в сознании афганцев и мирового сообщества мысль о том, что операция в Афганистане – не антиафганская, а антитеррористическая. В-третьих, любая уступка повлечет за собой новое наступление на всех фронтах – военном, геополитическом, информационном, идеологическом, психологическом и т. д. Поэтому один из важнейших путей поиска решения афганской проблемы – блокирование источников пополнения рядов террористов.

В целом руководство Узбекистана исходит из того, что миротворческая кампания международной коалиции в Афганистане будет продолжительной.

Самые тесные культурные и экономические отношения сложились у Афганистана с *Таджикистаном*. Наиболее

успешным является сотрудничество двух стран в области энергетики. С завершением строительства Сонгтудинской ГЭС, в котором участвуют российская и иранская компании, в Таджикистане появится избыток электроэнергии, который будет поступать в Афганистан и далее – в Пакистан. При содействии России уже построена ЛЭП от афгано-таджикской границы до г. Пули-Хумри. Дальше через Кабул она пойдет в Пакистан.

Однако Душанбе использует афганский фактор для решения собственных внешнеполитических задач. В расширении своего военного сотрудничества с США правительство Таджикистана делает акцент именно на афганском факторе.

США создают на таджикской территории учебный центр – для подготовки местных военных кадров; именно американцы оплатили сооружение четырех мостов, ведущих через таджикскую границу в Афганистан и далее – в Пакистан, а общая сумма предоставленных Америкой кредитов и различной помощи Таджикистану превышает 1 млрд. долл. США.

У Вашингтона и Брюсселя могут возникать различные соблазны использования «простых решений», продиктованных текущей политической конъюнктурой, однако каждое из них будет иметь существенные отрицательные последствия и долгосрочные издержки не только для союзников. Негативный сценарий развития событий в Афганистане может существенно повлиять на безопасность стран региона и интересы ряда других государств, включая республики Центральной Азии и Россию.

В настоящее время специалисты обсуждают, в основном, три, иногда – четыре (теоретически) вероятных сценария развития событий.

Сценарий № 1 носит идеальный характер и потому невозможен. В этой версии развития событий войска коалиции одерживают сравнительно быструю (за 1–2 года) победу, соз-

дают эффективные государственные институты, закладывают прочные основы гражданского общества и покидают страну. Но даже при таком фантастическом сценарии нельзя гарантировать необратимость перемен. Остается вероятность постепенной реставрации конфликта с возвратом талибов.

В соответствии со сценарием № 2, войска коалиции покидают Афганистан, не одержав победы. Причины такого исхода связаны с невозможностью достижения военного успеха, т. е. установления контроля над всеми провинциями, включая и те, в которых размещены войска коалиции, а также с недостаточностью финансовых средств, неверностью союзников по коалиции. Сюда же можно отнести отказ верхушки талибов от ведения каких бы то ни было переговоров с «оккупантами» и их марионетками.

Отсутствие позитивных результатов вынуждает Вашингтон отказаться от планов по умиротворению Афганистана. Официально американская миссия объявляется успешно завершенной, но фактически уход американских вооруженных сил означает поражение.

Наиболее вероятен сценарий № 3, в пользу которого говорят и нынешние действия американской администрации: противостояние с талибами затягивается на неопределенно долгий срок, и окончательное решение «афганского вопроса» раз за разом откладывается. Собственно говоря, именно в этой постоянной отложенности и состоит решение.

На такой сценарий указывает то, что Обама объявил об усилении американской группировки в Афганистане. Таким образом, следуя логике Обамы, временное наращивание численности войск – кратчайший путь к их окончательному выводу.

Периодически те иные силы внутри Афганистана или вне его выступают с различными инициативами, планами и предложениями по урегулированию конфликта. Президент Карзай ранее предлагал предоставить амнистию боевикам

«Талибана», которые сложат оружие. Он также неоднократно изъявлял готовность вступить в прямой контакт с лидером движения – Муллой Омаром.

В 2009 г. стороны уже пытались договориться о прекращении войны в Афганистане. В Саудовской Аравии под патронажем короля Абдаллы прошло несколько раундов переговоров. Однако в итоге договориться стороны не смогли. Препятствием стало требование талибов о немедленном выводе из Афганистана всех иностранных войск.

Талибы выдвигают Х. Карзаю собственные условия: они якобы больше не хотят править государством, но требуют полного вывода иностранных войск из Афганистана, введения закона шариата и организации совета, в котором приняли бы участие старейшины со всей страны под предводительством муллы Омара.

Основные условия, на которых «Талибан» готов сложить оружие и начать переговоры, известны: изменение конституции страны; вывод иностранных войск; признание ДТ в качестве части афганской политической системы; открытие представительств «Талибана» в городах Афганистана; исключение руководителей движения из «черного списка» СБ ООН и, наконец, освобождение всех талибов из тюрем.

Реализация первого условия, согласно афганскому законодательству, зависит от решения джирги. Карзай рассчитывает, что реализация его планов по национальному примирению и реинтеграции позволит привлечь к мирной жизни не менее 70% афганских талибов.

В январе 2010 г., накануне конференции в Лондоне, стало известно о том, что правительство Х. Карзая разработало новый план примирения с «Талибаном».* Приверженцам этого движения, которые перейдут на сторону властей, бу-

* По мнению ряда афганских политологов на Западе, термин «умеренные талибы», с которым выступает Кабул, – это самый настоящий миф, и любые попытки их интеграции во властные структуры могут привести к непредсказуемым последствиям.

дут предложены рабочие места, возможности получить образование, им будет обеспечена безопасность. Главным элементом нового плана стали гарантии безопасности амнистированным. Они не должны будут подвергаться арестам, их защитят и от возмездия со стороны мятежников.

США в целом план одобрили. При этом афганское правительство рассчитывало, что финансировать его будет мировое сообщество. Однако, на реализацию плана потребовалось бы не менее 1 млрд. долл.

В конце января 2010 г. выступить в качестве посредника между Кабулом и боевиками, а также Кабулом и Исламабадом сделала попытку Турция. Основная идея Анкары состояла в том, чтобы придать проблеме региональный характер – т. е. привлечь соседние государства к более активному участию в решении афганской проблемы.

На Лондонской конференции Великобритания выдвинула (согласованный с США и другими членами НАТО) план урегулирования конфликта в Афганистане: безопасность, управление и развитие, региональные отношения. Согласно этому плану, к концу 2010 г. численность афганской национальной армии должна составить 134 тыс. человек, а афганской национальной полиции – 109 тыс. Таким образом, подразумевалась передача контроля за безопасностью в стране афганским силовым структурам.

План также подразумевал создание международного фонда по реинтеграции. Средства из него должны были пойти на поддержку тех боевиков «Талибана», кто захочет вернуться к мирной жизни. Наконец, третий блок итогового документа подразумевал более тесную координацию действий между афганскими силами (включая МССБ) и соседними странами, прежде всего, Пакистаном. План был рассчитан на то, что доноры внесут в специальный международный фонд не менее 500 млн. долл.

На практике Западом был также сделан ряд шагов по размораживанию ситуации и расколу талибов. По инициативе западных держав был начат процесс изъятия имен полевых командиров и политических деятелей движения «Талибан» из черных списков ООН* – Совет Безопасности ООН «реабилитировал» пятерых бывших деятелей, занимавших официальные посты у талибов. Тем самым, создавались стимулы для раскола врага. Ранее Россия – как постоянный член СБ – такие попытки блокировала.

У командования войсками НАТО существовал (по крайней мере, до отставки МакКристалла) секретный специальный денежный фонд в 1,5 млрд. долл. – для выплаты тем, кто складывает оружие.

Помимо дипломатических, политических и финансовых методов, администрация Б. Обамы использует военные средства. В течение 2010 г. США инициировали две крупные военные операции против талибов: в марте – операцию «Муштарак» в Мардже и в июле – операцию в Кандагаре.

Однако на деле операции носили, скорее, пропагандистский характер и должны были подкрепить политические усилия Вашингтона в русле стратегии Обамы. Предполагалось, что борьба с влиянием талибов на юге Афганистана, в провинциях Гильменд и Кандагар, будет проходить по четкому плану: сначала повстанцев вытесняют с тех территорий, которые они контролируют; затем коалиция начинает благоустраивать занятые населенные пункты, попутно переманивая местных жителей, в основном, симпатизирующих «Талибану», на свою сторону.

В последнее время речь среди экспертов идет о создании в Афганистане так называемого «государства децентрализованной демократии», что на определенных условиях должно

* Те, кто внесен в эти списки, лишены возможности ездить за границу. Их счета в банках замораживаются.

стать приемлемым вариантом для Соединенных Штатов. В этом случае будет сохранено централизованное государство (с широкой автономией регионов и установлением демократических институтов), обладающее контролем для того, чтобы не допустить использования территории Афганистана для дестабилизации Пакистана или планирования атак против Соединенных Штатов. Принятие подобной модели явилось бы частичным признанием афганских реалий, которые установились после 2001 г.

В мае 2010 г., во время визита в Соединенные Штаты, Х. Карзай предложил 36-страничный план переговоров с повстанцами. Согласно этому плану, лидерам «Талибана» предлагается свободно покинуть страну, если они сложат оружие и «порвут все связи с «Аль-Каидой». Их имена вычеркнут из ооновского списка разыскиваемых. В документе также упоминаются программы трудоустройства. Этот план, который Барак Обама поддержал, имеет мало общего с реальностью.

В октябре 2010 г. появилась информация о том, что власти Афганистана начали с талибами секретные переговоры, площадкой для которых был выбран Дубай.

В качестве основного требования движение потребовало выделить его представителям квоту в будущем, послевоенном руководстве Афганистана. По некоторым данным, в обмен на прекращение боевых действий талибы требуют определить точную дату вывода из страны иностранных войск, предоставить им квоту на посты в правительстве, снять все обвинения с лидера движения «Талибан» – муллы Мохаммада Омара – и предоставления ему гарантий безопасности, как бывшему лидеру государства.

По мнению экспертов, верхушка движения обеспокоена быстрым ростом влияния других радикальных группировок, выступивших против правительства Хамида Карзая.

Оптимальный вариант для Соединенных Штатов и НАТО мог бы выглядеть следующим образом: столица страны – Кабул и другие крупные города очищены от талибов; резко сократилось число террористических актов; относительно дееспособная афганская армия и полиция при поддержке существенного контингента западных сил (преимущественно американских) обеспечивают относительный уровень безопасности на всей территории Афганистана; удалось расколоть талибов, провести переговоры с «умеренными», благодаря процессу политической амнистии привлечь их к сотрудничеству с центральными властями и включить в органы местной власти.

Подобное развитие ситуации позволило бы Соединенным Штатам и НАТО «сохранить лицо». Однако для успеха подобного плана необходимо серьезное усилие не только со стороны западных и афганских военных, но, главным образом, со стороны Пакистана.

Наиболее вероятный сценарий состоит в том, что: противостояние с талибами затягивается на неопределенно долгий срок, и окончательное решение «афганского вопроса» раз за разом откладывается.

Стратегия американцев по «пуштунизации» афганской власти состоит из двух элементов. Прежде всего, США и их союзники намерены захватить или ликвидировать наиболее одиозных представителей антизападной коалиции (куда входят как талибы, так и другие радикальные группировки, состоящие, в основном, из пуштунов). Далее предполагается пустить во власть «умеренных» талибов – пуштунских боевиков, имеющих мотивом этнический национализм, а не религиозный фундаментализм.

Основной смысл «новой стратегии» США в Афганистане сводится к следующему: «уйти, чтобы остаться». Соединенные Штаты не смогут полностью оставить Афганистан

(и прекратить поддержку Пакистана в борьбе с собственными исламистами), не рискуя при этом поставить под угрозу собственную безопасность, а также безопасность своих многочисленных союзников и клиентов, в т. ч., в регионе Среднего и Ближнего Востока.

Скорее всего, военное присутствие США (и НАТО) будет сокращаться, хотя и не такими масштабными темпами, как в Ираке. Предположительно, США будут вынуждены держать в Афганистане от 30 до 50 тыс. чел. своего контингента, чтобы не допустить полной дестабилизации военно-политического положения в стране.

В этих условиях для сохранения относительной стабильности и урегулирования ситуации в Афганистане резко возрастет заинтересованность США и Запада в привлечении дополнительных сил за счет других государств, в т. ч. соседних. Речь идет, прежде всего, о республиках Центральной Азии, а также ряде стран мусульманского мира.

Временная стабилизация положения в Афганистане после заключения перемирия и вхождения представителей талибов в правительство представляется весьма желанной для Белого дома, который настаивает, что не откажется от планов приступить в 2011 г. к выводу войск.

В результате Х. Карзай назначил специальный совет из 70 человек, которому поручил переговоры с «Талибаном». В этот орган вошли, например, такие фигуры, как Абдул Хаким Муджахид – бывший представитель «Талибана» при ООН. Главой совета стал Бурхануддин Раббани – бывший президент Афганистана, смещенный в 1996 г., когда власть в стране захватили талибы.

В целом перспективы переговоров остаются весьма туманными – талибы, и сами порядочно потрепанные и уставшие от войны, не склонны идти на уступки, поскольку уверены, что смогут продержаться до ухода войск США.

Казахстан, как и другие центральноазиатские государства, не может безучастно наблюдать за ухудшением ситуации в Афганистане – в случае эскалации дестабилизирующего эффекта от ухода войск США и НАТО.

По-видимому, выход из такого положения лежит в усилении сотрудничества Казахстана и стран ЦА с державами, чья ответственность в Афганистане автоматически возрастет после эвакуации западных сил. К этим державам относятся (помимо Пакистана) Китай, Индия, Иран и Россия.

В качестве инструментов укрепления собственной безопасности группа государств Центральной Азии располагает только такими институтами, как ОДКБ и ШОС, которые также нуждаются в институциональном усилении и стратегическом реформировании.

3. ИСЛАМ В ПОЛИТИКЕ КРУПНЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ НЕАРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

3.1. Турция

3.1.1. Ислам и внутренняя политика

Исламский фактор во внутренней и внешней политике Турции играет все возрастающую роль, особенно после прихода к власти в ноябре 2002 г. исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) Р.Т. Эрдогана. Активно пропагандируя имидж «народной» партии, противостоящей интересам столичной республиканской элиты, ПСР успешно завоевала поддержку многочисленного традиционно настроенного населения провинций Анатолии, бедных и наименее образованных слоев.

В августе 2007 г. при выборах меджлисом президента Турецкой Республики победил один из лидеров ПСР – А. Гюль. Этот результат стал возможным после проведения в июле 2007 г. внеочередных парламентских выборов, на которых правящая партия одержала убедительную победу. Таким образом, парламент и два важнейших государственных поста оказались в руках происламистской партии.

За последние три десятилетия в Турции отчетливо наблюдается возрождение деятельности различных суфийских орденов (тарикатов) и других религиозно-культурных общин (джемаатов). В результате процессов постепенной деэлитизации, т. е. ухода государства из экономической и социальной сфер, роль религиозных объединений и аффилированных с ними фондов расширяется, их деятельность становится более разнообразной – эти общественные объединения заполняют освобождаемое государством пространство в таких областях, как образование и наука.

Поддержка и помощь со стороны финансовых кругов, наряду с возрождением интереса к религиозно-культурному наследию Турции и усилением религиозного фактора в политике, расширяют влияние исламских объединений. На сегодняшний день в Турции насчитывается порядка двух десятков суфийских орденов.

Антигосударственных религиозных объединений экстремистского и террористического толка в истории Турецкой Республики насчитывалось немало, но на сегодняшний день сколько-нибудь значимой поддержки со стороны населения они не находят.

Таким образом, по мере расширения политических свобод население Анатолии стало приспосабливать привычные формы самоорганизации к новым условиям, а переход к рыночной экономике позволил религиозным общинам создавать собственные финансово-экономические структуры, аккумулирующие сегодня значительные ресурсы.

В феврале 2008 г. по инициативе ПСР были одобрены поправки в законодательство, разрешающие женщинам посещать учебные заведения и государственные учреждения в хиджабах и, по сути, отменяющие установленный Ататюрком в 1923 г. запрет на ношение мусульманских платков.

Сторонники светского пути развития Турции расценили поправки о хиджабах как угрозу распространения религиозных символов не только на высшие учебные заведения, но и на школы. А демонстративное желание обратиться за консультацией к религиозным деятелям и исламская риторика премьер-министра, подхваченная его окружением, были восприняты кемалистами как свидетельство намерений возродить нормы шариата и подготовку к трансформации светского режима.

В ответ на решения Конституционного суда об отмене поправки о хиджабах и принятии к рассмотрению иска о ро-

спуске ПСР правительство перешло в контрнаступление. В конце июня 2008 г. Верховный суд приступил к рассмотрению уголовного дела против 86 лиц, обвиненных в принадлежности к тайному обществу «Эргенекон», которое якобы начало подготовку военного переворота.

Начиная с конца 1980-х гг., лидерами ряда влиятельных исламистских организаций являются хорошо образованные профессионалы (инженеры, врачи, юристы), во взглядах которых религиозный консерватизм сочетается с гибкостью и открытостью в вопросах экономической и технологической интеграции с внешним миром. При этом среди турецких исламистов есть немало противников модернизации по западным моделям и сторонников силовых методов внедрения исламских норм.

Происламские партии приобретают все больше приверженцев среди выпускников престижных учебных заведений, занятых в различных областях экономики. Существенную роль в хозяйственном развитии небольших городов играет так называемый исламский, или «зеленый» капитал, к которому относятся финансовые учреждения, функционирующие на исламских принципах. Ряды исламистов получают постоянную подпитку, поскольку они имеют вполне легальные условия для расширения сферы своей деятельности.

Риторика лидеров Партии справедливости и развития отличается от безудержной критики кемализма их предшественником – Н. Эрбаканом. Президент Турции Абдулла Гюль и премьер-министр Реджеб Тайиб Эрдоган также избегают нападок на политику и культуру Запада. Они в гораздо меньшей степени озабочены солидарностью с мусульманскими странами, чем конкретной задачей вступления в ЕС в качестве полноправного члена, т. е. интеграции с развитыми странами Европы.

Обвиняя европейцев в антиисламских предубеждениях, лидеры ПСР, в то же время, понимают значение для Турции сотрудничества с Западом, идущее на пользу экономическому развитию страны.

В Турции по-прежнему высок потенциал для гражданского насилия и бескомпромиссной политической борьбы. Последнее было явно продемонстрировано политическим кризисом 2007–2008 гг. и текущими политически мотивированными судебными разбирательствами.

Оценивая феномен ПСР, нужно отметить, что ее, безусловно, нельзя отнести к привычным партиям исламистского толка, неизменной характеристикой которых является стремление обеспечить соблюдение жестких моральных норм, поставить консервативные социальные, нравственные и религиозные проблемы во главу политической повестки дня. Обращает на себя внимание, что партия не апеллирует к классовым, языковым, религиозным или этническим различиям, равно как и к исключительно мусульманскому или этническому турецкому электорату.

Идеология ПСР – универсальна и направлена на создание широкого национального консенсуса. Тем не менее, в настоящее время свобода действий партии Р. Т. Эрдогана существенно ограничена армией, кемалистской бюрократией, высшими иерархами в судебной системе, образовании и значительной частью крупного бизнеса. Принимая во внимание подозрения турецких секуляристов относительно «реальных» политических целей ПСР, любая попытка правительства перейти обозначенные сторонниками секуляризма границы, в частности, ввести религиозные нормы в национальное законодательство, вызвала бы серьезное внутривнутриполитическое напряжение, не исключая и вмешательства армии.

Современная Турция стремится позиционировать себя именно как наследницу Османской империи – как во внеш-

ней, так и во внутренней политике. И нынешнему премьер-министру удалось напрямую связать в представлении избирателей процесс исламизации страны с демократизацией и развитием.

В первую очередь Эрдоган отнял у кемалистов судебную власть. В результате изменения Конституции Турецкой Республики под контролем правительства оказались высшие судебные инстанции, долгое время пытавшиеся отстранить ПСР от власти.

В конституцию страны также были внесены поправки, затрудняющие возможность роспуска неугодных политических партий – военные часто пользовались этим инструментом против исламистов. Серьезный удар поправки нанесли и по самому институту армии. Военные суды потеряли право судить гражданских лиц, в то время как сами военнослужащие в ряде случаев подпали под юрисдикцию гражданских судов.

Итоги референдума увеличили пропасть между религиозными консерваторами и сторонниками светского образа жизни. Результаты голосования показывают, что вдоль побережий Эгейского и Средиземного морей протянулся так называемый светский пояс, где избиратели высказались против реформы. А в центральных и юго-восточных районах Анатолии, где сильны религиозные чувства, население изменение конституции одобрило.

Опасность же заключается в том, что Эрдоган, перестроив конституцию, тем самым лишил кемалистов всех мирных способов контроля над ситуацией. Аналитики опасаются, что в случае продолжения исламизации страны и давления на военных загнанные в угол кемалисты могут прибегнуть к единственному оставшемуся выходу – военному путчу.

В сентябре 2010 г. возник еще один повод для бунта – открытие для богослужений крупнейших исламских мечетей

страны, которые во времена Ататюрка были превращены в музеи. Эрдоган открыл для литургии старую армянскую церковь на озере Ван, а в августе – греческий монастырь Панагия Сумела. Теперь у властей появилось моральное право открыть мечети в Стамбуле.

Дальнейшая демократизация политической системы Турции будет вести, во-первых, к постепенному снижению политической роли армии, а, во-вторых – к расширению возможностей влияния религиозно-общественных (мусульманских) объединений на политическую жизнь страны.

3.1.2. Ислам и внешняя политика

Сегодня Турция проводит многомерную и всеохватную внешнюю политику, участвуя в решении насущных вопросов, возникающих в разных частях земного шара – от Африки до Южной Америки, от Восточной и Южной Азии до стран Карибского бассейна. Турция также является членом таких организаций, как ООН, ОБСЕ, НАТО, Организация Исламская Конференция, СВМДА, G-20 и устанавливает взаимоотношения со многими новыми структурами.

Следует также упомянуть о том, что Турция получила статус наблюдателя в ряде ведущих региональных организаций, таких, например, как Африканский союз, Лига арабских государств, Ассоциация стран Карибского бассейна и Организация американских государств.

Историческая традиция мотивирует интерес Турции к близлежащим зонам, включая Кавказ, Каспийский и Черноморский бассейны, Балканы, Восточное Средиземноморье и Ближний Восток – от Персидского залива до Северной Африки.

Все эксперты говорят о прагматизме внешней политики Турции, которая ставит во главу угла реализацию нацио-

нальных интересов. Об этом свидетельствуют и стремление стать членом Европейского союза, и попытки нормализовать отношения с Арменией, и даже систематическое нанесение ударов по базам Курдской рабочей партии на территории Северного Ирака.

Турецкая элита пыталась реализовывать и неоимперские проекты, направленные на консолидацию вокруг Турции тех зон, которые раньше находились под властью Османской империи. Фактически, Турция претендует на роль глобального игрока. Однако данное направление турецкой внешней политики не обеспечено достаточными ресурсами.

Следует подчеркнуть, что стремление вновь оказаться под контролем «новых османов» у арабов полностью отсутствует. Вряд ли можно всерьез воспринимать и рассуждения об «исторической ответственности» Турции перед территориями, которые ранее входили в Османскую империю.

Кроме того, практически сразу после распада СССР Турция задумала собственный геополитический проект, тогда – неопантюркистский, но переоценила свои материальные возможности. Будучи динамично развивающимся государством, она, тем не менее, совершенно не обладала ресурсами, необходимыми для масштабной экспансии. Но главная причина заключалась в том, что неопантюркизм рассматривался и продолжает рассматриваться соответствующими государствами (Россия, Китай, Украина, Молдова, Болгария) как вмешательство в их внутренние дела.

В середине 1990-х гг. предшественник нынешних турецких исламистов – глава Партии благоденствия (Рефах) и кабинета министров Неджметтин Эрбакан – пытался выстроить «Исламскую восьмерку», в пик «семерки» индустриально развитых стран Запада. Весьма интересен состав этой «восьмерки». В ней – семь неарабских государств:

Турция, Бангладеш, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан, и только одна арабская страна – Египет.

В качестве претензии выступать от имени ислама как такового можно рассматривать испано-турецкую инициативу «Альянс цивилизаций» (2005 г.). Цивилизации трактуются, прежде всего, в религиозном смысле, и Турция, как соинициатор проекта, брала на себя право представлять весь исламский мир.

Доктрина «неоосманизма», точнее, его апология для внешнего пользования заключается в следующем. Турция окружена странами Среднего Востока, Кавказа и Балкан. Во всех этих регионах, особенно после окончания «холодной войны», наблюдается нестабильность. На «постосманском» пространстве по-прежнему не разрешены территориальные споры.

Всего этого не было во времена Османской империи, когда царила стабильность. Более того, Османская империя, хоть и была похожа на теократическое государство, однако, если проанализировать отношения в ней государства и религии, то она более соответствовала современной светской модели. Суть «неоосманизма» заключается в «...усилении внешнеполитической роли Турции в регионе во имя стабильности».

Палестинская проблема – удобная «отмычка» для вторжения в арабский регион внерегиональных игроков. В ответ на попытки ее использовать арабские государства реагируют региональной консолидацией. Свидетельство тому – история с «Флотилией свободы» (июнь 2010 г.), снаряженной Турцией при поддержке Ирана для прорыва израильской блокады Газы, и в целом негативная реакция арабских государств на этот шаг, угрожающий сломать тщательно выстраиваемые ими балансы сил в регионе.

Скорее всего, Анкара будет стремиться к контролю над Северным Ираком – в последнее время в Турции разверну-

лась дискуссия об этой части соседней страны. По мнению многих ее участников, этот район является «естественным географическим продолжением Турции». Причем вопрос – не в создании на иракской территории какого-то «санитарного кордона» против курдских боевиков, он и так уже есть, шириной от 3 до 10 километров.

Речь идет о Киркуке – нефте- и газоносном районе и предмете споров между курдами и арабами, а также проживающими там турками (туркоманами). После ухода американских войск «битва за Киркук» почти неизбежна, если к тому времени его не передадут Иракскому Курдистану, как это обещали в свое время представители республиканской администрации Соединенных Штатов.

Однако даже в этом случае велика вероятность того, что в Киркуке начнутся масштабные этнические «чистки», жертвами которых, при любом раскладе, станут туркоманы. Турция введет в Киркук войска – для «защиты туркоманов от геноцида». И, вполне возможно, останется там столь же долго, как на Северном Кипре.

Турция уже удачно использовала антиамериканскую фронду, предложив России участвовать в «Кавказской платформе стабильности», которая декларативно исключала Соединенные Штаты из кавказской политики, вверяя ее Турции, России и государствам Южного Кавказа.

Соединенные Штаты не могли не отреагировать на турецко-иранское сближение. Госсекретарь Хиллари Клинтон призвала главу МИДа Турции А. Давутоглу не вмешиваться в отношения между мировым сообществом и Ираном, на что, как сообщают источники, министр ответил согласием. Турция возвращается к своей роли юго-восточного фланга НАТО.

Существует точка зрения, что США хотели бы ухода кабинета Р. Эрдогана. По мнению сторонников радикальных мер,

Турция сегодня превратилась в ближневосточную Югославию — сильную региональную державу, чьи интересы мешают Соединенным Штатам проводить свою собственную политику в регионе. Собственно, началом реализации этой стратегии можно считать принятие конгрессом США в марте 2010 г. проекта резолюции о признании геноцида армян.

Менее радикальные американские политики все же надеются, что им удастся решить проблему проще — вернуть Турцию в свою систему, добившись свержения Эрдогана силами кемалистов и военных.

Умеренный план, где ставка делается на смещение Эрдогана и усиление кемалистов, имеет больше шансов на реализацию. Однако даже в этом случае Турция вряд ли станет тем, чего хотели бы в Вашингтоне. Страну могут ожидать серьезные внутривнутриполитические потрясения, в результате которые приведут к дальнейшей исламизации. Кемалисты и военные в сегодняшней Турции перестали быть прогрессивной цивилизационной силой.

Теоретически членство в ЕС могло бы стать гарантией сохранения светского, демократического режима. Однако перспективы вступления Турции в Евросоюз становятся все туманнее. Помимо различных политических и экономических препятствий на этом пути, немаловажную роль играет и то, что, несмотря на серию реформ, проведенных правительством Т. Эрдогана по требованию ЕС и при поддержке Международного валютного фонда (МВФ), происламистский характер правящей партии вызывает у европейцев опасения.

В целом, в Турции пока сохраняются относительная экономическая и политическая стабильность и более или менее устойчивое равновесие между происламистскими силами и сторонниками светского развития страны.

3.2. Иран

Ислам как религия и идеология играет во внутренней и внешней политике Исламской Республики Иран ведущую роль. Иран является единственным мусульманским государством, в котором распространение исламской революции является внешнеполитической доктриной. Исламские принципы пронизывают всю внутреннюю политику государства и социально-экономическую жизнь иранского общества.

Однако в последние полтора десятилетия внешняя политика ИРИ на международной арене испытала трансформацию в сторону роста иранского (шиитского) национализма и прагматизма. Ислам все еще остается важным элементом внешнеполитической риторики Тегерана, но на практике иранское руководство действует, исходя из национальных интересов своей страны, прибегая в то же время к манипулированию исламским фактором, особенно на Ближнем Востоке.

Следует отметить, что в ОИК Иран стоит особняком, будучи (пока) единственным шиитским государством. В целом Иран намерен играть — и уже фактически играет — роль крупной и влиятельной региональной державы. В мировой политике последнего десятилетия основным фактором международного положения Ирана является его атомная программа.

3.2.1. Внутривнутриполитическое развитие

Иранский режим, порожденный исламской революцией, постоянно эволюционирует. Пока эта эволюция заключается лишь в расширении или сужении рамок дозволенного в огромном пространстве исламских ограничений (политических, экономических и социальных). Но идет эта революция по спирали. Так, за четыре года президентства Ахмадинежа-

да революция вернулась к истокам, но уже на более высоком уровне.

Такое движение исламской революции объясняется стремлением элиты сохранить жизнеспособность режима и не допустить прямолинейного, поступательного и возрастающего вектора его эволюции, что было бы чревато удалением от истоков, ослаблением революционных принципов и, в результате – трансформацией режима с неизбежным концом исламской революции в Иране.

Как в теоретических установках, так и на практике иранское руководство стремится к модернизации экономики, ее интеграции в мировую экономическую систему, а также не отказывается от «прозападных» заимствований в политической сфере – выборности руководящих органов, проведения референдумов, парламентаризма, наличия политических партий и т. п.

В то же время, в экономике и в политической структуре ИРИ существуют механизмы, серьезно ограничивающие возможности западной экспансии в этой стране.

В экономике – это: плановость и государственное регулирование в основных отраслях; социальная направленность экономического развития; беспроцентные банки; исламские фонды и т. п.; в политической структуре – существование верховного руководителя государства (рахбара), избираемого из среды высшего шиитского духовенства; Наблюдательный совет меджлиса (иранского парламента); Совет экспертов; Совет по целесообразности принимаемых решений; Высший совет культурной революции, которые в основном состоят из представителей иранского духовенства и полностью ими контролируются.

Несомненная заслуга исламского руководства ИРИ заключается в том, что оно смогло своевременно уловить мировые экономические тенденции и стало планомерно прово-

дить политику экономической либерализации. И этот курс не зависел от политических сил, приходивших к власти – прагматиков, консерваторов, реформаторов.

В 2000–2007 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 5,9%, при среднемировых – 3,2%. При этом по сравнению с дореволюционным периодом сделан огромный шаг вперед в области развития инфраструктуры – магистральным газом охвачено 75% населения страны, идет активное развитие электроэнергетики.

Однако, в результате создания в ИРИ исламской экономической модели, включающей такие элементы, как банковское дело, исламские фонды регулирования цен на важнейшие товары, сохранение высоких закупочных цен, коренной перестройки экономической структуры так и не произошло. В немалой степени этому препятствовали экономические санкции США и СБ ООН в отношении Ирана, мировой кризис, усугубивший негативные последствия этих санкций (осенью 2008 г. стали снижаться индексы Тегеранской биржи), хотя в целом иранская экономика оказалась менее подвержена влиянию мирового кризиса, чем другие мировые экономики.

Тем не менее, опыт экономического развития Ирана показал, что исламские нормы могут быть использованы для разных экономических моделей.

Сейчас Иран, безусловно, выгодный объект для экономического сотрудничества. И хотя больший интерес вызывает политический потенциал Ирана, его усиливающееся влияние на многие процессы в регионе, не вызывает сомнения тот факт, что политические амбиции ИРИ опираются на его экономическую составляющую.

Международные (преимущественно, западные) СМИ обычно связывают Иран с поддержкой международного терроризма в различных регионах, прежде всего, на Ближнем Востоке. Но, как ни парадоксально, Иран сам является объ-

ектом, подвергающимся атакам со стороны международного терроризма.

Анализ террористической активности в ИРИ показывает, что в стране действует этническая оппозиция существующему режиму в лице радикальных террористических организаций. В последние годы Иран не раз подвергался террористическим атакам, организованным разными группами и отличавшимся друг от друга методами их проведения.

После введения в 2010 г. и последовательного ужесточения экономических санкций, для большинства стран мира Иран стал нежеланным торговым партнером. И если ему что-то и продают, то по сильно завышенным ценам: это – плата за риск, на который идут зарубежные компании. Из Ирана также начали уходить компании, занимающиеся разработкой, добычей и продажей нефти и газа. Об уходе или сокращении своей деятельности в Исламской Республике Иран заявили крупнейшие нефтяные компании мира.

В Иране – дефицит важнейших товаров. Угроза нависла над целыми секторами экономики страны, особенно – сферой авиаперевозок. На сегодняшний день летный парк страны состоит из очень старых судов, которые в случае поломки невозможно отремонтировать – из-за отсутствия деталей.

Однако нельзя сказать, что Иран вовсе не реагирует на санкции и не пытается найти обходные пути. Доставка товаров осуществляется через подставные судоходные компании. Ирану удается обходить и международный запрет на банковские операции – иранские банковские сети создавались во всем мире, документы об их владельцах фальсифицировались, а информация об операциях скрывалась.

В борьбе с американскими санкциями Иран опирается на помощь дружественных республике государств. К таковым относятся, в первую очередь, Китай, Туркмения, Венесуэла и Ирак, а также, частично – Россия.

3.2.2. Внешняя политика

Внешний фактор всегда играл в политике ИРИ значительную, а иногда – и решающую роль. Основные принципы внешней политики, провозглашенные в начале исламской революции: «ни Запад, ни Восток, а ислам»; экспорт исламской революции; приоритетные отношения со странами мусульманского мира – претерпели некоторые видоизменения.

Конструктивный подход иранского правительства к внешней политике страны дал положительные результаты. Иран вышел из международной политической изоляции, в которой он находился в первые годы после исламской революции. Начали налаживаться контакты со странами Европейского союза. Определенные успехи были достигнуты Ираном в отношениях с арабскими странами, а также с Россией.

Особое беспокойство у иранских руководителей вызывают вопросы ближневосточного урегулирования, дестабилизации положения в регионе, а также в Ираке, Афганистане, Персидском заливе, где находятся американские военные силы. Приход к власти новой администрации в США может изменить политическую обстановку на Ближнем Востоке, однако ей вряд ли удастся осуществить вывод своих войск из Ирака и Афганистана без определенной поддержки Ирана. Поэтому в ближайшем будущем вполне возможно налаживание ирано-американских отношений.

На протяжении 30 лет отношения между США и ИРИ практически оставались на одном и том же уровне. Основные вопросы, вызывавшие негативную реакцию США – поддержка Ираном радикальных исламских группировок «Хамас» и «Хезболла», противодействие американскому плану урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и развитие иранской ядерной программы. Все это стало причиной принятия США комплекса политических, экономических и во-

енных мер, направленных на экономическую и дипломатическую изоляцию Ирана на международной арене.

Политический курс Ирана и его независимая политика в регионе, в частности, самая активная поддержка арабского народа Палестины, стали причиной недовольства со стороны Израиля и США – как защитника еврейского государства.

В последнее время во внешней политике ИРИ на ближневосточном направлении все большее место занимает Турция, возглавляемая исламистским руководством.

На имперском романтизме Турции и сыграл Иран, преследующий собственные и весьма далеко идущие внешнеполитические цели. «Флотилия свободы» (май-июнь 2010 г.) оказалась большой внешнеполитической ошибкой Анкары.

Тегеран хотел бы разбить складывающийся неформальный антииранский арабо-израильский консенсус, ставив арабский мир с Израилем, что надолго отвлекло бы и евреев, и арабов от подготовки к возможному удару по Ирану. Программой-максимум, на реализацию которой, впрочем, трудно рассчитывать, было бы втянуть Турцию в военное противостояние с Израилем.

Тегеран заинтересован в создании в юго-восточной части Средиземного моря очага военной напряженности, отвлекающего внимание мировой общественности от Персидского залива, что позволило бы выиграть время для выстраивания обороны против вероятного военного удара по иранским ядерным объектам.

Для Ирана и с логистической, и с военно-политической точки зрения важно закрепиться в Газе. Израильские политики уверены, что Тегеран стремится превратить Газу в иранский порт в Средиземноморье. Тем не менее, Ирану удалось (хотя и ненадолго) переключить внимание арабских стран со своей ядерной программы, а также с освоения Ираном частей арабского мира – на Турцию.

Тегеран поддерживает Анкару (не забывая при этом о собственных интересах) в борьбе против Курдской рабочей партии, имеющей базы и тренировочные лагеря на севере Ирака. По некоторым сведениям, Иран и Турция создали в Иракском Курдистане секретные «наступательные оперативные базы» – для осуществления совместных военных действий против курдских боевиков. Кроме того, Иран обещает снабдить Турцию углеводородами, чтобы она могла сыграть роль межрегионального «углеводородного коннектора».

Однако события, происходящие в регионе, заставляют думать, что существует более широкая платформа турецко-иранского сотрудничества, которую можно назвать «анти-арабской» или, более узко, «антииракской». И Турция, и Иран готовятся к 2011 г., когда начнется твердо обещанный президентом США Бараком Обамой вывод американских войск из Ирака. При этом высока вероятность дестабилизации и дезинтеграции этой страны.

Иран в этой ситуации наверняка будет претендовать на контроль над югом Ирака, которого он не смог добиться во время кровопролитной войны 1980–1988 гг. (в декабре 2009 – январе 2010 гг. Тегеран осуществил «пробную» оккупацию иракской территории, когда демонстративно захватил нефтяное месторождение Эль-Факка.)

Важным фактором международных отношений и внешней политики ИРИ является ядерная программа Тегерана. Основным вопросом состоит в том, действительно ли Иран стремится овладеть ядерным оружием? В этом случае неизбежен ширококомасштабный конфликт между США (возможно, с участием Израиля и некоторых членов НАТО) и Ираном.

После нескольких месяцев трудного торга с Россией и Китаем администрация Обамы добилась согласования нового пакета санкций против Ирана, одобренных 6 июня 2010 г. Советом Безопасности ООН. Эти санкции должны

принудить иранцев остановить работы по обогащению урана и полностью подчиниться контролю Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Госсекретарь США Х. Клинтон и министр обороны Р. Гейтс утверждали, что, если санкции не приведут к желаемому результату, то будут рассмотрены – и уже предварительно изучаются – все возможные решения проблемы, в том числе и военное. Израиль со своей стороны не раз угрожал нанесением бомбовых ударов по иранским ядерным объектам. В настоящий момент Обама прилагает все усилия, чтобы сдержать Израиль.

Источники в Тегеране демонстрируют почти стопроцентную убежденность в том, что в действительности власти не стремятся обзаводиться ядерным оружием, а решения о создании его не принималось. Они объясняют, что на деле цель режима состоит в том, чтобы сделать Иран «виртуальным ядерным государством», наподобие Канады и Германии, которые являются, как и ИРИ, участниками Договора о нераспространении ядерного оружия. «Виртуальное ядерное государство» – то, которое освоило все стадии процесса обогащения урана и соглашается использовать его результаты исключительно в мирных целях.

Если Вашингтон и его союзники пойдут Тегерану навстречу, тот готов тут же дать обещание подчиниться требованиям дополнительного протокола о контроле со стороны МАГАТЭ. Как известно, этот протокол был составлен после присоединения Ирана к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Предлагаемые в нем меры контроля носят гораздо более глубокий характер, чем предыдущие.

В настоящее время Тегеран, не подписавший дополнительный протокол, не считает себя связанным его требованиями и подчиняется лишь отдельным, более ранним мерам контроля, причем весьма неохотно и в минимальном объеме.

Именно это порождает недоверие и подозрительность у мирового сообщества.

Соединенные Штаты и, в особенности, их союзник – Израиль, не готовы согласиться с тем, чтобы Иран освоил все стадии процесса обогащения урана и стал «виртуальным ядерным государством». Их позиция объясняется тем, что любой участник ДНЯО имеет право сослаться на чрезвычайные обстоятельства и выйти из него, известив остальных о своем решении всего-навсего за три месяца. В этих условиях Иран почувствовал бы, что у него развязаны руки на будущее.

В начале мая 2010 г. в Персидском заливе проводились крупные военные маневры. Как известно (и это подтверждают западные военные эксперты), Иран, которому принадлежит северный берег Ормузского пролива, в состоянии блокировать эти ворота в Персидский залив, где сосредоточено 40% транспортных артерий всего мирового нефтяного экспорта. Вашингтон в таком случае, безусловно, попытается снять блокаду с пролива, используя размещенный в этом районе 7-й американский флот. Но тогда операция наверняка выйдет за рамки воздушных бомбардировок.

У Ирана есть и другие возможности ответных действий. Уже довольно давно Тегеран последовательно активизирует свою роль посредника в Ираке. Цель этих действий – ускорить вывод американских войск из прилегающих к Ирану районов. После мартовских выборов в Ираке Тегеран играет там роль посредника во внутреннем политическом торге по формированию коалиционного правительства. Однако от него можно ожидать и прямо противоположных действий, направленных на то, чтобы американцы увязли еще больше. То же происходит и в другом граничащем с Ираном государстве – Афганистане.

В Тегеране среди политических и интеллектуальных кругов широко распространено чувство недоверия по отноше-

нию к России. «Партнерство» между Ираном и Россией практически полностью объясняется необходимостью, продиктованной враждебным отношением США и их союзников к Ирану. Тегеран, имеющий статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), действительно просил принять его в полноправные члены, но этому воспротивились как Китай, так и Россия, опасаясь негативной реакции Вашингтона. Однако, как считают в Тегеране, на деле Иран рассматривается в ШОС именно как полноправный член и участвует во всех стадиях процесса выработки решений.

Москва, оказывая давление на Иран и подталкивая его к компромиссу, отложила поставку ракетных комплексов ПВО ближнего радиуса действия С-300, которая была предусмотрена заключенным в декабре 2007 г. контрактом на сумму 800 млн. долл. Наличие такой системы затрудняло бы воздушный удар по Ирану и делало его для израильтян существенно более дорогостоящим. Но при этом Россия, судя по всему, настояла на том, чтобы среди новых санкций, согласованных Москвой и Вашингтоном, ракеты С-300 не упоминались, хотя продажа Ирану различных видов вооружений поставлена под запрет.

Углубление отношений с Китаем означает для Ирана приобретение союзника в группе стран – лидеров современных международных отношений и привлечение инвестиций, так необходимых для развития иранской экономики. В 1990-е гг. Китай начал официально содействовать развитию атомной энергетики в Иране. Хотя под давлением США он и вынужден был отказаться от полноценного сотрудничества с Ираном в этой области, тем не менее, Пекин успел предоставить некоторую помощь Тегерану для развития иранской ядерной программы.

В китайско-иранском взаимодействии торговля оружием стала тем инструментом, с помощью которого Китай смог не

только войти на иранский рынок, но также заложить основу для будущего успешного развития двусторонних связей. Богатый нефтью Иран в сочетании с постоянно развивающейся экономикой КНР может служить неким фактором, обеспечивающим Ирану важное положение в стратегических интересах Китая.

США, Израиль, арабские страны и – в несколько меньшей степени – государства Европейского союза считают иранскую ядерную программу одной из самых серьезных мировых проблем и крупнейшей угрозой международной стабильности. Кроме того, в силу происходящего на Ближнем и Среднем Востоке, роль Ирана как региональной силы неуклонно возрастает, что очень тревожит его соседей. Никто не может точно определить, хотят ли иранские руководители действительно произвести атомную бомбу, или же их цель – достичь состояния «пятиминутной готовности», т. е. довести процесс обогащения урана до такой степени, чтобы до создания атомной бомбы оставался лишь один шаг.

Суть иранской внешней политики состоит в стремлении к формированию многополярного мирового порядка под эгидой ООН – с Ираном и другими мусульманскими странами в качестве одного из таких полюсов.

В то же время, Центральную Азию Тегеран считает продолжением региона Персидского залива, представляющего собой в целом жизненно важную зону его экономических интересов. Поэтому Исламская Республика Иран традиционно отстаивает те проекты транспортных маршрутов энергоносителей из государств Центральной Азии, которые проходят через ее территорию, как самые дешевые и экономически наиболее обоснованные.

3.3. Пакистан

Исламская Республика Пакистан (ИРП) – уникальное образование, которое появилось на карте мира как «общий дом для мусульман Индостана». Пакистан – одно из крупнейших мусульманских государств (пятое по численности населения в мире) и единственное из них, которое имеет ядерное оружие.

Сегодня эта страна переживает, может быть, самый сложный период в своей истории. Сочетание растущей террористической угрозы, подпитываемой радикальным исламом, талибанизации, этнического сепаратизма с финансово-экономическими трудностями привело к глубокому общенациональному кризису.

Западные политологи объявляют ИРП «несостоявшимся государством». Однако на данный момент Пакистан – при всех своих проблемах – еще располагает потенциалом, чтобы консолидировать, реформировать общество и нанести поражение экстремистам.

Отметим наиболее существенные из угроз: насаждение исламистских порядков в северо-западных районах страны, на границе с Исламской Республикой Афганистан (ИРА), создание там опорных пунктов пакистанских, а также афганских талибов; активизация экстремистских группировок на восточном (индийском) направлении; распространение террористической угрозы из Пакистана по региональному периметру (Центральная Азия, Китай, Иран) с выходом на Россию, Европу, Северную Америку и Тихоокеанскую Азию; рост наркоопасности по тем же азимутам; расшатывание государственных устоев ИРП; обострение национально-этнических противоречий; возможность распада страны; всплески напряженности в отношениях с соседями – Ираном, Афганистаном; вероятность столкновения с Индией.

3.3.1. Внутриполитическое развитие

Главная проблема Пакистана – системный кризис государства. После всеобщих выборов в феврале 2008 г. и ухода П. Мушаррафа в августе того же года с президентской должности, демократические институты так и не набрали в Пакистане реального веса.

Хотя армия предпочла временно уйти с политической авансцены, уступив место «штатским», управленческие механизмы остались прежними, авторитарными. Кресло главы государства занял А.А. Зардари – вдовец Б. Бхутто, известного пакистанского государственного и политического деятеля, лидера Пакистанской народной партии (ПНП), погибшей в результате террористического акта в декабре 2007 г.

Госаппарат, который при П. Мушаррафе функционировал более или менее ровно, разбалансирован, во многом дезорганизован, с разъедающей его коррупцией заметной борьбы не ведется. Распад государственных механизмов проявляется буквально во всем: бюрократия не способна наладить в стране нормальную экономическую деятельность, энергоснабжение (всерьезные отключения электричества в Пакистане – норма жизни), административный контроль, судопроизводство и так далее. Резко ухудшилась координация между различными ведомствами.

Мусульманская лига Н. Шарифа, которая быстро укрепляет свое влияние и набирает политические очки, занимает выжидательную позицию, а остальные «отряды» противников режима (например, клерикальные партии вроде «Джамаат-и-Ислами») ослабели и разобщены.

Устои Исламской Республики Пакистан расшатываются также этническими противоречиями и сепаратизмом. Племена и народы, населяющие три провинции (Белуджистан, Северо-Западную пограничную провинцию и Синд), всегда

выражали недовольство доминированием в федеральных органах управления выходцев из четвертой провинции, Пенджаба – самой населенной и промышленно развитой.

На практике недовольство выливается в росте националистических настроений и протестах против «гнета пенджабцев». В Белуджистане противостояние приняло формы вооруженной борьбы с правительством, которую ведут различные сепаратистские движения и «фронты», прибегая к средствам террора.

Крупной проблемой является демографическая ситуация в стране. По оценкам, население Пакистана достигает 175 млн. человек. Темпы роста населения, хотя и снижающиеся в последние десятилетия, все еще велики. Население растет на 2% в год, прирастая в среднем на 3,5 млн., или на 35 млн. человек за 10 лет. При таких темпах к 2020 г. население Пакистана превысит 200 млн. человек.

Низка грамотность населения. Элементарными навыками чтения и письма не владеют свыше трети мужчин и двух третей женщин. За пределами начальной школы все еще остаются 20–30% детей. Особенно много неграмотных в сельской местности. Вопиющая ситуация сохраняется в периферийных западных и северо-западных районах, в полосе обитания племен, сохраняющих во многом традиционный образ жизни. Там есть местности, где грамотны менее 3% женщин и менее четверти мужчин.

На фоне относительной перенаселенности и быстрого, по современным меркам, демографического роста, в Пакистане ощутимо сказывается малая обеспеченность природными ресурсами. В первую очередь, не хватает воды для искусственного орошения, от которого зависит более 80% посевов. Однако в Пакистане мало не только воды, но и полезных ископаемых. Скудость природных ресурсов сочетается с бедностью накопленных людьми материальных ценностей.

Неравномерное распределение доходов усугубляет традиционное тендерное и сословное неравенство. Пакистан отличается исключительно упругая, неэластичная к переменам времени социальная ткань. Особенно это подходит для описания земледельческого общества Синда и юга Пенджаба, где распространены крупные землевладения. Пуштунские и белуджские ареалы выделяются своеобразной племенной архаикой. Социальные различия явственно ощущаются и в городских анклавах.

Пакистанская правящая верхушка традиционно возлагает большие надежды на внешнюю помощь, поступающую в настоящее время, прежде всего, от США, ЕС, Японии, Саудовской Аравии, ОАЭ и Китая. Однако ее эффективность в целом невелика.

Настоятельной необходимостью является снижение бремени военных расходов, особенно тех, которые вызваны продолжающейся десятилетиями конфронтацией с Индией. Безусловно, сокращение военных расходов, в том числе на ракетно-ядерные цели, оздоровило бы обстановку в стране и регионе. Однако такие изменения неминуемо повлекут за собой снижение роли армии и всего силового блока в политической системе.

В Пакистане существует федеративное устройство, довольно редкое для исламского мира. Оно досталось ему в наследство от колониальных времен. Характерным для Пакистана можно считать укоренившееся недоверие между наиболее значимыми национальностями – пенджабцами и синдхами. Прослеживается и вражда между мухаджирами и наводнившими Карачи в последние десятилетия пуштунами. Наиболее опасным для Пакистана и хорошо организованным был этносепаратизм в Белуджистане.

На этом непростом социальном фоне в Пакистане обострились, особенно в последние годы, политические пробле-

мы, наметились угрозы безопасности и целостности страны. Первая из них – это угроза терроризма, исходящая от пакистанских талибов.

В начале 2008 г. пакистанская армия и пограничные войска провели серию карательных акций против талибов Вазирстана и сумели приглушить их активность. Правительство приняло решение о начале в мае 2009 г. антиталибской военной операции. Спецподразделения армии и пограничных сил, численностью в 15–20 тыс. военных, выбили талибов из Бунера, Свата и Дира.

Военные действия, нередко – с применением тяжелого оружия, вызвали гуманитарный кризис. Местное население массами покидало родные места, спускалось из горных районов в долины. Численность переместившихся лиц сначала оценивалась в один, затем – в полтора-два миллиона человек.

Угроза талибанизации, в основном, ограничена пуштунским фактором. Этот «ограничитель» преодолевается таким обстоятельством, как единство действий, даже объединение с афганскими талибами. Талибанизация угрожает захлестнуть Пакистан – из-за вероятного перемещения в пограничные районы афганских талибов, уходящих от давления со стороны США.

Другая опасность связана с возможностью расширения талибского движения за счет юго-западных и южных пенджабских областей, являющихся базой действия ряда боевых исламистских группировок. Позиции исламистов более равномерно распределены по пакистанской территории, но между ними имеются разногласия, нет единого фронта, при этом цель радикалов на данном этапе – не в захвате власти в государстве, а в доведении ситуации до состояния хаоса.

В феврале 2010 г. в Пакистане был арестован влиятельный заместитель лидера талибов, выполнявший обязанно-

сти министра обороны, муллы А.Г. Барадар; в марте был захвачен мулла А. Мохтасим, отвечавший за разработку военной стратегии «Талибана». Самым простым объяснением является то, что Пакистан решил, невзирая на риски различного рода националистических и религиозных выступлений в ряде регионов страны, наконец-то полностью искоренить «Талибан» на своей территории, поскольку эта организация стала угрожать самому существованию пакистанского государства, его ядерным объектам, экономическому развитию и общественному спокойствию.

По мере деградации гражданских структур власти и углубления кризисных явлений взоры в Пакистане все чаще обращаются в сторону армии, которую воспринимают как единственную организованную и дисциплинированную часть общества. Маятник общественных настроений и симпатий качнулся в противоположную сторону – стремлению к прочной власти, пусть априори не демократической, однако способной обеспечить хотя бы относительный порядок. Все большей популярностью пользуется начальник штаба армии (ключевая военная должность в ИРП), генерал А.П. Киани, обладающий репутацией умеренного и здравомыслящего политика.

На протяжении почти всей истории Пакистана армия служила стержнем государства, его цементирующей основой. Она превратилась в мощную экономическую и социально-политическую корпорацию, во многом регулирующую жизнедеятельность страны.

Таким образом, вероятность возвращения на политическую авансцену армии – весьма высока. Объективные условия для этого созревают, вопрос лишь в том, в какой именно момент генералитет сочтет необходимым им воспользоваться. Для этого понадобится удобное стечение обстоятельств, скажем, массовые беспорядки, с которыми не сумеет спра-

виться правительство, или неконтролируемая талибская экспансия, угроза захвата экстремистами крупных городов.

Характерно, что, несмотря на талибанизацию, а, может быть, и благодаря ей, в Пакистане не произошло усиления популярности исламских партий. Кроме того, перед Зардари стоит очень трудная задача: как уладить проблемы с Соединенными Штатами, требующими в обмен на финансовую помощь Исламабаду (7,5 млрд. долл. в ближайшие пять лет) все более активного участия в борьбе с исламистами внутри страны, и, в то же время, не вызвать недовольства народа, поскольку антиамериканские настроения очень сильны.

Таким образом, внутривластный расклад в Пакистане характеризуется противостоянием по принципу «все против всех». Администрация президента Зардари – премьера Гиллани пока не в состоянии найти способы вытащить страну из трясины внутривластного хаоса, хотя экономическую ситуацию удалось более или менее стабилизировать, правда, главным образом, благодаря финансовой помощи Вашингтона. Между политиками, представляющими крупнейшие политические партии (бывшие союзники по коалиционному правительству Наваз Шариф и Зардари), и верхушкой пакистанской армии (начальник Штаба сухопутных войск генерал Каяни) то и дело возникают противоречия, которые будут только обостряться.

В случае возвращения военного правления Пакистан может превратиться в «строгое» исламское (а не исламистское) государство по типу того, что строил президент-генерал Зия-уль-Хак. Тогда противодействие исламистам и «Талибану» станет затруднительным, и Америка рискует потерять своего опорного союзника в борьбе с международным терроризмом.

Если к власти придут происламски настроенные военные, генералы могут начать пересмотр союзнических отношений

с Вашингтоном. Вероятно, они смогут найти поддержку среди дружественных стран – членов Организации Исламская конференция, в особенности таких, как Саудовская Аравия или Оман.

3.3.2. Внешняя политика

Пакистан и Афганистан связывают непростые отношения. В становлении движения талибов в 1990-х гг. и созданного ими квазигосударства (так называемого Исламского эмирата Афганистан) верхушка ИРП (прежде всего, армейская) увидела удобную возможность прочнее закрепиться в Афганистане. При этом выдвигался тезис «стратегической глубины» – т. е. опора на Афганистан якобы позволяла Исламабаду увереннее чувствовать себя в контексте возможных конфликтов с Дели, особенно принимая во внимание ядерное соревнование между этими азиатскими державами.

В настоящее время пакистанцы в перспективе не исключают использования талибов в целях возобновления своей экспансии в ИРА. Отсюда – и излюбленная установка Исламабада на допустимость и желательность диалога с «умеренными» талибами – как с афганскими, так и пакистанскими.

Хотя Пакистан и Афганистан существенно различаются и по уровню политического развития, и по уровню жизни, их связывают не только спорные территории, но и экономические контакты и общие исторические события. Кроме того, они оказывают друг на друга идеологическое влияние. Особенно тесные отношения сложились между исламистами двух государств.

Международный, даже геополитический характер приняла проблема пакистанских ядерных вооружений – ввиду опасений со стороны западных стран, а также России и КНР, что к ним могут получить доступ экстремистские элементы. В

условиях Пакистана единственная сила, способная обеспечить надежную защиту ядерных объектов и материалов, – военные.

По сути, сформированный к настоящему времени американо-пакистанский альянс включает в себя два альянса: с гражданским руководством ИРП и армией. Первый устраивает американцев в силу высокой степени зависимости от них «демократических» властей, и не устраивает в силу почти полной беспомощности тех же самых властей в политической, экономической и прочих областях. Что же касается военных, то они играют в абсолютно иной весовой категории, отличаясь самостоятельностью, независимостью и нежеланием беспрекословно принимать навязанные им правила.

Действуя через А.А. Зардари, Белый дом не раз пытался сделать военных менее строптивыми, поставить их под свой контроль (особенно активно соответствующие попытки предпринимались в отношении Объединенного разведывательного управления (ОРУ) – принципиально важной части костяка пакистанской военной машины), но всякий раз вооруженным силам удавалось отстоять свою «неприкосновенность».

Дополнительная причина озабоченности Вашингтона – давние связи Объединенного разведывательного управления, других военных спецслужб, а также представителей среднего и даже старшего офицерского звена с экстремистскими группировками. Американцы в Пакистане ведут себя как хозяева, без сверки с их мнением не обходится ни один крупный шаг местных властей. Влиятельных пакистанских чиновников, членов правительства, парламента, руководителей партий регулярно вызывают на беседы в посольство США.

Расчет в решении своих проблем не на собственные силы, а на поддержку извне привел к коммерциализации внешней

политики Пакистана. Подходы к тому или иному партнеру ИРП стали определяться в зависимости от получения финансирования.

Прежде всего, финансовая подпитка предполагает следование Пакистаном региональной стратегии администрации Б. Обамы, которая на самом деле была воспринята в Исламабаде без особого энтузиазма. В частности, вызвал негодование введенный американцами в оборот термин «АфПак».

В последнее время верхушка политического истеблишмента Пакистана пришла к выводу, что реальный ход событий в Афганистане (который устраивал бы Исламабад) совершенно не совпадает с планами Вашингтона. В настоящее время среди пакистанских стратегов сформировалась своя «дорожная карта» урегулирования конфликта, которую они навязывают Х. Карзаю.

Пакистанский план включает в себя следующие элементы: установление четкого срока вывода коалиционных вооруженных сил из Афганистана; согласие на определенную децентрализацию управления, причем ряду провинций на юге и востоке Афганистана в порядке самоуправления придется дать возможность ввести в действие элементы шариата; наряду с выводом сил международной коалиции – вытеснение из Афганистана всех повстанческих группировок иностранного происхождения, в особенности остающихся в стране сторонников «Аль-Каиды»; реорганизация системы подбора кадров для афганских национальных сил безопасности с целью обеспечения более равномерного представительства в них различных этнических групп населения Афганистана; осуществление мер, способствующих возврату беженцев из Пакистана; ликвидация всех существующих на данный момент в Пакистане убежищ движения «Талибан»; пресечение связей между афганскими талибами и пакистанским движением «Техрик-и-талибан Пакистан»; налажива-

ние жесткого контроля на афгано-пакистанской границе и, что является необходимым следствием данной меры, безусловное согласие со стороны Афганистана с международно признанной конфигурацией этой границы.

Президент Дж. Буш не уделял Пакистану и Афганистану должного внимания, но он ставил их на третье место в списке приоритетов после Ирака и Ирана. Обама же четко указал на Пакистан – как на первоочередную задачу для американских военных и дипломатов. Его администрация старается сделать все, чтобы удержать Пакистан в орбите влияния.

Китай – ближайший союзник Пакистана в регионе и его сосед – также не заинтересован в распаде пакистанского государства и появлении фундаменталистских квазигосударственных образований на его территории. Это грозит прямым вмешательством Вашингтона в дела региона, а также автоматически ведет к росту исламского радикализма в Синьцзян-Уйгурском районе КНР.

Союз с Пекином жизненно необходим и Исламабаду, он выдержал испытание временем. КНР остается главным внешнеполитическим и внешнеэкономическим партнером Пакистана, в совместных проектах участвуют 120 китайских компаний. Поддержка Китая особенно важна Пакистану там, где он в силу определенных причин не способен получить содействие от США.

Индия, несмотря на жесткое соперничество, объективно не заинтересована в распаде пакистанского государства. Появление в непосредственном соседстве исламо-радикальных государственных образований будет напрямую угрожать безопасности Индии, так как на территории Пакистана и так уже имеется множество лагерей подготовки моджахедов, нацеленных на индийский Джамму и Кашмир.

К настоящему времени у военно-политического руководства Пакистана оформились несколько основных претензий

к Вашингтону и его политике в Южной Азии и Афганистане. Данные претензии сводятся к следующему:

1. В Исламабаде считают глубоко ошибочным восприятие американской администрацией афганского и пакистанского направлений как единой проблемы. В такой интерпретации Пакистан, по сути, превращается из союзника в решении афганской проблемы – в часть этой проблемы.

2. Исламабад настаивает на восприятии Соединенными Штатами Пакистана как равноценного союзника, равно как и на стимулировании его к партнерству на афганском направлении, что потребовало бы (от Вашингтона) решения проблем собственно пакистанской безопасности, в том числе – решения кашмирского вопроса и налаживания индо-пакистанского диалога в целом. Американцы же предпочитают увязывать проблемы безопасности Пакистана, в первую очередь, с террористической угрозой, а не с Кашмиром или иными сложными вопросами индо-пакистанских отношений.

3. Резкое недовольство (как среди военных, политиков, так и в общественном мнении) вызывают атаки, осуществляемые американскими беспилотниками (таковых в 2010 г. насчитывалось около 100).

4. В Исламабаде опасаются, что США будут саботировать выполнение закона (билля) Керри – Лугара, согласно которому, Америка должна была предоставлять Пакистану экономическую помощь в размере 1,5 млрд. долларов в год в течение пяти лет, или увязывать его с выполнением Исламабадом определенных политических требований.

Среди военного руководства Пакистана существует убеждение, что в долгосрочном плане США в Афганистане не останутся. Когда они уйдут, вакуум заполнит Индия. Поэтому Пакистан не должен прерывать контакты с афганской оппозицией, талибами. Усиления Индии пакистанские воен-

ные опасаются больше, чем исламистского террора в собственной стране. В армии всегда вызывает тревогу то, что Вашингтон может предпочесть Индию Пакистану.

Проамериканский и прозападный крен руководства А.А. Зардари привел к некоторому отдалению Исламабада от таких традиционных партнеров, как Саудовская Аравия, КНР и др.

В последние годы наблюдается интенсификация отношений Пакистана с Россией. Помимо помощи Исламабаду в обучении и снаряжении подразделений армии и правоохранительных органов, участвующих в борьбе с террором, в укреплении таможенного и пограничного контроля, рассматривается возможность и общих экономических начинаний. Наиболее перспективным представляется подключение России к уже начатому многостороннему проекту (с участием Афганистана, Пакистана, Таджикистана и Киргизии) по переброске электроэнергии из Центральной Азии – через ИРА в ИРП.

Не менее продуктивным может оказаться участие России в планах развития региональной железнодорожной сети с выходом через Центральную Азию на Россию и далее – на Европу.

Существует версия, что Исламабад готовит почву для начала новой «игры» на афганском геополитическом поле. Такая «игра» может начаться в случае вывода американских войск и запуска переговоров о вхождении талибов в официальные органы власти Афганистана. По мнению ряда экспертов, Исламабад, уничтожая верхушку «Талибана», хочет вновь взять это движение под контроль и оказать поддержку «умеренным» лидерам, способным после 2011 г. вести переговоры и достичь компромиссов с Кабулом с учетом интересов Пакистана.

Американское видение ситуации вокруг Пакистана имеет свои отличия. Для Вашингтона не вызывает сомнений, что

с началом операции коалиционных сил в Афганистане одним из вызовов для американцев и их союзников стало базирование талибов на территории Пакистана и их террористическая активность в стране. Если Вашингтон удовлетворится тактическими успехами и решит начать вывод войск с 2011 г., то Исламабад ожидают довольно трудные времена, поскольку снижение американского присутствия в регионе может вызвать очередной всплеск активности талибов, причем не только в Афганистане, но и в Пакистане.

Если события в Пакистане примут неконтролируемый и непредсказуемый оборот, то Индия может перейти к активным действиям против боевиков-исламистов на территории соседнего государства. Это, в частности, допускает индийская военная доктрина «Холодный старт» (2004 г.): она предусматривает меры реагирования наступательного характера при возникновении угрозы, в том числе – и террористической, со стороны Пакистана.

Главной угрозой считается возможность попадания пакистанского ядерного оружия в руки международных террористов. Однако военная «верхушка» отдает себе отчет в опасностях подобного рода. При активной технической и финансовой поддержке американцев был подготовлен план чрезвычайных военно-технических мероприятий по недопущению такого сценария. Кроме того, как показывает вся практика разработки и хранения в стране ядерного оружия, военные не передают контроль над «ядерной кнопкой» никому, даже высшим государственным чиновникам – гражданским лицам. Президент Зардари и премьер Гиллани наверняка не являются исключением.

Пакистан крайне тревожит намерение Индии, традиционного регионального антагониста и более мощной ядерной державы, стать глобальным игроком в международных отношениях, что все больше проявляется в мировой политике.

Резкое изменение отношения к ДНЯО ставит, пожалуй, окончательную точку в вопросе о возможном подписании Исламабадом этого договора в качестве неядерного государства.

Вероятное, и даже уже имеющее место наращивание Пакистаном и Индией ядерных арсеналов в Южной Азии заставит США и Россию учитывать индийское и пакистанское ядерное оружие в любых инициативах по радикальному сокращению стратегических ядерных вооружений.

Всем ведущим региональным и мировым силам (США, России, Индии, Китаю, ЕС, Ирану и др.) нужна стабильная и эффективно управляемая страна, ядерное оружие которой находится под надежным контролем.

Мировое сообщество надеется на Пакистан, способный бороться с исламизмом на своей территории и оказывать поддержку в борьбе против исламистов в Афганистане.

Все заинтересованы в поддержании умеренно спокойных отношений Дели и Исламабада, а также в том, чтобы избежать превращения Пакистана в «вечного должника» и «несостоявшееся» государство.

4. ОИК И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Хотя отношения стран Центральной Азии с Организацией Исламская Конференция сложились еще в первые годы независимости, данные страны долго не относились к числу «полноценных» членов этой организации. Такие факторы, как посткоммунистический имидж ЦА в исламском мире и, особенно, радикально светские позиции правящих элит региона крайне отрицательно влияли на налаживание полноценных отношений не только с самой организацией, но и с ведущими ее членами.

В последнее десятилетие усиление «исламского вектора» наблюдается во внешней политике и всех стран Центральной Азии, в том числе – Казахстана и Кыргызстана. Эти страны также осознанно усиливают свои политические, экономические и культурные отношения с исламским миром.

Как считают специалисты, ОИК для стран Центральной Азии может стать одним из важных источников привлечения инвестиций. Только незначительное усовершенствование местного банковского законодательства и введение элементов «исламского банкинга» создаст условия для привлечения инвестиций не только Исламского банка развития, но и прямых государственных инвестиций членов ОИК, а также частного капитала из этих стран. Это – более надежный и безопасный источник инвестиций для стран региона.

Таким образом, членство и участие стран Центральной Азии в ОИК является положительным и перспективным вектором их внешней политики. Это – больше, чем «внешняя политика», это – их национальный интерес, это – один из важнейших факторов их самосохранения в условиях беспощадно унифицирующей глобализации.

4.1. Казахстан и ОИК

Казахстан вступил в ОИК в 1995 г. С момента обретения независимости взаимодействие с исламским миром является одним из приоритетов внешней политики РК. Со своей стороны, исламский мир рассматривает Казахстан как неотъемлемую часть мусульманского сообщества.

С момента вступления в ОИК Казахстан поступательно развивает взаимодействие с Генеральным секретариатом, субсидарными органами и институтами Организации. Казахстанские делегации приняли участие во всех наиболее крупных мероприятиях ОИК, таких, как: саммиты (8-й Саммит ОИК в декабре 1997 г. в г. Тегеране; 9-й Саммит ОИК в ноябре 2000 г. в г. Дохе; 10-й Саммит ОИК в октябре 2003 г. в г. Путраджайе; внеочередной Саммит в Мекке в декабре 2005 г.); Совещания министров иностранных дел (с 24-го СМИД в декабре 1996 г. в г. Джакарте по 33-й СМИД в июне 2010 г. в г. Душанбе), а также Ежегодные координационные совещания министров иностранных дел ОИК в ходе Генеральных ассамблей ООН.

Очевидно, что активизация отношений Казахстана с мусульманскими странами отвечает долгосрочным интересам нашей страны и соответствует положениям всех посланий Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана, в которых Глава государства отмечал развитие сотрудничества с исламскими странами в качестве одного из приоритетов внешней политики РК.

На современном этапе активное участие нашей страны в деятельности ОИК, наряду с другими крупными региональными и глобальными организациями, приобретает все большее значение.

В условиях возросшей актуальности вопроса сближения культур и развития диалога цивилизаций, в рамках ОИК был

проработан вопрос принятия резолюции 32-го СМИД ОИК, прошедшего в июне 2005 г. в г. Сана (Йемен) в поддержку инициативы РК по проведению межконфессионального диалога – путем созыва Съезда мировых и традиционных религий.

По предложению РК в План действий ОИК были включены положения о необходимости оказания политической, экономической и финансовой помощи странам в области экологии, а также поощрения и активизации межрелигиозного диалога в рамках диалога цивилизаций. Данные вопросы в практическом плане дают возможность более активной проработки инициативы Президента РК по проведению межрелигиозного диалога и оказания помощи регионам Казахстана, подверженным экологическим проблемам (регионы, прилегающие к Аральскому морю и Семипалатинскому ядерному полигону).

Казахстан активно работает в области налаживания межпарламентских связей в рамках Организации, регулярно принимая участие в различных мероприятиях Парламентского союза ОИК, таких, как конференции и заседания совета Парламентского союза ОИК.

Особое место в сотрудничестве в рамках ОИК отводится взаимодействию с Исламским банком развития, иными финансовыми, консалтинговыми и работающими в различных отраслях компаниями и фирмами. Продолжается работа по осуществлению ранее подписанных с ИБР соглашений. В настоящее время реализованы или находятся на стадии завершения ряд проектов по линии ИБР. Была разработана программа ИБР на 2003–2006 гг., в которую вошли различные проекты народнохозяйственного значения, большая часть которых относилась к инфраструктурным.

Важным является наращивание сотрудничества с ОИК в сфере образования, культуры, науки и технологий. Нала-

живание тесного взаимодействия с Исламской организацией сотрудничества в области образования, науки и культуры (ИСЕКО) дает Казахстану возможность более успешно реализовывать такие национальные проекты, как сохранение и восстановление памятников культурного наследия, обмен опытом в области изучения и преподавания языков, истории и культуры стран исламского мира.

Казахстан на посту председателя Организации Исламская Конференция (ОИК) в 2011 г. намерен разрешить актуальные проблемы исламского сообщества. В сфере безопасности проблемой номер один, волнующей Казахстан, страны Центральной Азии и соседей Афганистана, является развитие ситуации в этой стране.

Другой проблемой в области безопасности является вероятный конфликт вокруг иранской атомной программы. Казахстан, опираясь на свой авторитет государства, добровольно уничтожившего ядерный арсенал, должен инициировать принятие резолюции ОИК (в дополнение к резолюции № 23/36) по признанию всеми ядерными державами Семипалатинского договора – об установлении в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия.

Крупной проблемой, затрагивающей большинство членов ОИК, является дефицит водных ресурсов. Астана могла бы инициировать принятие документа (резолюции) Организации, который регламентировал бы сотрудничество в этой сфере и заложил бы основы для многосторонней комплексной программы.

Крайне важным является сотрудничество в нефтегазовой области. Казахстану необходимо интенсифицировать сотрудничество в этой сфере, чему в немалой степени может способствовать председательство РК. В этой связи для нашей страны интересен опыт Катара в газовой сфере, поскольку производство СПГ откроет Казахстану выход на новые рын-

ки, позволит овладеть инновационными технологиями, которые пока практически не используются и не применяются.

В области торгово-экономического сотрудничества целесообразно инициировать переговоры по разработке для зоны ОИК (возможно, в рамках многостороннего договора) открытой системы торговли, инвестиций, технологического обмена и экономического сотрудничества. В сфере здравоохранения сессия СМВД ОИК может (по инициативе РК) усилить сотрудничество в области детского здравоохранения, борьбы с полиомиелитом и эндемическими заболеваниями (в рамках резолюции ОИК № 3/36).

В области культурно-гуманитарного, межконфессионального и межицивилизационного сотрудничества желательно принятие резолюции ОИК (с обращением к ООН и ОБСЕ) о поддержке со стороны Организации идеи создания в Астане международного Института (Центра) по развитию диалога между мировыми конфессиями.

4.2. Кыргызстан и ОИК

Киргизская Республика была принята в члены Организации Исламская Конференция (ОИК) на 6-й чрезвычайной сессии министров иностранных дел ОИК, состоявшейся 1–2 декабря 1992 г. в г. Джидде (Саудовская Аравия) и начала участвовать в ее деятельности с 1993 г.

Впервые делегация Кыргызстана во главе с заместителем министра иностранных дел принимала участие в работе 21-й конференции министров иностранных дел, которая состоялась 25–29 апреля 1993 г. в г. Карачи, что позволило ближе познакомиться с деятельностью ОИК.

В ноябре 1994 г. в Бишкеке находилась делегация ОИК, возглавляемая генеральным секретарем Организации – Хамидом Альгабидом. В ходе визита делегация имела встречи

с Президентом, премьер-министром и министром иностранных дел КР. Целью визита было информирование о 22-й сессии министров иностранных дел ОИК и 7-й встрече на высшем уровне, а также ознакомление с политической и экономической ситуацией в республике.

На 7-м саммите стран – членов ОИК, который прошел 13–15 декабря 1994 г. в г. Касабланке (Марокко), киргизскую делегацию возглавлял премьер-министр КР. На этом саммите по инициативе КР впервые была принята резолюция 17/22-Е «Об экономической помощи Кыргызской Республике», призывающая исламские финансовые институты помочь Кыргызстану в преодолении экономических трудностей.

В июле 1996 г. председатель Исламского банка развития (ИБР) Ахмед Мухамед Али посетил Кыргызстан с целью обсуждения вопросов оказания финансово-технической помощи. По инициативе ИБР в Бишкеке также побывала группа из 200 бизнесменов стран – членов ОИК с целью изучения возможностей сотрудничества в области экономики.

В сентябре 1996 г. в работе 20-й сессии комиссии по экономическим, культурным и социальным вопросам, где обсуждались проекты резолюций по вышеупомянутым вопросам, приняла участие делегация экспертов Кыргызстана.

Из 17 организаций ОИК наибольшую важность для Кыргызстана представляют ИБР и Исламский Фонд солидарности. Кыргызстан был принят в Исламский банк развития в конце 1993 г., хотя сотрудничество с ним началось еще в 1992 г., когда Президент Акаев нанес визит в Саудовскую Аравию. 17 мая 2000 г. состоялся визит вице-премьер-министра, министра внешней торговли и промышленности КР в штаб-квартиру ИБР в г. Джидде для подписания кредитного соглашения между правительством КР и ИБР на сумму 9,5 млн. долл. США на реконструкцию аэропорта в г. Оше.

В октябре 2003 г. в г. Путраджая (Малайзия) на 10-й сессии саммита ОИК, в отношении Кыргызстана еще раз было пролонгировано действие резолюции о предоставлении КР экономической помощи, принятой на 7-й сессии саммита ОИК.

Как отмечают киргизские эксперты, одним из основных мотивов вступления Кыргызстана в члены ОИК явилась необходимость экономического сотрудничества путем налаживания политических контактов с целью поиска новых возможностей для реализации различных проектов реформирования отраслей экономики, преодоления тяжелого социально-экономического положения в республике.

Кроме того, участие Кыргызстана в форумах ОИК расширяет возможности расширения политического и экономического сотрудничества с ведущими странами исламского мира.

4.3. Таджикистан и ОИК

Республика Таджикистан является членом ОИК с 1 декабря 1992 г. В 2006 г. Парламент Таджикистана принял решение вступить в Парламентский союз государств – членов ОИК. На 21-й сессии Совета директоров Исламского банка развития, состоявшейся 25–26 ноября 1996 г. в Конакри (Гвинея), было принято решение о принятии Республики Таджикистан в постоянные члены ИБР.

На 17-й сессии Исполкома ИСЕСКО (декабрь 1996 г.) представитель РТ был избран членом Исполкома ИСЕСКО. В работе конференции Генеральной конференции ИСЕСКО, состоявшейся 2–4 июля 2009 г. в Тунисе, было принято предложение Республики Таджикистан о включении Душанбе в список столиц исламской культуры-2010 от азиатского региона.

В последние годы развитие отношений с исламским миром превратилось в один из приоритетных векторов внешней политики РТ. Таджикистану удалось наладить дипломатические отношения с влиятельным «арабским костяком» ОИК, с такими странами, как Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, ОАЭ, Египет, Алжир, Йемен и т. д.

В 2005 г., в ходе 31-й сессии СМВД была принята резолюция № 27/31-Е – об оказании экономической помощи Республике Таджикистан. На 36-й сессии СМВД ОИК в мае 2009 г. в Дамаске (Сирия) было принято решение о проведении 37-й сессии СМВД ОИК в г. Душанбе в мае 2010 г.

В мае 2010 г. в столице Таджикистана проходила 37-я сессия Совета министров иностранных дел государств – членов ОИК, которая стала первой сессией Организации в Центральной Азии. Участники таджикской сессии потребовали приверженности сионистского режима к резолюциям ООН и его ухода с оккупированных арабских территорий. Другие вопросы, рассмотренные в Душанбе, касались ситуации в Афганистане, Ираке и Сомали.

Кроме того, в Душанбе на сессии Совета министров иностранных дел стран – членов ОИК было утверждено большинство пунктов исламских прав человека. В заключительной декларации таджикского форума была выражена поддержка тегеранскому заявлению, подписанному недавно Ираном, Турцией и Бразилией по поводу обмена ядерного топлива.

4.4. Узбекистан и ОИК

В 1995 г. Республика Узбекистан получила статус наблюдателя, а с 1996 г. является полноправным членом Организации Исламская Конференция.

Представители этой страны активно участвуют в работе саммитов ОИК, генерального секретариата и конференций

министров иностранных дел, уделяя особое внимание политической составляющей деятельности Организации, вопросам региональной безопасности, политической стабильности в исламском мире.

Организацией Исламская Конференция были поддержаны инициативы Узбекистана по созданию в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, по афганскому урегулированию – с участием соседей и друзей Афганистана в формате «6+2».

В последние годы Организация Исламская Конференция работает над выработкой новой стратегии, направленной на эффективное объединение усилий мусульманских стран в новых геополитических условиях, совершенствование борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом. В этих условиях, благодаря ОИК, Узбекистан получает дополнительные возможности для продвижения своих инициатив по укреплению безопасности и стабильности в Центральной Азии, активизации культурно-просветительской деятельности, направленной на сохранение и упрочение духовно-нравственных ценностей ислама.

2007 год прошел в Узбекистане под знаком чествования решения структурного подразделения Организации Исламская Конференция (ОИК) по вопросам образования, науки и культуры об объявлении Ташкента одной из столиц исламской культуры. Данное решение ОИК явилось свидетельством признания всем исламским миром заслуг великих мусульманских богословов, ученых и мыслителей, вышедших с территории нынешнего Узбекистана и внесших огромный вклад в развитие и распространение исламской культуры и просвещения: Аль-Бухари, Ат-Термизи, Абу Мансур Мотуриди, Бурханиддин Маргинани и Бахауддин Накшбандий, Замахшарий и Ахмад Фергани.

Решение ОИК преследовало целью: помочь Узбекистану расширить и углубить культурные связи с мусульманскими странами, получить реальную интеллектуальную и финансовую помощь в изучении и восстановлении исторического и архитектурного наследия узбекского народа.

В сентябре 2008 г., в ходе пребывания в ООН, министр иностранных дел Узбекистана В. Норов также принял участие в ежегодном координационном совещании министров иностранных дел государств – членов Организации Исламская Конференция (ОИК). Глава делегации Узбекистана отметил растущую роль ОИК в международной политике и подчеркнул, что узбекская сторона поддерживает инициативы ОИК по единению и сплочению мусульманских стран перед лицом фундаментальных перемен современности, обусловленных новыми вызовами и угрозами безопасности, таких, как экстремизм, терроризм, наркобизнес, исламофобия и др.

Узбекский представитель выступил против тенденции роста в различных странах таких пороков, как исламофобия и нетерпимость к правоверным последователям ислама. Глава узбекской делегации заявил, что Узбекистан решительно выступает против того, чтобы борьба с терроризмом трансформировалась в исламофобию и обрела форму явного или скрытого противостояния с исламским миром.

В. Норов подчеркнул, что Узбекистан, на протяжении веков являющийся одним из центров просвещенного ислама, вносит свой вклад в поддержку диалога между культурами и цивилизациями. Причем такой диалог должен вестись в рамках международного права – без нажима и давления, попыток навязывания неприемлемых ценностей и норм морали, при сохранении уважительного отношения к менталитету народов, который складывался в течение многих столетий и тысячелетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Занимая пост председателя СМВД ОИК, Астана принимает на себя большую ответственность. Исламский мир представляет собой крайне разнородный и нестабильный регион планеты. Главной проблемой, затрагивающей как внутривосточную эволюцию большинства мусульманских стран, так и всю систему международных отношений, является вопрос о том, насколько далеко зайдет исламизация политики в этих государствах.

Отличительной чертой последних десятилетий стало заметное усиление исламского фактора в общественно-политической жизни многих арабских стран, его воздействие в той или иной мере испытывает ныне практически весь мусульманский мир, ощущается оно и во многих прилегающих к нему регионах.

Исламистские движения и их экстремистское направление – радикальный исламизм, или джихадизм – продолжают оставаться наиболее значительным феноменом XXI в. во многих мусульманских странах. Исламизм, в т. ч. радикальное его направление, продолжает действовать в арабском мире. Однако нельзя видеть единственную причину исламистского экстремизма в социально-экономическом факторе. Здесь существует комплекс причин – как внутренних, так и внешних.

Рост исламизма стал своеобразной реакцией мусульманских сообществ на форсированную вестернизацию. В сфере влияния исламистов находятся более миллиарда верующих, более 50 мусульманских стран, общины мусульман в 120 государствах. Это создает немало проблем в международных отношениях, затрагивая геополитические и национальные интересы многих стран и всех мировых держав.

На радикализацию исламистских движений оказал влияние целый комплекс внутренних проблем: экономиче-

ские трудности и усугубивший их нынешний финансово-экономический кризис; непропорционально высокие темпы сельской миграции в города; социальное расслоение; безработица; коррупция в высших эшелонах власти; нарушения прав человека; репрессии против исламистов; ограниченные возможности для конституционных форм политической деятельности.

В ближайшей перспективе руководителям многих мусульманских и, особенно, арабских государств придется решать, что для их власти и стабильности в стране представляет большую угрозу: политический диалог с умеренным исламом – при спорадических (возможно, неизбежных) вспышках насилия со стороны исламских радикалов, или подавление умеренного ислама и война с радикальными исламистами с участием армии и спецслужб.

Последствия такой войны могут оказаться абсолютно непредсказуемыми – и для самих режимов, и для региона в целом. Если же удастся сгладить существующие расхождения между отношением власти к исламу, с одной стороны, и его восприятием в обществе и армии – с другой, то, возможно, угроза этно-конфессиональных конфликтов отодвинется на второй план.

Несмотря на многочисленные усилия, которые предпринимают национальные государства Ближнего Востока и их светские, вестернизированные правящие элиты в противостоянии с массовыми исламистскими организациями, радикально изменить ситуацию на региональной арене в пользу «умеренных» сил на данном этапе вряд ли возможно. Политический ислам стал неотъемлемым элементом политической жизни почти всех стран Арабского Востока. Можно согласиться с тем, что его практические достижения, особенно в социально-экономической сфере, пока далеки от многочисленных обещаний; однако нельзя не признать, что его идео-

логическое воздействие на мусульманскую «улицу» остается весьма значительным.

Ярко выраженный трансграничный характер идеологии современного исламизма, чутко реагирующего на изменения ближневосточной политической конъюнктуры в целом, уже не позволяет точно нейтрализовать очаги политического ислама исключительно в рамках национальных границ.

Отсюда же вытекает и несостоятельность популярного на Западе тезиса о возможности нормализации обстановки на всем пространстве Ближнего Востока и Северной Африки посредством сочетания внутренних реформ и поддержки «умеренных» сил в государствах региона. Скорее, прослеживается обратная взаимосвязь: радикалы из всех без исключения политических и религиозных течений оправдывают свое существование и поддерживают свою популярность борьбой с попытками западников оказывать влияние на внутреннюю политику арабских государств.

Политика силы, проводимая США и их союзниками в отношении некоторых африканских и азиатских стран, провоцирует в качестве ответной реакции радикализацию исламизма и применение террористических методов борьбы, а также способствует переходу части приверженцев фундаментализма в лагерь исламистов.

Итак, в обозримой перспективе можно ожидать сохранения и даже усиления влияния ислама на международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. В условиях постоянного укрепления позиций исламистских сил в арабских странах, таких, как Египет, Алжир, Саудовская Аравия, Марокко, Ливан, Палестинская автономия, в среднесрочной перспективе может произойти радикализация их внешней политики на региональном уровне.

Данный процесс послужит исламистским силам в других арабских странах примером для подражания, ослабит

позиции ныне действующих политических режимов и ускорит процесс формирования новых исламоориентированных элит. Осуществление такого сценария вызовет цепную реакцию, которая дойдет до Центральной Азии, Кавказа, Пакистана, где также сильно влияние и высока активность исламистских организаций и движений.

Положение, сложившееся в мусульманском мире, способствует усилению радикальных концепций исламизма, что никоим образом не свидетельствует о невозможности либерально-реформаторских интерпретаций исламских доктрин.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Состав ОИК

Арабская группа

**Алжир
Бахрейн
Джибути
Египет
Иордания
Ирак
Йемен
Катар
Коморские острова
Кувейт
Ливан
Ливия
Мавритания
Мали
Марокко
Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ)
Оман
Палестинская автономия
Саудовская Аравия
Сирия
Тунис**

Азиатская группа

**Афганистан
Бангладеш
Бруней**

Индонезия
Иран
Малайзия
Республика Мальдивы
Пакистан

Африканская группа

Бенин
Буркина Фасо
Габон
Гамбия
Гвинея
Гвинея-Бисау
Камерун
Кот-д'Ивуар
Мозамбик
Сомали
Судан
Нигер
Нигерия
Сенегал
Сьерра-Леоне
Того
Уганда
Чад

Евразийская группа

Албания
Азербайджан
Казахстан

Кыргызстан
Таджикистан
Туркменистан
Турция
Узбекистан

Латиноамериканская группа

Гайана
Суринам

Наблюдатели

Россия
Босния и Герцеговина
Центральноафриканская Республика
Таиланд
Турецкая Республика Северного Кипра (с 1979 г.)

Организации

Национальный фронт освобождения Моро (с 1977 г.)

Международные организации

ООН (с 1976 г.)
Движение неприсоединения (с 1977 г.)
Лига арабских государств (с 1975 г.)
Африканский Союз (с 1977 г.)
Организация экономического сотрудничества (ЕСО) (с 1995 г.)

ЛИТЕРАТУРА

Общие проблемы исламского мира

Алаев Л.Б., Белокриницкий В.Я., Воскресенский А.Д. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.

Алиев А.А. Ислам и национализм // Россия и современный мир (ИНИОН). – 2009. – № 2. – С. 187–204.

Баширов Л. Учение ислама о войне и мире // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 3. – С. 166–172.

Белокриницкий В.Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. – М.: Восточный университет, 2009. – 428 с.

Брагин А.Н. История исламской цивилизации // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 8. – С. 65–66.

Вагабов М. Исламский фактор в современной геополитике // Россия и мусульманский мир (ИБ РАН). – 2010. – № 8. – С. 141–151.

Данилов Б.Я. Новая политическая карта Азии и очаги международной напряженности в начале XXI века // Восток-Oriens. – 2008. – № 6. – С. 131–134.

Исламская декларация прав человека // *Хасанов Р.К.* Организация Исламская Конференция (ОИК) в новой системе международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 1997. – С. 325–337.

К председательству Казахстана в Организации Исламская Конференция. – Астана: МИД РК, 2010. – Книга 1: Структура ОИК. – 292 с.; Книга 2: Государства – члены ОИК. – 576 с.

Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. – СПб: Александрия, 2007. – 329 с.

Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. – М.: РИСИ, 2009. – 235 с.

Конорева И.А. Международные конфликты в Азии в исторической ретроспективе: геополитические и дипломатические аспекты (1946–2006). – М.: Дискурс, 2006. – 159 с.

Ланда Р.Г. Социология современного Востока. – М.: Восточный университет, 2008. – 415 с.

Левин З.И. Восток: идентичность и глобализация. – М.: ИВ РАН, 2007. – 166 с.

Мирский Г.И. Ислам: история и современность // Новая и новейшая история (ИВИ РАН). – 2010. – № 1. – С. 3–20.

Мутаххари М. Ислам и Иран: история взаимоотношений. – СПб: Петербургское востоковедение, 2008. – 479 с.

Ньюби Г. Краткая история ислама / Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007. – 374 с.

Очерки истории исламской цивилизации. – В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Кнорус, 2008. – 288 с.

Печищева Л.А. Проблемы международных отношений на Востоке // Восток-Oriens (ИБ РАН). – 2010. – № 3. – С. 162–165.

Подцероб А.Б. Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. – М.: ИВ/ИБВ РАН, 2009. – 212 с.

Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии. Учебник. – М.: Международные отношения, 2008. – 256 с.

Устав Организации Исламская Конференция (ОИК) // *Александров И. А.* Монархии Персидского залива: этап модернизации. – М., 2000. – С. 455–463.

Цветкова Н.Н. Восток: вызовы XXI века // Восток-Oriens (ИБ РАН). – 2009. – № 4. – С. 145–152.

Яковлев А.И. Страны Востока: синтез традиционного и современного. – Москва: Восточный университет, 2007. – 168 с.

Ближний Восток и арабский мир

Аль-Хеляли М.С.А. Йеменская Республика на пути развития // Международная жизнь (МИД РФ). – 2010. – № 9. – С. 22–25.

Ахмедов В.М. Армия и этнорелигиозные конфликты на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 9. – С. 23–28.

Ахмедов В. Роль армии в общественно-политическом развитии арабских государств Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2009. – № 11. – С. 121–130.

Ахмедов В.М. Военный и политический ислам на Ближнем Востоке: рамки взаимоотношений и пределы сотрудничества стран // Восток-Oriens (ИБ РАН). – 2010. – № 3. – С. 80–87.

Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях (1969–2008 гг.). – М.: Ленанд, 2009. – 448 с.

Беляков В.В. Энергетика Египта: от нефти к атому // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 3. – С. 30–31.

Белоусова К. «Нефтяное оружие» в третьей и четвертой арабо-израильских войнах // Мировая экономика и международные отношения (ИМЭМО). – 2010. – № 2. – С. 47–56.

Беляков В.В. Египет: плоды либерализации и мировой кризис развития // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 3. – С. 10–13.

Ближний Восток и современность. – М.: ИВ РАН-ИБВ, 2008. – Вып. 34. – 386 с.; Вып. 35 – 350 с.; Вып. 36 – 314 с.

Видясова М. Северная Африка: власть, ислам, политические игры // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 5. – С. 121–128.

Гусаров В.И. Северная Африка: полвека независимого развития. – М.: ИА РАН, 2008. – 152 с.

Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 5. – С. 89–100.

Егорин А.З. Маумар Каддафи. – М.: ИВ РАН, 2009. – 464 с.

Ёвкочев Ш. Модернизация общества и проблема преемственности власти в мусульманских странах // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2009. – № 2. – С. 19–28 (на рус. и англ. яз.).

Ержанов Т. Политическая ситуация в Ираке в контексте новой стратегии США // Analytic (КИСИ). – 2009. – № 4. – С. 46–51.

Жантеев Д. Роль семейства Ааль аш-Шейх в религиозно-политической жизни Саудовской Аравии // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). – 2009. – № 9. – С. 167–175.

Жумабеков С. К вопросу подписания Соглашения о создании Валютного союза государств – членов ССАГЗ // Analytic (КИСИ). – 2009. – № 3. – С. 68–70.

Засыпкин А. Безопасность в Персидском заливе // Международная жизнь (Москва). – 2009. – № 1. – С. 3–11.

Исаев Л.М. Саммиты ЛАГ: (не)время для споров // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 9. – С. 76–77.

Каддафи М. Борьба продолжается! Краткое собрание сочинений. 2001–2008. – М., 2009. – 244 с.

Капинос Р. Экономические идеи Корана и практика современного ислама // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). – 2009. – № 3. – С. 99–105.

Касаев Э.О. Внутриполитическая обстановка в Ливии: проблемы и перспективы развития // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). – 2008. – № 6. – С. 92–97.

Касаев Э.О. Шансы демократии в Ираке // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – № 2. – С. 158–161.

Касаев Э. Топкое болото иракской коррупции // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 1. – С. 129–134.

Касаев Э.О. Тенденции внутренней и региональной политики арабских стран // Восток-Oriens (ИВ РАН). – 2010. – № 2. – С. 143–148.

Кедбан Н.М. Мировой финансовый кризис: причины и последствия для арабских стран // Восток-Oriens (ИВ РАН). – 2010. – № 5. – С. 145–149.

Королев А.В. «Конфликт низкой интенсивности» развития // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 3. – С. 14–19.

Косач Г. Саудовская Аравия в меняющемся мире // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). – 2010. – № 8. – С. 132–141.

Криворучко А., Рошупкин В. Багдадский вождь: взлет и падение. Политический портрет Саддама Хусейна и его режима на региональном и глобальном фоне. – М.: Проспект, 2008. – 560 с.

Куделев В.В. «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители. – М.: ИБВ РАН, 2008. – 437 с.

Млекумян Е. Персидский залив: влияние ислама на взаимоотношения стран региона // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 2. – С. 140–153.

Мирский Г. Как не распадется Ирак // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – № 1. – С. 111–116.

Михин В.Л. Ирак: что дальше? // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 8. – С. 2–8.

Мирский Г. Израильско-палестинский узел Большого Ближнего Востока // Вестник аналитики (ИСОА, Москва). – 2010. – № 1. – С. 72–76.

Мохова И.М. Ливанский внутривнутриполитический конфликт: программы оппонентов // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 4. – С. 18–27.

Наумкин В.В. Два кризисных года на Ближнем Востоке // Восток-Oriens. – 2008. – № 6. – С. 5–17.

Орлов В. Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 5. – С. 128–137; № 7. – С. 134–142.

Павлов О. Разночтения ближневосточной «карты» // Международная жизнь. – 2009. – № 2–3. – С. 51–65.

Петров Н.И. Муаммар Каддафи и весь остальной мир // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 9. – С. 76–77.

Поволоцкая Г.А. Как построить мир на Ближнем Востоке // Международная жизнь (МИД РФ). – 2009. – № 8. – С. 13–26.

Примаков Е.М. Основополагающий конфликт: ближневосточная проблема в системе международных отношений // Россия в глобальной политике (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 3. – С. 162–172.

Рясов А. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов». – М.: ИВ РАН, 2008. – 328 с.

Сапронова М. Арабский мир: новые вектора политического развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 12. – С. 91–101.

Сапронова М.А. Арабский мир: реформы политического устройства // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 3. – С. 20–26.

Старцев С.А. Катар: маленький гигант большого газа // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 4. – С. 9–12.

Сергачев С. Исламизм, военная хунта, управляемая демократия? // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 5. – С. 138–152.

Султанов Ш. Пять сценариев динамики ближневосточной ситуации // Вестник аналитики. – 2009. – № 2. – С. 59–67.

Усова Е.Ю. Проблемы национального строительства на Ближнем Востоке: опыт Израиля и ПНА // Восток-Oriens. – 2009. – № 6. – С. 143–150.

Федорченко А.В. Экономическая жизнеспособность палестинского государства. – М.: МГИМО-У, 2008. – 70 с.

Филоник А.О. Вода на Ближнем Востоке: объект сотрудничества или повод к войне? // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 4. – С. 15–22.

Филоник А.О. Египет: в тисках экономики // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 8. – С. 46–50.

Халиль М. Проблемы идентичности в современном египетском обществе // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2009. – № 10. – С. 170–182.

Царегородцева И.А. «Братья-мусульмане» и власть в Египте: диалог или противостояние? // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 5. – С. 32–36.

Шафраник Ю. Ирак: ключевое звено энергетического «солнечного сплетения» мира // Международная жизнь (МИД РФ). – 2010. – № 1. С. 19–26.

Шахбазян Г.С. Ирак после Саддама: итоги четырех лет оккупации // Восток-Oriens. – 2008. – № 5. – С. 80–87.

Шкваря Л.В. Страны Персидского залива: относительно устойчивы, но... // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 10. – С. 14–19.

Яковлев А.И. Саудовская Аравия: поиски устойчивости в неустойчивом мире // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 5. – С. 10–14.

Dobbins J. (a.o.). Occupying Iraq: a history of the coalition provisional authority. – Santa Monica (CA): RAND, 2009. – XLXI+364 pp.

Ebel R.E. Geopolitics and Energy in Iraq. – Washington, DC: CSIS, 2010. – VIII+55 pp.

Nourzhanov K. Review: The Greater Middle East in global politics: social science perspectives on the changing geography of the world politics // Central Asian Survey (Oxford). – 2009. – Vol. 28. – Issue 1. – Pp. 79–80.

Yerzhanov T. Political Situation in Iraq in the Context of the New Strategy of the USA // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). – 2009. – No 4. – Pp. 14–16.

Радикальный ислам и исламский терроризм

Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма». – М.: ИНИОН РАН, 2008. – 106 с.

Белокреницкий В.Я. и др. Исламский фактор в истории и современности // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 2. – С. 136–142.

Гаврилина Е., Семедов А. Общая характеристика политического ислама // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 9. – С. 141–144.

Гусев М.Н. Исламский фактор в Юго-Восточной Азии: роль внешних сил. – М.: ИВВ, 2007. – 166 с.

Долгов Б. Радикальный исламизм в Алжире, Марокко и Тунисе // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 3. – С. 156–170.

Долгов Б. Исламистский вызов в странах Магриба // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 6. – С. 41–48.

Золотарев П. Исламский фактор и международный терроризм // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). – 2009. – № 7. – С. 155–176.

Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2009. – № 11. – С. 130–150.

Исламизация, исламизм и экстремизм // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 3. – С. 11.

Исламский радикализм // Международная жизнь (Москва). – 2009. – № 1. – С. 149–158.

Ланда Р. Политический ислам и западное общество // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 3. – С. 170–178.

Несипбай Р. Эволюция исламского радикализма (на примере организации «Аль-Джихад Аль-Ислами») // Analytic (Алматы, КИСИ). – 2008. – № 5. – С. 13–17.

Несипбай Р. Геополитические противоречия исламского мира и рост радикальных исламистских организаций // Analytic (КИСИ). – 2010. – № 3. – С. 43–52.

Несипбай Р. Инструментарии и базовые положения салафизма и радикального направления «джихадизм» // Analytic (КИСИ). – 2009. – № 4. – С. 96–99.

Нечитайло Д.А. Грядет ли «век терроризма»? // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 3. – С. 27–31.

Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» в Ираке // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 10. – С. 32–36.

Нечитайло Д.А. Террористы-смертники в движении джихада // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 9. – С. 120–140.

Плещунов Ф. Исламские экстремисты в университетах Великобритании // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 7. – С. 142–152.

Подцероб А. Исламский фактор во внутренней политике стран Магриба // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). – 2009. – № 9. – С. 146–167; № 10. – С. 183–195.

Рассадин П. А. Политический ислам и религиозные меньшинства на арабском Востоке // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 9. – С. 16–22.

Сайфул Х.М. Политический ислам в Народной Республике Бангладеш // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 3. – С. 147–156.

Семедов С. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 4. – С. 149–158.

Серёгичев С.Ю. Исламо-фундаментализм в Судане: мифы и реальность // Восток-Oriens (ИВ РАН). – 2010. – № 2. – С. 95–107.

Хамидов З. Деятельность международного исламского движения «Ахмадия» на современном этапе // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 2. – С. 138–146.

Эммануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие – проблема соотношения. – М.: Наука, 2010. – 300 с.

Яшин И. «Братья-мусульмане» в Египте: от радикальности к умеренности // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 2. – С. 153–163.

Bonner M. Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice. Princeton: Princeton University Press, 2006. – 224 p.

Rabasa A. Radical Islam in East Africa. – Santa Monica (CA): RAND, 2009. – XVIII+91 pp.

Ислам и внешний мир

Мелихов А. Исламо-христианский диалог: конфликт иллюзий // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 7. – С. 169–187.

Сабеги А. Ислам и права человека // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 5. – С. 56–58.

Саватеев А. Африка: исламский фактор во властных отношениях // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 4. – С. 136–143.

Султанов Ш. Основная проблема для Запада – ислам // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). – 2009. – № 6. – С. 157–164; № 7. – С. 147–155.

Место и роль Турции в системе международных отношений

Агаев Р. Турция: схватка на перепутье // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 4. – С. 105–121.

Азимов К. Сирия и Турция: от конфронтации к сотрудничеству // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 4. – С. 130–136.

Бингол Х.Ф. Энергетический диалог Турция – ЕС // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 11. – С. 48–51.

Болдырев А.В. Турция в условиях международных и внутренних реалий // Восток-Oriens (ИВ РАН). – 2010. – № 4. – С. 153–157.

Валидова А.Ф. Экономические реформы Турции: уроки для России и Татарстана. – Казань: Познание, 2007. – 75 с.

Варбанец П. Станет ли тюркский союз альтернативой вступлению Турции в ЕС? // Центральная Азия и Кавказ (Пулеа, Швеция). – 2009. – № 1. С. 64–70 (на рус. и англ. яз.).

Вартаньян В.Г. Культура Турции. – Краснодар, 2006. – 440 с.

Гаджиев А.Г. Турция – Союз для Средиземноморья: долгая помолвка // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 7. – С. 41–44.

Генч С. Значение грузино-югоосетинского конфликта для внешней политики Турции // Центральная Азия и Кавказ (Пулеа, Швеция). – 2009. – № 1. – С. 38–46 (на рус. и англ. яз.).

Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике (Москва). – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 60–70.

Дружиловский С. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 7. – С. 123–134.

Еремеев Д.Е. Турция на рубеже XX и XXI веков (1991–2007). – М.: Гуманитарий, 2007. – 171 с.

Жигалина О.И. Современное состояние курдского вопроса в Турции // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 5. – С. 151–153.

Игнатенко А. Молоко и мясо: национальный прагматизм и имперский романтизм во внешней политике Турции // Россия в глобальной политике (Москва). – 2010. – Т. 8. – № 4. – С. 156–164.

Касеев Э. «Курдский вызов»: ответы международного права // Вестник аналитики (Москва, ИСОА). – 2009. – № 1. – С. 53–59.

Корнилов А., Сулейманов А. Евразийская дипломатия Анкары // Международная жизнь (МИД РФ). – 2010. – № 4. – С. 68–76.

Кудряшова Ю. Культурно-религиозная самобытность Турции как фактор, ставящий под сомнение ее идентичность со странами ЕС // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 8. – С. 88–100.

Люкманов А. Новая политика Турции на Ближнем Востоке // Международная жизнь (МИД РФ). – 2010. – № 11. – С. 94–105.

Мосаки Н.З. Турция и Африка // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 6. – С. 10–17.

Овсепян Л. Реформы Совета национальной безопасности Турции в контексте демократических преобразований // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). – 2010. – № 2. – С. 41–53.

Пилыева П.Б. Израиль – Турция: противоречивое партнерство // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 1. – С. 24–27.

Разлиаев А.А. Турция: возрождение религиозных общин // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 9. – С. 29–34.

Разлиаев А.А. Турция. Исламисты и армия. Кто кого? // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 1. – С. 20–25.

Семедов С. Основные аспекты современной политики Турции на Кавказе // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 1. – С. 73–83.

Ульченко Н. К вопросу о типологическом статусе современной турецкой экономики // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО РАН). – 2009. – № 6. – С. 99–110.

Ульченко Н. Турция. Кризис: надежды и риски // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 10. – С. 20–25.

Уразова Е.И. Тургут Озал – политик и реформатор // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 11. – С. 76–77.

Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизма и секуляризма // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 6. – С. 48–51.

Торосян Т.С. Возвращение Турции: Анкара на Южном Кавказе // Россия в глобальной политике (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 4. – С. 138–146.

Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность страны // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 1. – С. 109–121.

Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 5. – С. 144–152.

Jenkins G.H. Between Fact And Fantasy: Turkey's Ergenekon Investigation. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University-SAIS, 2009. – 84 p.

Karaveli H.M. An Unfulfilled Promise of Enlightenment: Kemalism and its Liberal Critics // Turkish Studies. – 2010. – Vol. 11. – No. 1. – Pp. 85–102.

Karaveli H.M. Reconciling Statism with Freedom: Turkey's Kurdish Opening – A Joint Transatlantic Research and Policy

Center Washington, D.C.: Johns Hopkins University-SAIS, 2010. – 93 p.

Kucuk B. Die Tuerkei und das andere Europa. Phantasmen der Identitaet im Beitrittsdiskurs – Bielefeld: Transcript Verlag, 2008. – 236 S.

Marketos Th. N. Turkey in the Eurasian Energy Security Melting Pot // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No. 4. – Pp. 95–114.

Vinatiev L. Between Russia and the West: Turkey as an Emerging Power and the Case of Abkhazia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No. 4. – Pp. 73–94.

Внешняя и внутренняя политика Ирана

Арбатов А.Г. Иранский ядерный узел // Современная Европа (ИЕ РАН). – 2007. – № 1. – С. 24–36.

Арбатов А.Г. Иранский ядерный узел // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2010. – № 2. – С. 2–7.

Ауелбаев Б. Состояние и перспективы отношений Иран-США и Иран-ЕС // Analytic (КИСИ). – 2009. – № 5. – С. 8–12.

Драганов А. Иран как региональный геополитический игрок // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 2. – С. 134–140.

Дружиловский С. Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 7. – С. 123–134.

Зульхарнеев А. Энергетические интересы Ирана в Каспийском регионе // Индекс безопасности (ПИР-Центр, Москва). – 2010. – № 2. – С. 45–72.

Каграманов Ю. Вокруг «иранской идеомы» // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 4. – С. 109–122.

Калядин А. Ядерный вызов Ирана в ракурсе Совета безопасности ООН // Мировая экономика и международные отношения. – 2008 (ИМЭМО). – № 12. – С. 51–57.

Каменева М.С. Тридцать лет Исламской Республики Иран // Восток-Oriens. – 2009. – № 6. – С. 153–158.

Каменева М.С. Личность и взгляды имама Хомейни // Восток-Oriens (ИВ РАН). – 2010. – № 4. – С. 150–153.

Кулагина Л., Ахмедов В. Внутренние императивы эволюции внешней политики Ирана // Вестник аналитики (Москва). – 2009. – № 2. – С. 68–76.

Левек Ж. Маневры вокруг Ирана: почему Тегеран уверен в собственном успехе // Россия в глобальной политике (Москва). – 2010. – Т. 8. № 4. – С. 165–176.

Линдсей Дж., Тайкей Р. Когда Иран получит атомную бомбу: сдерживание и его сложности // Россия в глобальной политике (Москва). – 2010. – Т. 8. – № 2. – С. 72–88.

Лукоянов А.К. Иран на пороге обновления // Россия в глобальной политике (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 4. – С. 147–156.

Мамедова Н.М., Раванди-фадаи Л.М., Сулейманов Р.Р. Революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы // Восток-Oriens. – 2010. – № 5. – С. 159–164.

Манучихри А. Политическая система Ирана. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 240 с.

Маркетос Т.Н. Геополитическая стратегия Ирана в борьбе между США, Россией и Китаем за геостратегический контроль над Евразией ради обеспечения энергетической безопасности // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2009. – № 4–5. – С. 7–23 (на рус. и англ. яз.).

Мирский Г. Иран: трещина в системе // Мировая экономика и международные отношения (ИМЭМО). – 2009. – № 11. – С. 3–13.

Ногаев Н.Э. Иран и Россия: динамика взаимодействий в начале XXI века // Вестник Поморского университета (Архангельск). – 2008. – № 2.

Оришев А.Б. Особенности модернизации Ирана // Восток-Oriens. – 2009. – № 6. – С. 74–83.

Пастухова Г. Сотрудничество Китая и Ирана: взаимные интересы, тактические и стратегические // Индекс безопасности (ПИР-Центр). – 2009. – № 2. – С. 49–63.

Пикаев А. Иранский ядерный пазл // Международная жизнь. – 2008. – № 11. – С. 67–82.

Поузен Б., Рубин Б. Дилемма сдерживания: насколько опасен ядерный Иран? // Россия в глобальной политике (Москва). – 2010. – № 5.

Рубин У. Иран в космосе // Индекс безопасности (ПИР-Центр). – 2009. – № 2. – С. 135–140.

Сами Аль-Фарадж. Говорить о безопасности в регионе Персидского залива без учета иранского фактора невозможно // Индекс безопасности (ПИР-Центр, Москва). – 2010. – № 2. – С. 27–30.

Сажин В. И. Иран: жажда перемен // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 9. – С. 8–15.

Саджадпур К. Читая Хаменеи: взгляды на мир самого влиятельного деятеля Ирана / Пер. с англ. А.С. Сатунина. – М.: Московский Центр Карнеги – ЭХО-БУК, 2009. – 52 с.

Скосяков В.А. Иран в ожидании оттепели // Азия и Африка сегодня (ИВ РАН, ИАФ РАН). – 2010. – № 2. – С. 37–38.

Фалуни Г. Иран: 30 лет становления исламского государства // Зарубежное военное обозрение. – 2009. – № 4. – С. 30–41.

Федосеев А.Н. Иран: исследование политической системы // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 2. – С. 79–80.

Филин Н.А. Террористическая деятельность радикальной оппозиции в Иране (1998–2008) // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 2. – С. 117–124.

Фюртис Х. Не меняя режим: отношения с Ираном должны развиваться на новой основе // Internationale Politik (Berlin, рус. версия). – 2009. – № 1. – С. 9–13 (на нем., рус. и англ. яз.).

Шабани Р. Краткая история Ирана. – СПб: Петербургское востоковедение, 2008. – 383 с.

Юртаев В. Иран: геополитика и стратегия развития // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 9. – С. 103–117.

Ядерный и ракетный потенциал Ирана. Совместная техническая оценка угроз экспертами из США и России. – М.: EastWest Institute, 2009. – 26 с.

Atai F. The Dynamics of Bilateral Relations in the South Caucasus: Iran and its Northern Neighbors // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No 3. – Pp. 115–128.

Wehrey F. (a.o) Dangerous but not Omnipotent. Exploring the Reach and Limitations of Iranian Power in the Middle East. – Santa Monica (CA): RAND Corporation, 2008. – XXVIII+203 pp.

Wehrey F. (and o.). Saudi-Iranian Relations Since the Fall of Saddam. Rivalry, Cooperation, and Implications for U.S. Policy. – Santa Monica (CA): RAND, 2009. – XXV+130 pp.

Проблема Афганистана

Акмалов Ш. Афганистан в современной системе международной безопасности // Центральная Азия и Кавказ (Пулеа, Швеция). – 2009. – № 6. – С. 21–27 (на рус. и англ. яз.).

Арезу П. Помогает ли международная помощь? // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 2. – С. 57–59.

Бидл С., Кристиа Ф., Тайер А. Что такое успех в Афганистане? Какой вариант приемлем для Соединенных Штатов? // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8. – № 4. – С. 120–132.

Бурлинова Н. НАТО в Афганистане: стратегия и перспективы // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). – 2010. – № 8. – С. 76–83.

Васильев А.М. Боль Афганистана // Азия и Африка сегодня (ИВ РАН, ИАФ РАН). – 2010. – № 2. – С. 44–46.

Гончаров П. Афганистан на авансцене мировой политики // Международная жизнь. – 2009. – № 4. – С. 118–129.

Гушер А.И. Афганский капкан // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 1. – С. 7–14.

Дорронзоро Ж. Альтернативная стратегия афганской войны // Pro et contra (МЦК). – 2009. – № 2. – С. 16–30.

Князев А. Талибы возвращаются // Международные процессы (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 134–140.

Козырев Н.И. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней. – М.: Восток-Запад, 2009. – 208 с.

Комиссина И.Н. Незаконное производство наркотиков в Афганистане // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). – 2010. – № 1. – С. 30–44.

Коргунов В. Перспективы развития ситуации в Афганистане // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 4. – С. 121–135.

Коргунов В. Афганистан: экономическая помощь соседей // Азия и Африка сегодня (Москва). – 2009. – № 9. – С. 47–49.

Коргунов В.Г. Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 322 с.

Коргунов В.Г. Что после Карзая? // Международные процессы (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 141–149.

Коргунов В.Г. Афганистан: послевыборное похмелье // Азия и Африка сегодня (ИВ РАН, ИАФ РАН). – 2009. – № 12. – С. 13–18.

Крупнов Ю. и др. Путь к миру и согласию в Афганистане. – М.: Институт демографии, миграции и регионального развития, 2008. – 39 с.

Кулаков О.В. Новый курс НАТО в Афганистане // Актуальные проблемы Европы. – 2010. – № 3. – С. 123–133.

Лавров А. Афганистан. Талибы и моджахеда: возможно ли примирение? // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 12. – С. 26–30.

Лаевров А. Ислам и религиозно-политические организации в Афганистане // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2010. – № 1. – С. 113–128.

Малашенко А. Станет ли кризис вечным? // Pro et contra (МЦК). – 2009. – № 2. – С. 6–15.

Маналаи Н.-Р. Региональная стабильность и новая стратегия США в Афганистане // Pro et contra (МЦК). – 2009. – № 2. – С. 31–38.

Новикова О.Н. Страны НАТО в Афганистане: цели и подходы // Актуальные проблемы Европы (ИНИОН РАН). – 2010. – № 3. – С. 134–157.

Оганесян А. Сколько будет длиться война в Афганистане? // Международная жизнь. – 2010. – № 12.

Пойя С. Задача со многими неизвестными // Азия и Африка сегодня (ИВ РАН, ИАФ РАН). – 2010. – № 8. – С. 10–14.

Рощупкин В. Афганский «театр войны»: новый сценарий и режиссура // Вестник аналитики (ИСОА, Москва). – 2009. – № 4. – С. 56–62.

Рубцов Ю. Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989): осмысление прошлого // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 5. – С. 121–143.

Рунов В.А. Афганская война. – М.: Эксмо, 2008. – 430 с.

Русаков Е.М. Кнотом и пряником // Азия и Африка сегодня (ИВ РАН, ИАФ РАН). – 2010. – № 8. – С. 2–9.

Сафранчук И.А. Афганская проблема в региональном контексте: Россия и ШОС переходят к более активной политике // Россия в глобальной политике (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 3. – С. 181–189.

Сергеев В.В. Афганистан: пакистанская заноза // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 6. – С. 21–24.

Савченко Д. Аф-Пак: самый горячий район планеты // Мировая экономика и международные отношения (ИМЭМО). – 2009. – № 11. – С. 14–22.

Смагулов А.Д. Афганистан. Опыт восстановления и сотрудничества: 2001–2009 годы. – Кабул: Нури, 2010. – 502 с.

Сушенцов А. «Афганское замирание» по Бушу и Обаме // Международные процессы (Москва). – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 93–100.

Тренин Д. В., Малашенко А. Афганистан: взгляд с севера / Пер. с англ. – Москва: Центр Карнеги, 2009. – 35 с.

Умнов А. Афганский кризис // Мировая экономика и международные отношения (ИМЭМО). – 2009. – № 3. – С. 49–57.

Ханеев М. Политическая нестабильность в Афганистане: война идей или борьба кланов? // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 11. – С. 51–56.

Шайх Н.А. Невыигрываемая война // Международная жизнь (МИД РФ). – 2010. – № 9. – С. 137–156.

Шило Н. Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны. Аналитические записки, выпуск 9 (38) (октябрь 2008). – М.: МГИМО – Университет, 2008. – 40 с.

Шило Н. Сегодняшний расклад в Афганистане // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). – 2009. – № 10. – С. 154–170.

Этциони А. От племени к государству: как стабилизировать Афганистан // Internationale Politik (Берлин, рус. версия). – 2010. – № 2.

Chan S. Breaking the Impasse in Afghanistan: Problems with Neighbours, Brothers and Guests // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2008. – Vol. 6. – No. 4. – Pp. 103–128.

Cordesman Anthony H., Burke Arleigh A. Afghan National Security Forces: What it will take to implement the ISAF strategy. – Washington, DC: CSIS, 2010. – XXX+193 pp.

Cordesman Anthony H., Burke Arleigh A. The Afghan Narcotics Industry: Extended Summary. – Washington, DC: CSIS, 2009. – 57 p.

Crews R.D., Tarzi A. (eds). The Taliban and the Crisis of Afghanistan. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2008. – 448 p.

Giustozzi A. Koran, Kalashnikov, and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. – New York: Columbia University Press, 2007. – 224 p.

Giustozzi A. The inverted cycle: Kabul and the strongmen's competition for control over Kandahar, 2001–2006 // Central Asian Survey (Oxford). – 2007. – Vol. 26. – Issue 2. – Pp. 167–184.

Giustozzi A., Dominique O. Centre-periphery relations in Afghanistan: Badakhshan between patrimonialism and institution-building // Central Asian Survey (Oxford). – 2009. – Vol. 28. – Issue 1. – Pp. 1–16.

Hess S. Coming to terms with neopatrimonialism: Soviet and American nation-building projects in Afghanistan // Central Asian Survey (Oxford). – 2010. – Vol. 29. – Issue 2. – Pp. 171–187.

Khan S. Stabilization of Afghanistan: U.S./NATO Regional Strategy and the Role of SCO // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No. 3. – Pp. 11–16.

Knyazev A. The Afghan Issue in the Politics of Eurasian Great Powers: Russia, China, India and Iran // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2010. – Vol. 8. – No 1. – Pp. 11–16.

Laumulin M. Unpicking the Afghan Knot // Intersec. The Journal of International security (UK). – 2010. – February. – Pp. 10–12.

Peace and Stability in Afghanistan. The Way Ahead. – New Delhi: Vij Books, 2010. – V+215 pp.

Rycroft D.W., Wegerich K. The Three Blind Spots of Afghanistan: Water Flow, Irrigation Development, and the Impact of Climate Change // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No 4. – Pp. 115–133.

Starr S. F. Kuchins A.C. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2010. – 48 p.

Mihalka M. Pashtunistan, NATO and the Global War on Terror: “If you don’t fight, you cannot have peace in Afghanistan” // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2008. – Vol. 6. – No 1. – Pp. 51–78.

United States Plan for Sustaining the Afghan National Security Forces. Report to Congress. In accordance with the National Defense Authorization Act 2008. – Washington, DC: 2010. – 50 p.

Waisová Š. Post-war Reconstruction in Afghanistan and the Changing NGO Government Relationship // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2008. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 45–64.

Внешняя и внутренняя политика Пакистана

Артемов Ю. Пакистан на перепутье // Международная жизнь (МИД РФ). – 2009. – № 9. – С. 52–66.

Белокреницкий В. Беназир Бхутто и исламская демократия // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 1. – С. 134–146.

Белокреницкий В. Пакистан – «провальное государство» в Азии? // Азия и Африка сегодня (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 11. – С. 12–17.

Белокреницкий В. Внутренние и внешние детерминанты внешнеполитического процесса в Пакистане // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 8. – С. 100–120.

Викторов Е. Строительство фрегатов для ВМС Пакистана // Зарубежное военное обозрение (МО РФ). – 2009. – № 12. – С. 71–72.

Евстафьев Г. Обучение историей: Запад и ядерное оружие Пакистана // Индекс безопасности. – 2009. – № 1. – С. 153–158.

Каменев С.Н. Пакистан: старые беды и новый кризис // Азия и Африка сегодня (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 4. – С. 9–14.

Кудашкина Е. Пакистан как очаг исламского терроризма // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 5. – С. 153–161.

Мирский Г. США и Пакистан: альянс, разрушаемый талибами? // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). – 2009. – № 3. – С. 58–63.

Паничкин Ю.Н. История пакистано-афганских отношений и проблема полосы «свободных пуштунских племен» // Восток-Ориент (Москва, ИВ РАН). – 2009. – № 2. – С. 54–67.

Паничкин Ю.Н. Пакистан – Афганистан: беспокойная граница // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 3. – С. 11–16.

Пахомов Е. Пакистан – Афганистан: синдром неразделенных братьев // Pro et contra (МЦК). – 2009. – № 2. – С. 53–70.

Пахомов Е. Два цвета красной мечети // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 1. – С. 26–31.

Приего А. Пакистан между региональными комплексами безопасности Центральной и Южной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2008. – № 6. – С. 63–83 (на рус. и англ. яз.).

Савченко Д. Аф-Пак: самый горячий район планеты // Мировая экономика и международные отношения (ИМЭМО). – 2009 – № 11. – С. 14–22.

Сотников В. Куда идет Пакистан? Как Россия может помочь США «сохранить лицо»? // Россия в глобальной политике (Москва). – 2010. – Т. 8. – № 4. – С. 133–142.

Топычканов П. Ислам и пути государственного развития Пакистана. – М.: Московский Центр Карнеги, 2009. – 15 с. (Т. 11. – Вып. 2. Апрель, 2009.).

Anderson D.A., Maki H. Pakistan's Nuclear Defense Ambitions and U.S. Relations, the Global War on Terror in FATA: Promoting Regional Stability? // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2008. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 21–44.

Levy A., Scott-Clarc C. Deception: Pakistan, the United States and the Global Nuclear Weapons Conspiracy. – New York: Atlantic Books, 2007. – 514 p.

Pakistan: The Global Strategic Lynchpin. Gregory R. Copley and Purvis A. Hussain. ISSA_International Strategic Studies Association. November 2008. – 260 p.

Центральная Азия и исламский мир

Амребаев А. Актуальные вопросы современного мусульманского мира и председательство Казахстана в ОИК в 2011 году // Казахстан в глобальных процессах (ИМЭП). – 2010. – № 3. – С. 17–25.

Ауелбаев Б.А. Центральная Азия и «северный маршрут» транзита невоенных грузов в Афганистан // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса. 7-я Ежегодная Алматинская конференция. – Алматы: КИСИ, 2009. – С. 67–73.

Бакустин А.В. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI веке // Россия и современный мир (ИНИОН). – 2009. – № 2. – С. 175–186.

Бехзади Р. Внешняя политика Ирана в Каспийском бассейне. Между национальными интересами и исламистскими авантюрами // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2010. – № 3. – С. 98–107 (на рус. и англ. яз.).

Будущее Афганистана: роль ШОС // Большая игра (Москва). – 2009. – № 1. – С. 8–11.

Лаумулин М.Т., Ауган М.А. Проблемы безопасности современного Пакистана и их влияние на Центральную Азию // Analytic (КИСИ). – 2009. – № 6. – С. 20–38.

Махмудов Р. Афганский кризис на фоне «проблемы 2011 года»: перспективы развития ситуации // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2010. – № 2. – С. 67–81 (на рус. и англ. яз.).

Морозов Ю. Афганистан как поле для регионального сотрудничества России и США // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2009. – № 3. – С. 147–157 (на рус. и англ. яз.).

Овсепян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическими интересами Запада // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2009. – № 2. – С. 130–137 (на рус. и англ. яз.).

Овсепян Л. Военно-политические аспекты сотрудничества Турции со странами Центральной Азии: общая динамика развития // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2010. – № 2. – С. 93–100 (на рус. и англ. яз.).

Приего А. Пакистан между региональными комплексами безопасности Центральной и Южной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2008. – № 6. – С. 63–83 (на рус. и англ. яз.).

Сафранчук И. Проблемы транзита в Афганистан: геополитика, безопасность, наркотики // Большая игра (Москва). – 2008. – № 6. – С. 7–11.

Ситенко В.Н. Роль ШОС в урегулировании ситуации в Афганистане // ШОС и проблемы безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2008. – С. 72–74.

Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений / Под ред. А.А. Князева, А.А. Мигранян. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 187–195.

Толипов Ф. Стратегический «friction» в Афганистане и геополитический «реверс» в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2009. – № 2. – С. 51–60 (на рус. и англ. яз.).

Тукумов А. Афганский фактор развития наркобизнеса в странах Центральной Азии // Analytic (КИСИ). – 2009. – № 5. – С. 25–31.

Шлыков П.В. Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа // Восток-Oriens (ИВ РАН). – 2009. – № 4. – С. 152–156.

Эйвазов Дж. Центральная Евразия сквозь призму интересов безопасности Турции // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2010. – № 3. – С. 87–97 (на рус. и англ. яз.).

Balooch M. Iran and India's Cooperation toward Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No 3. – Pp. 25–30.

Gleason G., Hanks R.R., Bosin Y. Afghanistan reconstruction in regional perspective // Central Asian Survey (Oxford). – 2009. – Vol. 28. – Issue 3. – Pp. 275–287.

Hanova S. Perspectives on the SCO: Images and Discourses // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No 3. – Pp. 63–82.

Laumulin M. The Afghan Factor in Central Asian Security Politics // Central Asia Seminars. 1st GCSP-OSCE Academy Seminar: «Central Asia 2008». Geneva Papers 7. – Bishkek, Geneva: OSCE Academy, 2009. – Pp. 19–24.

Peyrouse S., Ibraimov S. Iran's Central Asia Temptations // Current Trends in Islamist Ideology. – 2010. – Vol. 10. – P. 87–101.

Starr S. F. A Regional Approach to Afghanistan and Its Neighbors // Strategic Asia 2008-09. – Seattle: National Bureau of Asian Affairs, 2008. – Pp. 333–362.

Zardykhon Zh. Turkey and Central Asia: From Fraternity to Partnership // Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective. Eds. By M. Esteban and N. de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009. – Pp. 79–93. and Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). – 2009. – No 2. – Pp. 21–24.

Ислам и исламский радикализм в Центральной Азии

Бабаджанов Б. «Исламское движение Узбекистана»: джихад как идеология «изгоев» // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). – 2010. – № 3. – С. 105–125.

Джалилов З.Г. Нетрадиционные исламские движения в Центральной Азии // Казахстан-Спектр (КИСИ). – 2009. – № 4. – С. 28–36.

Джумаев А. Ислам и культура в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 3. – С. 102–125.

Жусупов Б.С. Религиозный экстремизм как угроза безопасности Казахстана // Казахстан-Спектр (КИСИ). – 2009. – № 1. – С. 35–41.

Кордые Б. де. Евразийское мусульманство? (взгляд на положение, эволюцию ислама и исламизма в бывших советских республиках Средней Азии и Каспийского региона) // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2008. – № 5. – С. 148–160 (на рус. и англ. яз.).

Митрофанова А.В. Центральная Азия и радикальный ислам // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 2. – С. 50–56.

Нанаева А. Исламский фундаментализм и политический ислам в странах Центральной Азии (на примере Таджикистана и Узбекистана) // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 1. – С. 84–93.

Нанаева А. Исламский фундаментализм как основа развития политического ислама в южном регионе Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 2. – С. 79–85.

Олкомт М.Б. Велика ли угроза джихада в Центральной Азии? // Pro et contra (МЦК). – 2009. – № 2. – С. 39–52.

Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? – Алматы: КИСИ, 2008. – 296 с.

Сейбол С. Международный терроризм и страны Центральной Азии: поспешные выводы // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). – 2008. – № 5. – С. 161–168 (на рус. и англ. яз.).

Файзуллаев Д. Радикализация ислама в постсоветской Центральной Азии // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 11. – С. 15–19.

Шодэ Д. Исламский терроризм в регионе Большой Центральной Азии: «аль-каидизация» узбекского джихадизма. – Paris: IFRI, 2008. – 32 p. (на фр., рус. и англ. яз.).

Abramson D.M. Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. – 50 p.

Laumulin M. Islamic Radicalism in Central Asia // Religion and Security in South and Central Asia. Ed. by K. Warikoo. – London, New York: Routledge, 2011. – Pp. 139–149.

Laruelle M. Religious revival, nationalism and the 'invention of tradition': political Tengrism in Central Asia and Tatarstan // Central Asian Survey (Oxford). – 2007. – Vol. 26. – Issue 2. – Pp. 203–216.

Religion and Security in South and Central Asia. Ed. by K. Warikoo. – London, New York: Routledge, 2011. – 217 p.

Ro'i Y., Wainer A. Muslim identity and Islamic practice in post-Soviet Central Asia // Central Asian Survey (Oxford). – 2009. – Vol. 28. – Issue 3. – Pp. 303–322.

Peyrouse S. Why do Central Asian governments fear religion? A consideration of Christian movements // Journal of Eurasian Studies. – 2010. – Vol. 1. – Issue 2 (July). – Pp. 134–143.

Sinnott P. Peeling the Waziristan Onion: Central Asians in Armed Islamist Movements in Afghanistan and Pakistan // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). – 2009. – Vol. 7. – No 4. – Pp. 33–54.

Zapasznik S. «Walczący islam» w Azji Centralnej. Problem spółczesnej genezy zjawiska. – Wrocław, 2006. – 215 s.

**Қазақстан Республикасы Президенті
жанындағы Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты туралы ақпарат**

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта он бір ғылым докторы, профессорлар, он үш ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, социология салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 180-нен астам кітап басып шығарылған. Институт төрт мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Казахстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы, «Analytic» ақпараттық-талдау журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). «Қоғам және Дәуір» ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» ғылыми журналы және «Analytic» ақпараттық-талдау журналдары Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Білім және ғылым саласындағы бақылау комитетінің диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялайтын ғылыми басылымдар тізіміне енгізілген. Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және

экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды.

ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. ҚСЗИ сайтын пайдаланушылардың саны жылына шамамен 200 мың адамды құрайды және де оның тең жартысынан артығы жақын және алыс шетелдердің үлесіне тиіп отыр.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, Ресейдің, Қытайдың, Германияның, Францияның, Үндістанның, Иранның, Түркияның, Пәкістанның, Жапонияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері, сондай-ақ кандидаттық және докторлық диссертациялар қорғаулары үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,

Достық д-лы, 87«б»

Тел.: +7 (727) 264-34-04

Факс: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

**Информация о Казахском институте
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают одиннадцать докторов наук, профессоров, тринадцать кандидатов наук, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано более 180-ти книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издается четыре журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр», «Analytic» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір», научный журнал «Казахстан-Спектр» и информационно-аналитический журнал «Analytic» включены в перечень научных изданий Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов диссертаций.

КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском. В среднем сайт КИСИ ежегод-

но посещают примерно 200 тыс. пользователей, свыше половины которых – из стран дальнего и ближнего зарубежья.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, «круглых столов». Особый интерес у зарубежных экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и других стран.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников, защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,
пр. Достык, 87^{«б»}
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

**Information about the Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic of Kazakhstan**

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since the moment of its foundation the main mission of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan as the national scientific research institution is providing the activity of the President of Kazakhstan and governing bodies of the country with scientific and analytical background.

The KazISS has become a high professional scientific-analytical center. At present, eleven doctors of sciences, thirteen candidates of sciences, specialists in political sciences, historians, economists and sociologists work in this Institute.

During the period of the KazISS activity, the Institute's experts have published more than 180 books on international relations, problems of global and regional security. The Institute is publishing four journals: "Kogam jane Dayir" (in Kazakh), "Kazakhstan-Spectrum", "Analytic" (in Russian), "Central Asia's Affairs" (in English). Scientific-analytical journal "Kogam zhane Dayir", scientific journal "Kazakhstan-Spectrum" and information-analytical journal "Analytic" are included in the list of scientific editions of the Committee for Control in the Sphere of Education and Science of the Republic of Kazakhstan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for publication of primary scientific results of dissertations.

The KazISS has a website that offers information in three languages: Kazakh, Russian and English. About 200 thousand users

on average surf the KazISS website each year, and more than a half of them are from the countries of near and far-abroad.

The KazISS annually conducts a great number of the international scientific conferences, seminars and round tables. Foreign experts are interested in the annual conferences of the KazISS, conducted from 2003 and devoted to problems of security and cooperation in Central Asia. Not only experts from Kazakhstan, the Central Asian countries, but also scientists from Russia, China, Germany, France, India, Turkey, Pakistan, Japan and other countries attend the KazISS scientific forums.

On the basis of the KazISS, students of the leading Kazakhstani Higher Educational Institutions and also foreign experts pass pre-graduation practice and probation course.

At present, the Institute provides all necessary conditions for professional and scientific growth of its staff, for defense of the Candidate's and Doctor's dissertations.

More detailed information about KazISS can be received to the address:

The Dostyk Avenue, 87^{"b"}
050010, Almaty
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (727) 264-34-04
Fax.: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Монография

Мурат Турарович Лаумулин

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ИСЛАМСКОМ МИРЕ**

(в контексте председательства РК в ОИК)

Редактор **Е.Н. Дремкова**

Дизайн обложки **Б.Л. Леспек, Е.В. Игнатенко**

Верстка **Е.В. Игнатенко**

Подписано в печать 23.02.2011 г. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 11,0.

Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, г. Алматы, пр. Достык, 87^б

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»

г. Алматы